

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Юлий Ким

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Quar. 3

С М.и! Свещес. Краснее и больше.

11. ~~Уже~~ все уже ^{мы} там и не ждем?

C. Темы от имени де/агуна, тем от имени.

И. Кого, куда, во что не сажает,
Вся садовая — неведь, покуда не жмет.

C. Я как только конспектирую
Всё что угодно могу,
Книжечкой сурового ланцетника.

М. Так ~~хот~~^{хот} не ^{сир} гнуше свои.

Судя, ~~да~~ ^{хочу} хоть один кувалет сн.

Как ^{Сур-}Француз Недели и сего

2000 лет мнені алмазас,

Дал с карала *Алман и карала*

Характерно по линии Великого Морос

Alle ^{guten} ~~bei~~ ~~Handel~~, Konzelio ^{für} ~~an~~ und

В родину сдалах своих табачка...

Разультат, разв 12 не о множестве
и в том, что

В 0 0 0 0, ~~доказано~~ небу нулево. $\rightarrow \chi$

~~— he says — the no he was ever ago~~
~~— he said ex — her ex he says~~
~~is he says — some? — her he no was I always~~
~~called people is a page. says ministerial by person~~
~~in it modern~~

~~Recs to next Jano.~~

ए नो वन्यु. ३

Молитва

Ты,

где иуда была нас и вовеки

на ^{вместе} ~~таинственный~~ из Св. Вере-

Вамми нам, Юри Осн Кован!

И с вершиной Олимпа бессмертно

Посреда океана неслетного

Помог, поручи, помогрвал!

~~Дай ^{какой} готово го фикаре заветного~~

~~и с ^{твое} ~~Вамми~~ и, Ваше царя ирветного~~

~~и на ^{твое} ~~таинственный~~ ^{голова} ~~свое~~ похивай!~~

~~Даром Юри Осн Кован...~~

~~Даром от нам Юри Бессмертия~~

~~младного Кван~~

~~в мель танесло~~

~~нас на риди несе охрощиве-~~

~~Крышев гурка, восторе ^{дедство} ~~Олимпа~~~~

~~Испущали от нам, Юри Кован!~~

~~Дай ^{дети} готово го ~~фико~~ 3.20~~

~~и с Ваше царя ирветного~~

~~и на ^{голова} ~~свое~~ похивай,~~

~~Даром от нам Юри Бессмертия - Юри~~

~~Олимпа ^{младного}~~

~~и на ^{свое} ~~Кван~~ ^{младного}~~

~~и гурка восторе охрещиве~~

~~Зеленое~~

~~и. 16 ...~~

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Юрий Харин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Юлий Ким

«ЭКСМО» 2005

УДК 82-1
ББК 84(2 Рос-Рус)6-5
К 40

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Юлий Ким

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Дизайн переплета Ахмед Мусин

В книге использованы материалы из семейного архива автора

Ким Ю.

К 40 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 38. —
М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 432 с., ил.

УДК 82-1
ББК 84(2 Рос-Рус)6-5

ISBN 5-699-09099-1 (т. 38)
ISBN 5-04-003950-6

© Ким Ю. Ч., 2005
© Кушак Ю. Н., составление, 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

И. Иртеньев. «А там посмотрим...» 11

Автобиография 14

На собственный мотив 17

РАННИЕ

Рыба-кит 19

«Губы окаянные...» 20

Кавалергарды 21

Бомбардиры 22

Отважный капитан 23

Черное море 25

Фантастика-романтика 27

Автодорожная 28

Хорошее настроение 29

КАМЧАТСКИЕ

«Капитан Беринг» 31

Бычок 32

15–29 34

Камчаточка моя 36

ЭСТРАДНЫЕ

Сенсация 37

Объяснение 39

Вилли-Билли Джон 41

Я спокоен 43

Соловей 44

Клоун 46

КАЛЕЙДОСКОП

Турист 47

Где тройка с посвистом 49

Военный марш 51

Страшный романс 53

Герцогиня 54

Волшебная сила искусства 55

Шылинка 57

Хайфа 58

Возвращение в Иерусалим 59

Израильская патриотическая 60

БЕЗРАЗМЕРНОЕ ТАНГО 61

Недоросль 73

Занавес пошел 95

НА МУЗЫКУ ВЛАДИМИРА ДАШКЕВИЧА

Из мюзикла «Клоп»

Песня безпризорника 97

Обольстительное танго Эльзевиры	99
Мечта об ордере на жилплощадь	101
Иван объясняется Эльзевире в любви	103
Красная свадьба	105
Хор пожарников	107

МОЗАИКА

Баллада о бароне Жермоне	108
Жестокий романс	110
Ах, зачем я не лужайка	111
Баллада о крысе	113
Штатский марш	114
Третий лишний	115
«Куда ты скачешь, мальчик...»	117

НА МУЗЫКУ ГЕННАДИЯ ГЛАДКОВА

Из фильма «Обыкновенное чудо»	
Дуэт	119
Вы мой ангел	120
Стрелок	121
Из фильма «12 стульев»	
Танго мечты	122
Танго любви	123
Белеет мой парус	124
Неужели вам не хочется?	125

Из фильма «Сватовство гусара»	
Гусарский марш	126
Гусарский романс	127
Гусарская песня	128
Ростовщик	129
Из спектакля «Ах, Бальзаминов, Бальзаминов!..»	
Пролог	131
Что значит правильный человек	133
Ой ты, сваха!	134
Еще один сон Бальзаминова	135
Детский уголок	137
На музыку Владимира Дашкевича	
В гостях у сказки	139
На музыку Алексея Рыбникова	
Песенка Красной Шапочки	140
Отважный охотник	142
Вот тебе и брюки!	143
На музыку Геннадия Гладкова	
Точка, точка, запятая	144
Летучий ковер	146
На музыку Юлия Кима	
Двоячная песенка	147
Малютка Илья Муромец	148
«Весна, весна, ручьи бегут по кручам...»	149
Разбойничья	150

Песня о Бумбараше	151
Посвящается	213
Воспоминание о Давиде	215
Дожди в Пярну	234
Сударь дорогой	249
Крамольные песни	257
Времена не выбирают (от автора)	259
Пионерская лагерная песня	260
Разговор скептиков и циников	261
Отчаянная песенка учителя обществоведения	263
Разговор 1967 года	264
Да здравствует шмон	266
На день рождения Галича	268
«Моя матушка Россия»	270
Блатная диссидентская	272
Лошадь за углом	274
Карусель	276
Забудь бывшее	278
Галилей перед пыточной камерой	279
Историческая перестроечная	281
Кадриль для Матиаса Руста	283
Письмо в союз писателей РСФСР	284
Письмо великого князя Московского в Литву	286

Из пьесы «Московские кухни»
(из недавнего прошлого)

Пролог 288

Русский ночной разговор 289

Джан-джан 290

Наш экспорт 294

Монолог свидетельницы на суде
над диссидентами-демонстрантами 296

Однажды Михайлов... (Очерки) 297

Шекспировские страсти в 1968 году 299

Меня Второв и филера 320

Два рассказа Виктора Некрасова 328

Модвиг Михайлова 336

Дело № 24 343

Русалка на ветвях 349

Приложение

Библиография 427

Справочные материалы 428

Отдельные издания 429

«А там посмотрим...»

И о каком тайным лабиринтам блуждала прихотли-

вая мысль Юлия Кима, прежде чем он предложил написать предисловие к этой книжке именно мне, остается только гадать. Что-то, видимо, рассмотрел он в младшем своем современнике зорким корейским глазом. Остается горделиво считать, что мастеру видней.

Первые стихотворения Кима, которые вошли в его предыдущий сборник, относятся к 1955 году. Мама родная! Я же тогда ходил в первый класс. А до первых собственных стихов оставалась почти четверть века. Одна только его творческая биография вместила едва ли не всю мою человеческую. И ладно бы речь шла об убеленном сединами патриархе. А перед нами-то живейшая капля некоей божественной ртути, заключенная в оболочку мальчишеской фигурки. Неприлично молодой, рядом со своими солидными ровесниками, поразительно-легкий в общении, владеющий золотым кастальским ключиком к любой буквально аудитории. От пресловутой московской кухни до не менее пресловутого Политеха. Необыкновенного артистизма господин. Одна фраза, один гитарный перебор — и пиши пропало. Ты уже в этих мягких кошачьих лапах. Смотришь на него, и дурацкая, счастливая улыбка сама наползет на твое, измученное неустанными заботами об удвоении ВВП, суровое лицо.

Не знаю, сколь знатен был род Кимов в Стране утренней свежести, но в Стране березового ситца голубая кровь по жилам предков Юлия Черсановича, насколько мне известно, струилась не шибко. Значилось у него по матушкиной линии в предках все больше земство да духовенство. Ну и, понятное дело, крестьянство, откуда ж еще взяться русскому земству да духовенству.

Как и нежно им любимый Давид Самойлов, Ким весь из позапрошлого века. Оттуда благородная осанка его стиха. Оттуда же куртуазная учтивость, одобренная изрядной долей иронии. Поэтические предки нашего героя — сплошь украшение русского литературного пантеона. Начиная от Александра, нашего всего, Сергеевича и кончая продумным насмешником Алексеем Константиновичем Толстым. Через Дениса, естественно, Давыдова, всю жизнь разрывавшегося между Венерой, Марсом и Бахусом, но, чуть выдастся свободная минутка, тут же и вспрыгивающего на колени к сердечному другу Аполлону.

Один остроумный человек, да что там напускать туману, автор этого предисловия, как-то вывел формулу, отличающую, по его мнению, поэта от барда. Если поэт — это просто чайник, то бард как минимум чайник со свистком. Не про Юлия Черсановича будь сказано. Ибо наш герой высочайший профи до мозга костей. Бритву не просунешь между словами в лучших его стихах. Мелодии, подбираемые им на слух, вызывают зависть у серьезнейших композиторов, годами постигавших тайны гармонии в лучших консерваториях, коими вопреки предположению Жванецкого, по сию пору славится, наравне с икрой и ядерными боеголовками, сурьезная наша держава.

Но и это, замечу, еще не все. Какой бы еще мастер, обладающий редким даром неразрывно сплестать собственное слово со своей же оригинальной музыкой, смог вступить в счастливый равноправный союз с другими мастерами. Ясно, что речь идет о его друзьях, композиторах Владимире Дашкевиче и Геннадии Гладкове. Именно благодаря им магнитофонный Юлий Ким, приложивший к тому времени немало усилий, чтобы его имя сделалось непригодным к публичному упоминанию в нелюбезном Отечестве, сравнялся славой с экранным Ю. Михайловым.

«Нелепо, смешно, безрассудно, безумно, волшебное, — разматывается в изношенной подкорке сотни раз слышанное, а запомнившееся с первого, — ни толку, ни проку, ни в лад, не попад, совершенно». И качает тебя, седого дядьку, на все более коротких волнах памяти, твоей ли, его, по-ди разбери.

Этот том, как видимо уже успел заметить наблюдательный читатель, вышел под рубрикой «Антологии сатиры и

юмора России». Уверен, что нашему герою нашлось бы славное место и в любой, уважающей себя, антологии лирического стиха. Но уж в этой-то сам бог велел ему присутствовать. С одинаковой легкостью владеет Юлий Черсанович и бичом сатиры, а в его случае, скорее, изящным и тонким, но от того не менее чувствительным для чугуновой державной задницы хлыстом. И тем волшебным, пардон за высокопарность, жезлом, который одним своим прикосновением способен, не опускаясь до пошлости и цинизма, превратить трагедию жизни в ее комедию. А именно — юмором.

Плохо сейчас в стране с этим штучным предметом, господа. Широко и шумно гуляет по телевизионным экранам и печатным полосам лихая бригада литературных слесарюг, сантехников репризы. Которую они, пользуясь дремучей своей терминологией, «дожимают, подкручивают и доворачивают». День и ночь доносится из веселого цеха цельнометаллический скрежет производителей вперемежку с лошадиным ржанием потребителей. И не надо с ними бороться, дорогой Юлий Черсанович, боже упаси! А надо свернуть в трубочку наши скромные, но незапятнанные штандарты и на рассвете в организованном порядке покинуть это поле вечного боя добра с баблом. И, собрав не столь уж еще, по счастью, малочисленных друзей, сесть под веселым солнцем за длинным столом, где и начать читать по кругу. И да будет наградой каждому понимание и уважение равного.

А то и воспользоваться вашим замечательно-дельным предложением более чем двадцатилетней давности:

Пойдем сегодня на базар,
А там посмотрим,
Возьмем клубники полкило,
А там посмотрим.
А может быть, пойдем в кино,
Кино посмотрим
И будем жить да поживать,
А там посмотрим.

Игорь Иртеньев

Автобиография

Вся моя жизнь прошла в Москве — но с перерыва-

ми. Мне не было и двух лет, как в 38-м году я лишился отца (навсегда) и матери (на 7 лет), их унес черный ветер сталинского террора. Сначала нас с сестрой приютили дедушка с бабушкой в Наро-Фоминске, а войну пережили мы у тетюшек под Люберцами. В 45-м мама вернулась, но в столице жить было ей запрещено, и мы 6 лет прожили в Малоярославце под Калугой, а потом сестра возвратилась в Москву поступать в медицинский институт, и ее первый перерыв кончился, а мы с мамой двинули в Туркмению, куда мама завербовалась строить Главный Туркменский канал в качестве экономиста — там и заработок был побольше, а главное, харч подешевле. Там я закончил десятилетку (54-й г.), оттуда поступил в Московский педагогический и еще пять лет побыл москвичом, а затем на три года уехал по договору на Камчатку, вернулся в 62-м и стал москвичом уже окончательно (хотя в 98-м состоится еще один, двухлетний перерыв). Стихи, под прямым воздействием мамы, учительницы литературы, начал сочинять с малолетства, за песни же взялся уже в институте, под прямым воздействием Визбора. Однако всерьез этим не занимался, пока не начал работать в далекой камчатской школе, где художественная самодеятельность была просто жизненной необходимостью. Возвратившись в Москву, я продолжил свою педагогическую деятельность, а с ней и песенную, заняв свое скромное место в славном отряде бардов первого призыва. Был замечен и в 63-м году приглашен в кино («Ул. Ньютона, 1»), а там и в другое («Похождение зубного врача»), а вскоре позвали меня и в театр, а там и в другой, и так оно и пошло себе дальше и длится по сей день, и число фильмов и спектаклей, снабженных моими песенными текстами, кажется, перевалило за сотню.

А педагогическая моя карьера драматически оборвалась в 1968 году, так как к тому времени я уже три года числился в ряду отъявленных антисоветчиков, будучи читателем, распространителем, а то и автором разного рода вполне антисоветских произведений, а также сочинителем всяких ужасных песенок вроде «Монолог пьяного Брежнева». И меня от учительской работы категорически отставили, но работать в театре и кино не запретили — разумеется, до первого подвига. Отказаться от любимого дела я не смог, а так как работа в театре и кино абсолютно исключала какое-либо диссидентство, то пришлось отказываться от подвигов.

Кроме учительства мне заодно запретили выступать с концертами, таким образом, мне ничего не оставалось делать, как только и заниматься упомянутым любимым делом, то есть трудиться на кинотелетеатральном поприще, чему я и предался целиком и полностью. У меня появился псевдоним (Ю. Михайлов) — я придумал его на ходу, руководствуясь двумя соображениями: во-первых, особо не выпендриваться, а во-вторых, никого не повторять (а то был случай с драматургом А. Кузнецовым, чьи пьесы разом были сняты с репертуара, как только прозаик А. Кузнецов сбежал в Англию, и лишь спустя время разобрались, что драматург — Андрей, а прозаик — Анатолий). Оказалось, однако, что в Ленинграде таки был Ю. Михайлов, самый настоящий, причем занимался сходным делом, и долго еще охрана авторских прав приставала, не я ли сочинил либретто мюзикла «Принц и нищий», и мне приходилось со вздохом отказываться от чужого гонорара.

Оснастив целый ряд чужих пьес и сценариев («Бумбараш», «Точка, точка, запятая», «Похождения зубного врача», «Недоросль» Фонвизина, «Как вам это понравится» Шекспира), я в 74-м году вступил в профком московских драматургов, и мой рабочий стаж после шестилетнего перерыва возобновился. Учитывая мои заслуги перед чужой драматургией, меня приняли авансом, в твердой надежде, что и я скажу свое слово как драматург, и я тут же принялся отрабатывать аванс, засев за мюзикл о Фаусте в четырех частях. Отличная получилась вещь, но, видно, слишком опередила время и своего постановщика до сих пор не дождалась. Зато следующий блин («Золушка» в солдатском варианте) пришелся по вкусу и два сезона игрался в

Театре Советской армии. Всего сочинил я десятка три пьес, либретто и сценариев, из которых наибольшим успехом пользуются две мои сказки: про Ивана-царевича и Ивана-дурака.

Здесь захотелось мне остановиться для слова благодарности тем, кому я обязан всеми своими способностями, умениями и в конечном счете более или менее успешными результатами. Ну, во-первых, маме моей, Всесвятской Нине Валентиновне, а с нею вместе и многочисленной своей родне, приехавшей меня к песне, моим институтским, затем камчатским, а там и более поздним московским друзьям — словом, список стремительно вырос до бесконечного множества лиц, так или иначе поучаствовавших в моем становлении и росте, и перед каждым я благодарно склоняю голову.

Началась перестройка, я наконец отменил псевдоним в пользу собственного имени и живо вступил в Союз писателей, кинематографистов и в ПЕН клуб. У меня целых четыре литературные премии: от журнала «Огонек» за 92-й год, от Академии Дураков («Золотой Остап», 1998), от государства премия имени Булата Окуджавы (2000 год), и Царско-сельская (2003 год), считай, что от Пушкина.

Уже в 76-м я возобновил свои выступления с гитарой, а с 88-го стал даже выезжать за рубеж распевать свои песни перед заграничными соотечественниками, главным образом в Израиле, Штатах, Канаде и Германии.

С Израилем связан и мой последний перерыв в московской жизни. В конце 90-х сначала у моей жены Ирины, а потом и у меня обнаружилось тяжелое заболевание, мы переехали лечиться в Иерусалим, где меня спасти удалось, а Ирину — нет...

В Израиле вокруг нас образовалась целая дружеская община, разумеется, из бывших наших москвичей, харьковчан, питерцев и ташкентцев, и мы никогда не чувствовали себя туристами, а сразу же — земляками. Два года я там жил, наезжая в Россию, затем я вернулся в Москву и с тех пор наезжаю в Израиль непременно, 2—3 раза в год, так как теперь и этот край для меня родной (как и для второй моей жены, Лидии, — тоже, впрочем, москвички).

В Иерусалиме я наконец попробовал себя и в прозе (одним из жанров которой как раз и является автобиографический очерк).

На собственный мотив

РЫБА-КИТ

На далеком Севере
Бродит рыба-кит,
А за ней на сейнере
Ходят рыбаки.

Но нет кита, ну нет кита,
Ну нет кита, не видно.
Вот беда, вот беда,
Ну до чего ж обидно!

Как-то ночью черною
Вышел капитан
И в трубу подзорную
Ищет он кита:

«Нет кита, ну нет кита,
Ну нет кита, не видно.
Вот беда, вот беда,
Ну до чего ж обидно!»

Как-то юнга Дудочкин
Бросил в море лот,
И на эту удочку
Клюнул кашалот.

Вот и кит, но что за вид:
Только ребра видно.
Фу, какой — худой такой!
Ну до чего ж обидно!..

На далеком Севере
Бродит рыба-кит,
А за ней на сейнере
Ходят рыбаки.

* * *

Губы окаянные,
Думы потаенные,
Бестолковая любовь,
Головка забубённая!..

Всё вы, губы, помните,
Всё вы, думы, знаете,
До чего ж вы мое сердце
Этим огорчаете!

Позову я голубя,
Позову я сизого,
Пошлю дролечке письмо —
И мы начнем все сызнова!..

1959

КАВАЛЕРГАРДЫ

Красотки, вот и мы, кавалергарды!
Наши палаши
Чудо хороши!
Ужасны мы в бою, как леопарды!
Грудь вперед,
Баки расчеши!

Кавалергарды мы и кавалеры:
Зря не будем врать —
Вам не устоять.
Графини, герцогини, королевы —
Всё одно,
Нам не привыкать!

В бою, в любви — нигде мы не бежали,
Боже сохрани!
Боже сохрани?
Уж если мы падем в пылу батальи, —
То, слава богу,
Ляжем не одни...

Выступаем справа по три
Весело, весело!
Палаши вынимаем
Наголо, наголо!
Враг бежал, без боя взяли мы село:
Parbleu!
Но где же здесь вино?

1962

БОМБАРДИРЫ

Генерал-аншеф Раевский сам сидит на взгорье,
Держит в правой ручке первой степени Егорья.
Говорит он: «Слушайте, что я вам скажу:
Кто храбрее в русском войске, того награжу!»

Генерал-аншеф Раевский зовет командиров:
«Что-то я не вижу моих славных бомбардиров!»
Командиры отвечают, сами все дрожат:
«Бомбардиры у трактиру пьяные лежат!»

Генерал-аншеф Раевский сам сидит серчает,
До своей особы никого не допускает.
Говорит он адъютанту: «Мать твою ядрить!
Бомбардирам у трактиру сена постелить!»

Драгун побьет улана,
Гусар побьет драгуна,
Гусара гренадер штыком достанет,
А мы заправим трубочки,
А мы направим пушечки:
А ну, ребята, пли!
Господь нас не оставит...

1962

ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН

Хорошо идти фрегату
По проливу Каттегату —
Ветер никогда
Не заполощет паруса.
А в проливе Скагерраке
Волны, скалы, буераки
И чудовищные раки,
Просто дыбом волоса!

А в проливе Лаперуза
Есть огромная медуза,
Капитаны помнят,
Сколько было с ней возни.
А на дальней Амазонке,
На прелестной Амазонке
Есть такие амазонки, —
Просто черт меня возьми!

Если хочется кому-то
Маринованного спрута,
Значит, ждет его Калькутта
Или порт Бордо.
А бутылку Эль-Мадейро,
Что ценой в один крузейро,
Кроме Рио-де-Жанейро,
Не найдет нигде никто!

Я прошел довольно рано
Все четыре океана,
От пролива Магеллана
До Па-де-Кале.

От Канберры до Сантьяго
Скажет вам любой бродяга,
Что такого капитана
Больше нету на земле!

1963

HATWENH SUGORATO

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Чудное море!
Черное море!
О, этот блеск плюс плеск
Близкой волны!
Мы окунулись раз
В Черное море
И оказались,
Точно негры, черны.

О, это счастье
Разнузданной лени!
Возьмите всё, всё, всё,
Всё у меня,
Только оставьте мне
Капельку тени,
Холодного пива
И горячего дня.

О, это пиво!
О, эти вина!
О, эта ча-ча, чача —
Шум в голове...
Мы недовыпили
И половину —
Значит, остаток
Дотянем в Москве.

О, это море!
О, эти пляжи!
О, этот зной, зной, зной,
Зной да вода!..

На самолете
Иль в экипаже —
Но ведь нельзя же
Не вернуться сюда!

1963

ФАНТАСТИКА-РОМАНТИКА

Негаданно-нечаянно
Пришла пора дороги дальней.
Давай, дружок, отчаливай,
Канат отвязывай причальный!

Гудит норд-ост,
Не видно звезд,
Угрюмы небеса, —
И все ж, друзья, не поминайте лихом,
Поднимаю паруса!

Фантастика-романтика,
Наверно, в этом виновата.
Антарктика, Атлантика
Зовут, зовут ребят куда-то.

Гудит норд-ост,
Не видно звезд,
Угрюмы небеса, —
И всё ж, друзья, не поминайте лихом,
Поднимаю паруса!

Подумай, друг, а может быть,
Не надо в море торопиться:
На берегу спокойней жить,
Чего на месте не сидится?

Смотри, какой
Гудит прибой,
Угрюмы небеса...
И всё ж, друзья, не поминайте лихом:
Поднимаю паруса!

1963

АВТОДОРОЖНАЯ

Пусть без обеда оставит нас мама,
Пусть на экраны выйдет новое кино,
Пушкой «Торпедо», пускай «Динамо»,
Какое «Динамо» — нам все равно!

Улетай, улетай в путь-дорогу!
Ничего, что овраг на твоём пути:
У автомобиля есть мотор и крылья —
Лети!

Четыре канавы, тридцать три ямы,
Сорок восемь тыщ перепуганных собак,
Надо направо, а мы летим прямо,
А мы летим прямо, а там — буерак!

Если ты весел и если не весел,
Если с грустью глядишь ты в окно,
Если тебе не сидится на месте,
Тебе тогда надо только одно:

Улетай, улетай в путь-дорогу!
Ничего, что овраг на твоём пути.
У автомобиля есть мотор и крылья —
Лети!

1964

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Ой как хорошо, хоть песню пой —
Тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Ах, до чего ж я весел, до чего мил,
До чего ж я мил и до чего весел!
А причины нету никакой...
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!
Говорят, что мир без песен пресен.

Не грусти, друг мой милый,
Спой со мной, лучше спой!
Не грусти, что ты, что ты,
Позабудь про заботы,
Спой — и все пройдет,
Ты только спой!

Мне весь день одно трубит жена —
Тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля —
«Ах, почему ты весел? Почему мил?
Почему ты мил и почему весел?»
Мне весь день мешает петь она:
«Тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля,
Неужели мир без песен пресен?»

Все поют — ишак поет, петух:
Тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Говорят, без песен пресен мир,
Говорят, что мир без песен пресен.
Ну а я за них пою за двух:
Тра-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля!
До чего ж я весел! До чего мил!

Не грусти, друг мой милый,
Спой со мной, лучше спой!

Не грусти, что ты, что ты,
Позабудь про заботы,
Спой — и все пройдет,
Ты только спой!

Спой — и даже если нету
Ни таланту, ни фальцету,
И, пока не разберутся,
Все соседи разбегутся,
И лишь мартовские кошки
Будут слушать на окошке, —
Все равно, как можешь, так и пой!

1964

* * *

Капитан Беринг
Открыл наш дикий берег —
Что за чудо-капитан!
И в этот берег дикий
Стучит волною Тихий,
Ужасно тихий океан.

Подо мной глубина —
Пять километров до дна,
Пять километров и двадцать пять акул...
А волна до небес
Раскачала МРС,
Но никто из нас, никто не потонул.

Подношу к свету
Последнюю галету
И делю на семь персон.
А «Беломора» нету,
И спичек тоже нету,
Зато селедки двадцать тонн.

Если ты смелый,
Ходи да дело делай,
А акулу позабудь!
А если ты не смелый,
Молись, чтоб был ты целый,
Тогда спокойно кончишь путь.

1959

БЫЧОК

тук-тук-тук, мотор стучит,
А по воде бычок бежит,
Старается.
Едет-едет, ковыляет,
Носом воду ковыряет,
Упирается.
Едет-едет, волны пашет,
А помощник чуть не пляшет
В рубке у руля:

— Только бессердечной рыбе
Хорошо на мертвой зыби!
Капитан, скоро ли земля?

На далеком на просторе
Сто домов стоит на море,
Кажется,
Вот пройдем еще немножко,
И под ними наша «кошка»
Вдруг окажется.
Наш бычок домой вернется,
И помощник улыбнется
В рубке у руля:

— Только бессердечной рыбе
Хорошо на мертвой зыби!
Капитан, скоро ли земля?

Вон бараки, вон палатка,
Там Анапка, там Анапка,
Там она.
Тарахтит мотор в горячке,
Но теперь уж в этой качке

Не страшна волна.
Палуба качается,
Над нею разливается
Лишь песенка моя:

— Только бессердечной рыбе
Хорошо на мертвой зыби!
Капитан, скоро ли земля?
Капитан, вот она — земля!

1960

15-29

Нятнацать двадцать девять, —
Отчаянный жучок¹,
И что б мы стали делать,
Кабы ты нам, милый, не помог?
Олег машину врубит, —
Машина тук да тук, —
Марсель на вахту вступит,
И жук, наш друг, уж тут как тут,
И только разбегается волна...

Начхать тебе на повод,
Куда тащить кого, —
Плашкоут так плашкоут,
Да хотя б Долгова самого.
С похмелья Саня встанет, —
Машина тук да тук, —
Петрович в карту глянет,
И жук, наш друг, уж тут как тут,
И только разбегается волна,
И только брызги по ветру летят...

Гляжу и удивляюсь,
Понять не могу, ей-ей,
Как, шторма не пугаясь,
Так и скачет этот воробей.
Одна волна подкинет,
Аж сердце — тук да тук,
Другая в жопу двинет,
И жук, наш друг, уж тут как тут.

---

¹Жучок — ЖК, железный катер (так я запомнил расшифровку).

И только разбегается волна,
И только брызги по ветру летят,
И только плачет девушка одна...

Пятнадцать-двадцать девять —
Счастливого пути!
Пусть камень не заденет
Твое днище, Господи прости!
Пройдет сентябрь-октябрь, —
Машина тук да тук, —
Потом ноябрь-декабрь, —
И жук, наш друг, уж тут как тут,
И только разбегается волна,
И только брызги по ветру летят,
И только плачет девушка одна,
И даже не одна, а все подряд!
И только разбегается волна!..

1966

КАМЧАТОЧКА МОЯ

Камчаточка моя,
Анапочка моя!
Кривые берега твои мне снятся и мерещатся.
Далекie края,
Студеные моря —
Как вспомнятся, так сердце затрепещется,
Трепещется, трепещется...

Приехал я в Москву,
Шикарно здесь живу:
Автобусы, троллейбусы,
Кафе, кино, такси, метро,
И теплые моря, и близкие края.
А все-таки, по-моему, совсем не то,
Совсем не то, совсем не то...

А там сейчас, поди,
И слякоть, и дожди,
И люди там от ветра ходят прячутся и ежатся.
Далёко-далеко,
Ужасно нелегко,
Так что же мне, чего же мне тревожиться?..

Камчаточка моя,
Анапочка моя!..

1965

СЕНСАЦИЯ

Я сел однажды в медный таз
Без весел и руля,
И переплыть Па-де-Кале
На нем решился я.
Ведь на подобном корабле
Через пролив Па-де-Кале
Никто не плавал до меня.

Я вмиг озяб, я вмиг промок,
Пропал весь мой порыв...
Прости мне, Господи, мой заскок,
Но пусть я останусь жив!
То таз на мне, то я на нем,
Уж я не помню, кто на ком,
Но переплыли мы пролив.

И вот — сенсация! На стенку лезет пресса:
— Впервые в мире! Герой прогресса!
Без весел и руля!
Представьте себе — он плыл в тазу,
При этом — ни в одном глазу!
Сенсация! И в центре — я!

Я тут же продал медный таз
За тысячу монет
И перепродал свой рассказ
В тысячу газет.
Есть дом в кредит и в банке счет,
Кругом почет — чего еще?
На всех консервах мой портрет!

Мой медный таз попал и в ТАСС,
На самый последний лист,

Под рубрикою «Их мораль»
И подпись: «Журналист».
Но, несмотря на злобный треп,
В Москве я пожил, как набоб,
Под рубрикою «Интурист»!

Мужчины просят только одно — виски «Медный таз»,
Все дамы носят только одно — клипсы «Медный таз»,
Весь мир танцует только одно — танго «Медный таз»
Под самый модный медный джаз!

Но время шло, и шум иссяк,
И в банке счет — увы!
Семья бранится так и сяк,
И нет уж той любви.
Друзья пьют виски с содовой
И требуют: «Ещё давай!»
Ещё на чём-нибудь плыви!»

Уж я не знаю, как мне быть,
У всех одно в башке:
— В тазу теперь не модно плыть —
Вот если б в душлагé!
Хотя игра не стоит свеч:
Душлаг ведь может и потечь.
Попробуй на ночном горшке!

И вот сенсация, на стенку лезет пресса:
— Впервые в мире! Герой прогресса!
Давайте сюда кино!
И я плыву как идиот,
И подо мной горшок плывет,
И мы вот-вот пойдём на дно...

ОБЪЯСНЕНИЕ

(Диалог)

- **Н**ослушайте вы ходите за мною по пятам!
- Ну да. А что?
- Вы глаз с меня не сводите, я что — картинка вам?
- Ну да. А что?
- Вы вечно караулите меня на нашей улице...
- Ну да. А что?
- «Ну да, а что, ну да, а что» — заладил, словно дятел!
- Ну да. А что?
- Это вы тогда собаку притащили для меня?
- А что? Ну, я.
- Это вы ко мне в окошко запустили воробья?
- А что? Ну, я.
- А то, что целый день потом гонялся пес за воробьем!
- Да? И что?
- Они удрали, но сперва пустили мебель на дрова!
- Фью-ю... Да ну?!

Что ж поделаться, это глупо, очевидно,

Но зато ведь видно — отчего.

— Да, но как-то несолидно,

И вам должно быть стыдно!

— Ну да, еще чего!

Ведь я все это делаю по крайней мере год!

— Ну, да. И что?

— И вам все это нравится, а не наоборот...

— Ну, да. И что?

— А то, что это, значит, для меня не ерунда.

— Ну, да. И что?

— «Ну, да и что, ну, да и что» — чего вы придираетесь?

Скажите — да или нет?

— Ну, да!!!

— Ля-ля-ля!.. А что?

1970

ВИЛЛИ-БИЛЛИ ДЖОН

По дороге скачет Вилли-Билли Джон,
Скачет рысью, едет шагом, пижон.
И на той дороге Вилли-Билли Джон
Подобрал подкову — это
Значит, он нашёл удачу.
Вилли-Билли Джон, не лови ворон,
Ты прибай свою подкову над порогом:
Будешь богатым, Вилли,
Будешь женатым, Билли,
Перестанешь шляться по дорогам,
Перестанешь шляться по дорогам, Джон!

Вот и стал богатым Вилли-Билли Джон:
«Кадиллак» стоит в конюшне его.
Вот и стал женатым Вилли-Билли Джон,
И его старушка Дженни
Экономит каждый пенни.
Вилли-Билли Джон крутит граммофон,
А душа его в печали и тревоге...
Что же такое, Вилли?
Что же с тобою, Билли?
Ты опять мечтаешь о дороге?
Ты опять мечтаешь о дороге, Джон!

И однажды ночью Вилли-Билли Джон
Оседлал коня и выехал вон.
И пошел-поехал Вилли-Билли Джон,
Ехал, ехал, плелся, плелся, —
Вдруг споткнулся и уперся...
Вилли-Билли Джон, конь твой захромал,
Он скакать не может по степным дорогам.
Где же подкова, Вилли?

Где же подкова, Билли?
А она прибита над порогом!
А она прибита над порогом, Джон!
А она прибита над порогом, Вилли!
А она прибита над порогом, Билли!
А она прибита над порогом, Джон!

1977

Я СПОКОЕН

Я спокоен, я спокоен, как спокоен я!
Это просто чудо, как спокоен!
Убивай меня из пушки, изводи под корень —
Из себя не выведешь меня!

Меня ласкает Аргентина ленивой волною,
Мне назначает «Мулен Руж» по ночам randevu, —
И я прошу вас — не стучите, я вам не открою,
И умоляю — не звоните, я шнур оборву!

Я доволен, я доволен, всем доволен я,
Это просто чудо: всем доволен!
Пусть я буду безобразен, беден, бледен, болен —
Все равно доволен буду я!

Надену белую панаму, панаму, панаму,
Поеду на Копакабану — гавану куплю,
И я прошу вас — не надейтесь, я ждать вас не стану,
И умоляю — успокойтесь, я вас не люблю!

Какая чудная погода, не так ли, милорды?
Ну, как у вас идут дела? Как ваш стул? Как семья?
И я надеюсь, вы спокойны. Спокойны и тверды.
Хотя на свете никого нет спокойней, чем я.
Я спокоен!!!

1987

СОЛОВЕЙ

«Соловей мой, соловей...»

Вот так иногда пела дома я,
На кухне посудой звеня.
И вот мои родители
И старая знакомая
Собрались
И смотрят на меня:
— Ишь, — говорят, —
Молчишь?! — говорят. —
А ну-ка, спой-ка,
Уж больно ты скромна!
— Ой, не буду, не буду, не буду,
Вон вас сколько,
А я одна!
«Соловей мой, соловей...»

Сурово кивнула знакомая,
И вот через день поутру
Зовет меня огромная
Комиссия приемная
И смотрит,
И я на них смотрю.
— Ну, что ж, — говорят, —
Споёшь? — говорят. —
А ну-ка, спой-ка,
Вниманье, тишина!
— Ой, не буду, не буду, не буду,
Вон вас сколько,
А я одна!
«Соловей мой, соловей...»

Сурово кивнула комиссия,
И вот я на сцене стою,
А зрителей-то, зрителей —
Да это же немыслимо!
И смотрят,
И ждут, когда спою.
— Вот, — говорят. —
Щас споёт! — говорят,
И как только
Настала тишина:
— Ой, не буду, не буду, не буду,
Вон вас сколько,
А я одна!
«Соловей мой, соловей...»

1970

КЛОУН

Я — клоун,
Я — затейник,
Я выбегаю на манеж не ради денег,
А только
Ради смеха:
Вот это клоун! Вот потеха! Вот чудной!
Быть может,
Когда я — вот он,
Одной печалью станет меньше у кого-то.
Выходит,
Ровным счетом
На свете больше станет радостью одной!

Я — клоун,
Веселый клоун!
Я этой шапочкой навеки коронован.
Ну разве
Я не прекрасен?
Вот это клоун! Вот потеха! Вот чудной!
Давайте
Поля сражений
Объединим в один манеж для представлений:
Я выйду
На середину —
И вы, как дети, смейтесь, смейтесь надо мной!

Я — клоун,
Я — затейник,
Я — клоун,
Веселый клоун...

1970

ТУРИСТ

Я по-русски «турист»,
И по-французски «турист»,
И по-индусски «турист», — ну как же быть?
Неужели нету слова
Подходящего такого,
Чтобы термин заменить?

Я — «шагатель», например,
Я — «страдатель», например,
Я — «искатель», например, и «стихоплет».
И, наконец (ать-два!),
Я — «певец» (ать-два!), —
Я пою всю жизнь напролет!

Я не знаю, друзья,
Что представляю, друзья,
И приношу ли я пользу для страны.
Я ведь, если разобраться,
Разновидность тунеядца —
Посмотреть со стороны:

Зачем шагатель, например,
Зачем страдатель, например,
Зачем искатель, например, и стихоплет?
И, наконец (ать-два!),
Зачем певец (ать-два!),
Зачем пою всю жизнь напролет?

Ну и пусть говорят,
Что не тружусь, говорят,
Что только землю топчу я, вот и всё —
Ведь артисты есть туристы.

И поэты есть туристы,

Ну а я — и то, и се:

Я и шагатель, например,

Я и страдатель, например,

Я и искатель, например, и стихоплет.

И, наконец (ать-два!),

Я — певец (ать-два!),

Я пою всю жизнь напролет!

[1964]

ГДЕ ТРОЙКА С ПОСВИСТОМ

Мой папаша были дворник,
А мамаша — барыня;
Да будь вы граф иль подзаборник, —
Все одинаково вы мне родня!

Где тройка с посвистом,
Попойка с ротмистром?
Того, что сгнуло, — не жалей, не жалей!
Рвань шинельная,
Шпана панельная,
Кому любовь мою за пять рублей?..

Где теперь чины и судьи?
Все свободны, каждый прав:
Ах, подзаборник вышел в люди,
А под забором плачет граф:

«Где тройка с посвистом,
Попойка с ротмистром?»
Того, что сгнуло, — не жалей, не жалей!
Рвань шинельная,
Шпана панельная,
Кому любовь мою за пять рублей?..

Ах, любовь, ты так прекрасна:
Все равны, всем — всё равно!
Люблю я белое, люблю я красное —
Нет-нет, не знамя, а вино!

Где тройка с посвистом,
Попойка с ротмистром?
Того, что сгнуло, — не жалей, не жалей!

Рвань шинельная,
Шпана панельная,
Кому любовь мою за пять рублей?

1967

ВОЕННЫЙ МАРШ

Мы идем — день, ночь,
Мы идем — ночь, день,
Мы идем — зной, снег,
Мы идем!
Для кого-то грех — мы идем,
Для кого-то смех — мы идем,
Для кого-то смерть —
Мы идем!

До свиданья, родной край,
Мы шагаем прямо в рай!
Ты не жди, не жди, не жди меня, родная,
Я любил тебя — прощай!

Одиннадцать солдат
Пошли купаться в море,
Одиннадцать солдат
Забыли о пароле,
Патруль был строг —
Слегка нажал курок,
И вот вам результат:
Семеро солдат!

Семеро солдат
Сивухи наладились,
Семеро солдат
Полковнику попались,
Двоих он расстрелял,
А третий сам не встал,
И вот вам результат:
Четверо солдат!

Четверо солдат
Направились к борделю,
Четверо солдат
Пробыли там неделю,
Но бледный спирохет
Загнал их в лазарет,
И вот вам результат:
Геройски погиб весь отряд...

До свиданья, родной край,
Мы шагаем прямо в рай!
Ты не жди, не жди, не жди меня, родная,
Я любил тебя! Прощай.

1984

СТРАШНЫЙ РОМАНС

Петр Палыч ходил на работу,
И не знал Петр Палыч того,
Что буквально всего через квартал
Анна Дмитна жила от него.

Петр Палыч любил хризантемы,
Он к зубному ходил на прием.
Анна Дмитна писала поэмы
Каждый вечер гусиным пером.

Петр Палыч завел себе дога,
Анна Дмитна купила ежа.
Петр Палыч был лысым немного,
Анна Дмитна как роза свежа.

И скажите, как больно, обидно,
Что у них ничего не сбылось:
Петр Палыч и Анна Дмитна
Так все время и прожили врозь!..

1987

ГЕРЦОГИНЯ

И в Москве, и везде, с кем бы мы ни граничили,
И в ненастье и в вёдро, и вновь, и опять,
Герцогиня во всем соблюдала приличия, —
Вот чего у нее не отнять!

И среди дикарей, чьи ужасны обычаи,
И в узилище мрака, и в царстве теней,
Герцогиня во всем соблюдала приличия, —
Вот чего не отнимешь у ней!

Даже будучи демоном зла и двуличия,
Предаваясь разврату и водку глуша,
Герцогиня во всем соблюдала приличия, —
И не кушала спаржу с ножа
Никогда!..

1987

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Н.Эйдельману

Капнист пиесу накропал громадного размеру.
И вот он спит — в то время как царь-батюшка не спит:
Он ночь-полночь пришел в театр и требует премьеру.
Не знаем, кто его толкнул. История молчит.

Партер и ложи — пусто все: ни блеску, ни кипенья.
Актеры молятся тайком, вслух роли говоря:
Там, где-то в смутной глубине, маячит жуткой тенью
Курносый царь, а с ним еще, кажись, фельдъегеря.

Вот отмахали первый акт. Все тихо, как в могиле.
Но тянет, тянет холодком оттуда (тьфу-тьфу-тьфу!).
«Играть второй!» — пришел приказ, и, с богом, приступили.
В то время как фельдъегерь: «Есть!» — и кинулся во тьму.

Василь Васильевич Капнист метался на перине —
Опять все тот же страшный сон, какой уж был в четверг:
Де, он восходит на Олимп, но, подошед к вершине,
Василь Кирилыч цоп его за жопу — и низверг!

За жопу тряс его меж тем фельдъегерь с предписанием:
«Изъять немедленно и в чем есть отправить за Урал!
И впредь и думать не посметь предрезостным мараньем
Бумагу нашу изводить, дабы хулы не клал!»

И не успел двух раз моргнуть наш, прямо скажем, Вася,
Как был в овчину облачен и в сани водворен.
Трясли ухабы, тряс мороз, а сам-то как он трясся! —
В то время как уж третий акт давали пред царем.

Бледнел курносый иль краснел — впотьмах не видно было.
Фельдъегерь: «Есть!» — и на коня, и у Торжка нагнал:

«Дабы сугубо наказать презренного зоила,
В железы руки заковать, дабы хулы не клал!»

«Но я не клал!!! — вскричал Капнист, точа скупые слезы. —
Я ж только выставил порок по правилам искусств!
Но я ж его изобличил — за что ж меня в железы?
А в пятом акте истребил — за что ж меня в Иркутск?»

Меж тем кузнец его ковал с похмелья непротивно.
А тут еще один гонец летит во весь опор.
Василь Васильевич Капнист взглянул, вздохнул покорно,
И рухнул русский Ювенал у позлащенных шпор...

Текли часы... Очнулся он, задумчивый и вялый.
Маленько веки разлепил и посмотрел в просвет:
«Что, братец, там за городок? Уже Иркутск, пожалуй?»
«Пожалуй, барин, Петербург», — последовал ответ.

«Как Петербург?!» — шепнул Капнист, лишаясь дара смысла.
«Вас, барин, велено вернуть до вашего двора.
А от морозу и вопче — медвежий полог прислан,
И велено просить и впредь не покладать пера!»

Да! Испарился царский гнев уже в четвертом акте.
Где змей порока пойман был и не сумел уползть.
«Сие мерзавцу поделом!» — царь молвил и в антракте
Послал гонца вернуть творца, обернутого в полсть.

Все ближе, ближе Петербург, и вот уже застава,
И в пятом акте царь вскричал: «Василий! Молодец!»
И на заставе ждет уже дворцовая подстава,
И только прах из-под копыт, и махом — во дворец!

Василь Васильич на паркет в чем был из полсти выпал.
И тут ему — и водки штоф, и пряник — закусить.
«Уу, негодяй! — промолвил царь и — золотом осыпал. —
Пошто заставил ты меня так много пережить?»

Во как было в прежни годы,
Когда не было свободы!

ПЫЛИНКА

Крылатого амура
Крылатая стрела
Навеки грудь проткнула,
На муки обрекла.
Нельзя без содроганья
Внимать мои стенанья,
Тому причина ты,
Богиня красоты.

Позволь, моя Цирцея,
Пылинкой мелкой стать,
Дабы стопы твоя
Касаться и ласкать.
Как только сквозь подметку
Почуешь ты щекотку,
То знай, что это я,
Пылиночка твоя.

А если нежный носик
Как бы кольнет волосик,
То это тоже я,
Пылиночка твоя.
Когда же ночью темной
Тебя рукой нескромной
Ля-ля ля-ля ля-ля —
Пылиночка твоя!

2001

ХАЙФА

Ой ты Хайфа, Хайфа!
За все годы лайфа
Я такого кайфа
Не ловил.
Эти горы, эти пляжи,
Этот климат даже тоже —
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй! —
Полюбил.

Если вы молчите
На своем иврите,
Все равно ходите
Как хотите тут.
«Добрый день», «шолом алейхем»,
«Гамарджоба», «зохен вейхем» —
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй! —
Вас поймут.

О, Исроэл, Исроэл!
О, как ты освоил,
О, как ты устроил
Этот древний край!
О, прекрасный город Хайфа!
Я клянусь — за годы лайфа
Никогда такого кайфа —
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй
Ай-ай!

1990

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИЕРУСАЛИМ

Дорогой мой Владимир Абрамыч,
Драгоценный мой Игорь Ароныч!
Как журчат и приятно рокочут
Имена ваши в полости рта!
Как совок по сентябрьскому Сочи,
Как изгнанник по кладбищам отчим,
Так по вас я соскучился очень,
Аж до чёрта, то бишь до черта!

Предо мною то США, то Канада,
Надо мною московское лето,
Голова моя в тягостном дыме
От того, и того, и того...
И как важно, как нужно, как надо
Соображать, что вы бродите где-то
В белокаменном Ерусалиме
По бессмертной брусчатке его.

И не может быть даже двух мнений,
Что из этих вот соображений
Состоит, вытекает и складывается
То, что мы называем душой:
Что, мол, есть, мол, Абрамыч с Аронычем,
Да еще Константиныч с Антонычем,
Да в придачу Наумыч с Миронычем —
Ну и далее, список прикладывается,
Хоть уже он не очень большой...

2001

ИЗРАИЛЬСКАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ

Был я верный правоверный пионер,
«Широку страну родную» громко пел.

В комсомоле, скажем правду, господа,
Не оставил я заметного следа,

В коммунисты меня звали — я не стал.
Стал обычный злоязычный либерал:

При словах «гражданский долг», «патриотизм»
В организме начинался пароксизм.

Кроме спутника и флага на Луне,
За державу только стыдно было мне,

И, смотря на наши звезды и кумач,
Издавал я злобный смех иль горький плач.

А теперь скажите, где я? что со мной?
Ведь нечуждый я, хотя и не чужой,

Но гляжу на эту синюю звезду —
И испытываю гордую слезу!

И хочу растить бананы на камнях,
Славить Господа под Западной стеной,
Вдохновенно танцевать на площадях
И с ружьем стоять на страже, как герой!

В патриота превратился либерал,
Прям как будто только этого и ждал!
И готов, как пионер, шагать в строю,
И опять я Дунаевского пою:

«С гулькин нос страна моя родная,
Очень мало в ней лесов, полей и рек,
Но другой такой страны не знаю,
Где так счастлив русский человек!»

2001

Безразмерное танго

Здесь «Безразмерное танго» публикуется без припева: на бумаге он не читается. Михаил Левитин, главный режиссер московского театра. «Эрмитаж», заказал мне это танго к десятилетию театра, «Пиши любую чушь — я поставлю», — сказал он. Я так и поступил и написал восемьдесят с лишним строк. Из них он отобрал пятьдесят для постановки, составил свою композицию и сыграл ее на юбилее. Для публикации же я отобрал эти тридцать четыре, из них лишь часть совпадает с композицией Левитина. Отбирал я по принципу удобочитаемости. Среди читателей может оказаться и другой режиссер, которому захочется устроить свою композицию. Если понадобится, я и еще тридцать четыре напишу: жанр позволяет.

Дважды десять когтей у медведя.
Десять пальцев у нас на руках.
Десять суток, метаясь и бредя,
Достоевский писал «Игрока».
Десяти непорочным девицам
Десять бесов явились во сне.
Завершают сюжет
Десять лет, десять лет
«Эрмитажу», который в Москве!

1

Это танго — оно как цыганка:
Путь его пролегает везде.
Вьются юбки, гундосит шарманка,
Ноги сами несут по земле!
Знай мелькают, как карты в колоде.

Люди, страны, дороги, столбы.
Каждый новый маршрут —
Это свежий лоскут
На цветную рубаху судьбы!

2

В понедельник безоблачно-ясно,
А во вторник — чудовищный град.
В среду снова погода прекрасна,
А в четверг целый день снегопад.
Сухо в пятницу, влажно в субботу,
В воскресенье — неслыханный смерч!
Вам подобный контраст
Слишком кажется част,
А для нас он обычная вещь.

3

Вышел киллер и сел в катерпиллер.
Вышел дилер и доллар зажал.
Вышел Мюллер и с ним патер Миллер,
Воду вылил на рыжий пожар.
И вот так день за днем в этом мире
Каждый как-то играет с огнем:
Кто-то носит его,
Кто-то гасит его,
Кто-то рученьки греет на нем.

4

Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве.
Гордый горец из города Гори
Все мечтал здесь о дружной семье.
Как искал он тепла и участия,
Как хотел доверять и любить!
Этой страстной мечтой
И ужасной средой
Можно многое в нем объяснить.

5

Вот идет Александр Македонский,
Блок, Вертинский, Фадеев, Дюма —
Александры, великие тезки,
К ним пробиться надежды нема.
Еле терпят они Искандера,
Да и то ради дяди Сандро.
А Левитин и Ким
Соответствуют им,
Как, простите, корове седло.

6

Есть в Туркмении город Ташауз,
И пока не задуло свечу,
Я одною мечтой утешаюсь,
Что его я еще навещу.
Нету в нем мавзолеев Тимура,
Пирамид и античных колонн.
Просто некий певун
Был там некогда юн
И в чудесную Люсю влюблен.

7

Вот идет Александр Грибоедов,
Острослов, дипломат, полиглот.
Он, грибами в гостях пообедав,
Совершенно расстроил живот.
Надо ехать на воды Кавказа.
«Где карета? Вон, вон из Москвы!»
Он поехал в Тифлис,
В тот, что Персии близ,
И уже не вернулся, увы.

8

Вот прекрасная повесть из жизни:
Князь графиню одну полюбил.

Но она из-за сильного секса
Убежать захотела с другим.
Князь искал оскорбителя долго,
Но был ранен и телом зачах.
И он все ей простил,
И опять полюбил,
И скончался у ней на руках.

9

Господа, ей же ей, дело скверно:
День и ночь, наяву и во сне
Розенкранц на костях Гильденстерна,
Как на флейте, играет Массне.
Как он вертит невинное тело,
Дует в дырочку, жмет на бедро!
Уж и так он и сяк,
Но никак, ну никак
Не достанет до верхнего «до»!

10

Вот идет Александр Сергеич
К Николаю Васильичу Г.
Он несет, как какой-нибудь Гнедич,
Натюрморты художника Ге.
Это видит покойный Мицкевич
И презрительно цедит слова:
«Миль пардон, Александр,
Это низменный жанр:
В натюрморте натура мертва».

11

О Камчатка моя, о Камчатка!
Посмотри: это я, твой Орфей.
О роскошная дикая чайка,
Ты моя золотая форель!
О Камчатка, ты видишь, как часто
Всю я жизнь поминаю тебя!

Что за страшный магнит
В твою тундру зарыт,
Что так манит и мучит меня!

12

Что я в жизни любил, ненавидел?
Что нашел я и то ли искал?
Что я видел и что я увидел?
Что я слышал и что услышал?
Где друзья, где враги, где подруги?
Что такого сказал я умно?
Мой единственный враг,
Баснословный мудак,
Все глядит на меня из трюмо.

13

На скамьях Государственной думы
Можно видеть различных людей.
Эти веселы, эти утрюмы,
Вон татарин, а вот и еврей.
Кто со свечечкой молится в храме,
Кто с попов обрывает кресты.
Как богат наш народ
Депутатами от
Необъятной его широты!

14

Как прекрасно, чудесно, отлично,
Превосходно и больше того —
Выступать перед всеми публично,
Не скрывая лица своего!
Все лицо твое публика видит,
От детей до солидных мужчин,
На открытый твой лик
Каждый смотрит — и вмиг
Просыпается в нем гражданин.

15

Птица милая археоптерикс!
В глубину мезозойских хвощей
Посылаю тебе этот телекс
О сегодняшнем виде вещей.
Бронтозавров твоих, мегозавров
Заменила машинная сталь.
Ну а тот трилобит
Стал потом троглодит
И пока еще не перестал.

16

Жили-были старик со старухой,
И всю жизнь их преследовал рок:
Оба глухи на правое ухо,
Оба слепы на левый глазок.
У нее был артрит сухожилий,
У него не хватало ступни.
Если каждого взять,
То ни сесть и ни встать,
Но вдвоем обходились они.

17

— Гавриил, где вы были намерднн?
— Я к обедне ходил, Даниил.
— Гавриил, что за жалкие бредни?
— Даниил, но я правда ходил.
— Гавриил, да, но где вы сегодня?
— Я сегодня у сводни гошу.
— Как же так, Габриэль:
То вы в храм, то в бордель.
— Я ишу, Даниэль, я ишу.

18

Вот еще одна повесть из жизни:
Граф княгиню одну полюбил.

И хоть был он большой керосинщик,
Он женился и пьянку забыл.
Но она оказалась дешевка
И хоть с кем, даже с братом жила.
Но настала война,
Заразилась она,
И он в Бога поверил тогда.

19

Да, я слушаю... слушаю... слышу...
Нет, конечно... Ну что вы... Вчера...
Николая, Петра... Нет, не Мишу...
Мишу позже... Сначала Петра...
Да, спасибо... Не нужно... Оставьте!
 Попрошу ко мне в душу не лезть!
Кто сказал «пятьдесят»?
Почему «пятьдесят»?
Двести семь — ШЕСТЬДЕСЯТ — двадцать шесть!!!

20

Это танго — полет бумеранга:
Вдаль к началу — и вновь на финал.
Это песнь о стране Чунга-Чанга,
Бесконечного детства вокал.
Как яранга в низовиях Ганга,
Это танго смешно и пестро.
Но бывает на миг —
Как змеиный язык
Танго тонко и вместе остро!

21

Я прошу вас, Лариса, Глафира,
Умоляю, считаю до трех:
Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Ты, Лариса, поди за Бориса,

Ты, Глафира, езжай на Кавказ —
И тогда этот мир
Будет заново мил,
А не так безобразен, как щас.

22

— Д'Артаньян, вы дурак, извините!
— Де ла Фер, но и вы сам дурак!
— Понапрасну вы шпагой звените!
— Больше вы не попьете коньяк!
— Где мадам Бонасье, д'Артаньяша?
— А кто предал жену палачу?
— Я прощал сколько мог,
Но последний намек
Не прощу! Ни за что не прощу!
— Я прощал до сих пор,
Но последний укор
Я ударом клинка возмещу!
— Я прощал, как умел,
Но всему есть предел,
И за это я вам отомщу!
— Но имейте в виду —
Я и здесь превзойду:
Все прощу и спокойно уйду.

23

— Начинаю: Е2 — Е4.
— Продолжаю: Ж7 на Ж5.
— Против денег часы золотые.
— Принимаю.
— Прошу продолжать.
— Предлагаю посильную жертву.
— Принимаю, хотя и не рад.
— Что поделаешь, Поль:
Мой бубновый король
Объявляет вам рыбу и мат.

24

Дайте Баунти! Баунти! Баунти!
И другие подайте плоды!
Дайте радио! Видео! Ауди!
Каждый раз! И во время еды!
Дайте Стиморол! Стиморол! Стиморол
Защищает с утра до утра!
Дайте нам Блендамет!
Педдигри! Киттикет!
Дайте все, что для полости рта!

25

И еще одна повесть из жизни:
Граф графиню свою разлюбил,
И всю жизнь с ней мечтал разойтись,
Но все не было нравственных сил.
Чуть бывало возьмется за посох,
Как она уж опять с животом.
Только будучи стар,
Он свое наверстал
И ничуть не раскаялся в том.

26

Всю-то жизнь я дурачился с песней,
Бегал, прыгал, играл в чепуху.
Называть это дело профессьей
Как хотите — никак не могу.
Я пложу свои песенки лёгко,
Не хочу я их в муках рожать.
А что деньги дают
Как за доблестный труд —
То не буду же я возражать!

27

— Я хочу рассказать тебе поле.
— Что вы, сударь, пристали ко мне?

Потому что вы с севера, что ли?
— Шагане ты моя, Шагане,
Хочешь, я расскажу тебе Фета?
— Из Бодлера просила бы я.
— Я могу и Рембо.
— Ах, не все ли равно?
— Шагане ты моя...
— Я твоя.

28

Проходя по житейскому морю,
Пять сердец я разбил дорогих.
Правда, если бы я не разбил их,
То разбил бы четыре других.
Все равно, брат, вались на коленки
И тверди, подводя результат:
«Виноват. Виноват.
Виноват. Виноват.
Виноват. Виноват. Виноват!»

29

Как прекрасна мозаика жизни,
Хоть и логики как лишена!
Как луч света в вертящейся призме,
Так дробится и брызжет она!
Не ищите порядку и связи,
Проповедуйте горе уму,
А когда черный кот
Вам тропу перейдет,
Перейдите ее же ему!

30

Вот идет Александр Твардовский,
С ним Островский идет Николай.
К ним подходит поэт Маяковский:
— Как пройти на бульвар де Распай?
— Нет-нет-нет, мы московские люди,

Ваш Париж для нас город чужой! —
А он молча стоит,
Непричесан, небрит,
И глядит с непонятной тоской.

31

— А скажите, Раиса Петровна,
Где вы брали такой крепдешин?
— Это было у синего моря,
Где струятся потоки машин.
— И почему же платили за метр?
— Это дорого мне обошлось.
— А у нас креп-жоржет
Расхватили чем свет.
— Не могу это слушать без слез...

32

— До чего хороши пьесы Кима!
— Да, и песни весьма хороши.
— Да, но пьесы поглубже, вестимо.
— Да, но в песнях побольше души!
— Да, но главное — драматургия.
— Да, но чем же он плох как поэт?
— Да, действительно, но
Нужно что-то одно.
— Да, конечно, но, думаю, нет.

33

Беспорядочно перечисляя
Что на слух и на глаз попадёт,
Обернёшься назад — мать честная!
И опять воспаленно — вперёд!
Чуть за здоровым погонишься смыслом,
Лезет в очи какая-то муть!
Хочешь прямо на юг —
Получается крюк,
Называется — творческий путь.

34

Это танго — оно вроде танка:
Напролом так и лезет и прет.
Безобра-,
беспоща-,
без остатка
Давит траками все напролет.
Как безумые воют тромбоны,
От гитары спасения нет!
Хоть среда, хоть четверг —
Господа, руки вверх:
Начинается новый куплет!

Недоросль

«НЕДОРОСЛЬ»

первый русский мюзикл

Вокальные номера к спектаклю
по пьесе Дениса Фонвизина «НЕДОРОСЛЬ» (1969)

Д а, вот так, и никак не менее чем, величали иные

театральные критики спектакль Саратовского ТЮЗа, поставленный Леонидом Эйдлиным по фонвизинскому «Недорослю» в 1969 году. Сам Эйблин называл это «комедия на музыке», что была истинная правда — но мы с ним и от «мюзикла» не открепивались.

Нет, наверное, в русском репертуаре такой пьесы, какую бы наши режиссеры еще так обходили за три версты, как «Недоросль». Один Оскар Ремез, известный московский режиссер и педагог, решительно утверждал, что «Недоросля» можно и должно ставить безо всяких сокращений — особенно и именно тех мест, где Фонвизин учит жить, высокопарно и скучно. Эйблин же считал, что всю эту высокопарность никакой искусностью не одолеешь и, следовательно, молодой зритель побежит из театра, не дожидаясь финала, — и пошел на сокращения без долгих раздумий. А чтобы бессмертная комедия обессмертилась еще более, он решил сделать ее музыкальной. И для этой цели позвал в помощь меня.

Я сочинил номеров, наверное, двадцать, включая увертюру — то есть в самом классическом смысле этого слова, с главной темой, с музыкальным развитием, для симфонического оркестра. Аранжировал, конечно, не я, за отсутствием какого-либо музыкального образования. Но даже и тут были мои пожелания: где играть медным, а

где струнным. Помню, услышав, долго смеялся. От радости.

За увертюрой следовал короткий пролог. Выбегали молоденькие крестьяночки и пели:

— Ты скажи, хозяйюшка,
Что сегодня испекла?
— Испекла я свежий пряник
На старинном на меду.
— Свежий пряник, старый мед —
Ладно ль вышло, вкусно ль будет?
— Ой дид-ладо лебеда!
Лишь бы не было вреда.

Далее действие начиналось, как оно и положено, со знаменитой сцены примерки тришкина кафтана на молодого барина. Возле Митрофана, вполне наглого, хитрого и красивого парня, вертелась дворня и похаживала вокруг матушка, помещица госпожа Простакова с тихим, как бы навсегда прибитым муженьком — все они обсуждали новый кафтан, пошитый Тришкой, и помаленьку переводили разговор в пение. Вот вошел Скотинин, приехавший свататься к Софье. Простакова к нему:

— Вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Мешковат ли этот кафтан?
— Нет.
— Да я и сам уж вижу, матушка, что он узок, — говорит Простаков.
— Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г - жа Простакова
Где же изряднехонько?
И глядеть тошнехонько.

Скотинин
Что ж тебе тошнехонько?
Сшито изряднехонько.

Г - жа Простакова
Аль ослеп ты, батюшка?
Узко вышло платьишко!

Скотинин

Да что тебе тошнехонько?
Сшито изряднехонько!

Г-жа Простакова

Аль тебе от сговору
Замутило голову?

Скотинин

Что тебе тошнехонько?
Сшито изряднехонько!
Нет! Кафтан хорош!..

Г-жа Простакова

Все ты, братец, врешь!

Тришка

Быть кафтану плохо сшиту — стал быть,
Тришке быть побиту!
Не по нраву талия — будет мне баталия!
Не по нраву рукава — без волосьев голова!
За изрядные труды порвут спину в лоскуты!

Девки

Ой дид-ладо, лебеда!

Г-жа Простакова

Жмет во грудях! Узок во плечах!
Али, братец, ты ослеп?
Али, братец, ты оглох?
Ан кафтан-то плох!

Скотинин

Нет, кафтан хорош!

Все (к Митрофану)
Митрофанушка, мой свет,
Чай, тебе вздохнуть неможно?
Ты скажи, скажи не ложно:
Жмет он или нет?

Здесь Митрофан, выдержав паузу, начинал медленно танец, разводя руками и поводя плечами, показывая, что кафтанец шит изряднехонько-таки:

— Ай, барыня-барыня! Сударыня ты моя!

Тут и все, убыстряя пляс, подхватывали:

— Ай, барыня-барыня! Сударыня ты моя!

Ай, да молодец Митрофанка!

Кафтан-то пришелся в самый раз!

Вишь ты — потешил милый нас!

И госпожа Простакова тут и ставила точку всей дискуссии, обращаясь к совершенно оправданному Тришке:

— Выйди вон, скот!

Скотинин был трактован как человек искренний и действительно обожающий свиней, как обожают коллекционеры то, что они коллекционируют. Об этой своей «смертной охоте» он исповедовался в небольшом ариозо:

Люблю свиней, сестрица!

Ах, кабы не оне,

В монахи бы пострицца

Давно пришлось бы мне.

Кому свинья — свинина,

Щетина да сальцо,

А мне свинья — скотина,

У коей есть лицо!

Бывало, идет стадо,

И трудно глаз отвести:

Им ничего не надо,

Окроме как поесть.

Ни злобы, ни попрека,

Ни хитрости какой...

Мне в людях одиноко,

А с ними я — как свой.

Приходила Софья, дальняя молоденькая родственница, находящаяся на попечении Простаковых «из милости», и показывала письмо от дядюшки ее Стародума с извес-

тием, что теперь она богатая наследница с десятью тысячами годового дохода. Общий шок, столбняк, обмеление...

Г - жа Простакова
Десять тысяч!..

Хор
Десять тысяч!

Г - жа Простакова
Ежегодно!..

Хор
Ежегодно...

Г - жа Простакова
Это стало быть...
Каждый месяц —
Восемьсот!..

Скотинин
Восемь сотен!
Это, стало быть,
Три червонца!
Ежедневно!

Хор
В день без малого
Три червонца...
Круглый год!

Г - жа Простакова
И за что ж этой бестии счастье?
За красивые, что ли, глаза ее?
Я нашла бы кого поглазастее!
Так за что же ей?
Вот наказание!

Хор
Десять тысяч!

Скотинин
Деньги, слышь, большие!

Хор
Десять тысяч!

Простаков
Может быть, фальшивые?

Хор
Словно с неба...
Кабы мне бы...
Кабы мне...

Г-жа Простакова
На моих руках родней дочери
Девка выросла сложа рученьки.
А я знай вертись с утра до ночи,
Каждый день! И всю жизнь! Больше мочи нет!

Общий хор
Десять тысяч!
Ежегодно!
Восемь сотен
Каждый месяц!
Три червонца —
Каждый день!..

Скотинин счастлив: невеста его оказалась еще и богатой. Его сестра тут же замышляет переменить жениха и женить на Софье Митрофана. А тут появился и третий кандидат: молодой офицер Милон. Когда-то он был знаком с Софьей и влюблен, но судьба их разлучила. Выходная ария Милона была такая:

Храбрый воин полн отваги,
Он летит в огне, в дыму,
Верен воинской присяге,
Как и сердцу своему.
В час последний, в час печальный,
Сталью вражеской сражен,
Взор небесный, голос дальний
Видит он и слышит он:

«Друг любезный, ты далеке.
Но душой услышь меня:
Обещал ты скорой встречи,
Где же ты? Я жду тебя».
И в порыве силы прежней
Воин рану превозмог!
Перед зовом страсти нежной
Отступает злобный рок!

*Вслед за столь изящным романсом на сцену вступали
грубые солдаты:*

Раз!
И два!
И горе не беда!

Уж мы, братцы, рвем подметки
Нонче и вчерасы!
После дела даст нам водки
Сам светлейший князь!

Без вина, как без закону,
Нешто проживешь?
Никакого бастииону
Трезвый не возьмешь!

Вот вернемся мы с походу,
Снимем кивера, —
Вместо водки будем воду
Трескать до утра!

Квартирьеры, квартирьеры, фейерверкера!
Интенданты, маркитанты, каптенармуса!

Подавай сюды фатеры, а коням овса!
Нам фатеры — коням овса!

(Автор понимал, что фейерверкера никак не помещаются в предложенном смысловом ряду, и оставил их там лишь по причинам благозвучия. Насчет киверов в русской армии времен Фонвизина также имеются сомнения — да ведь если на все смотреть с такой придирчивостью, то и у Толстого сыщем множество пятен.)

На подворье Простаковых Милон встречался с давним своим приятелем и ровесником Правдиным. Сей молодой чиновник как раз был прислан сюда понаблюдать за нравами помещиков. Друзья обнялись.

М и л о н

Тебе, любезный друг, открою тайну сердца своего:
Влюблен я и имею счастье быть любимым.
Но вот уже полгода как в разлуке
Я с той, кто мне всего дороже в мире!

В надежде пребываю, что она
Содержится у родственников добрых.
А вдруг она в руках корыстолюбцев?
Я весь от этой мысли вне себя!

На это Правдин отвечал фразой из оперы Чайковского «Пиковая дама»:

Я имени ее не знаю ль?

На что ответ следовал совершенно в духе простодушной классики.

М и л о н

Ах! Вот она сама!

Появлялась Софья, немедленно же начинался дуэт:

— Ах, мой друг любезный, лукавый Амур,
Моей вняв мольбе слезной, тебя ко мне вернул!
— Сей минуты я все ждала, о друг мой!
Ни дня, ни дня я не спала — все ждала, все ждала.
(Вместе)

Как сладко нам будет
На мягкой травке
У ручья вдвоем
Под розовым кустом!
Как чудны там будут
Томны лобзанья,
Нежны признанья.
И наступленье...
И поражение!..

Ты на арфе — я на лире
Повторяем вновь и вновь:
Все пременно в этом мире,
Непременно лишь любовь!

И вот все завертелось вокруг Софьи, три жениха — три соперника, у Митрофана с дядюшкой уже и до драки дошло. В какой-то момент передышки вдруг в своем уголку оказался Простаков. И тихонечко запел:

Род Простаков
От старинных простаков
Из боярских детей.
В оны года,
Кого шире борода,
Тот и был всех умней.
Умники те
Таскали воду в решете:
Была в ходу простота.
Нынче зато
Кладут сито в решето,
Чтоб держалась вода...

Нынче все страх:
Не ходить бы в простаках,
Знай гляди да смекай.
Ин невелик
Мозгу малый золотник —
За большой выдавай!
Знай ни аза,
Ходи вылупя глаза —
И пропадешь ни за грош.

Смел да умен —
Два угодия завел.
Там и третье урвешь...

Как простаку
Да в осьмнадцатом веку
Свой живот уберечь?
Будь как дитя:
Язычок-то проглоти
Никому не перечь.
Взоры свои
От людишек утай,
А то и вовсе закрой,
Ибо, заметь,
Просто не на что смотреть
В этой жизни, друг мой!..

Этот странный апарт в дальнейшем никак не развивался нами, и Простаков как выходил туповатым подкаблучником, так и уходил. Недоработка вышла. Зато с Еремевной вроде бы все удалось. В Саратове ее отлично сыграла Ира Афанасьева, талантливая молодая актриса с хорошим голосом. И потому Еремевна у нас была не «старая хрычовка», как трактуется она у Фонвизина, а здоровая крестьянская девка, мамка, приставленная к баричу, причем не только согли утирать... И вот она жалуется на свое житье старым знакомцам, Цыфиркину и Кутейкину, откупорив заветную баклажку в тихую минутку:

Ой на бедну-ту мою голову
Пошли, Господи, гром да молонью!
За господскою за дитятею
Позабыла я отца-матерю.

Не свожу с него ясных глазынек,
Словно прынец какой аль помазанник.
Чего он хочет, то и делаю,
За него на двор чуть не бегаю!

А уж сколько с ним срамотищи-то
Натерпелась я — поди высчитай:

То кухаркою,
То товаркою,
А как ночь придет — и сударкою!

Уж не знаешь, как иссобачиться,
А все стерва я да потатчица.
А награды всей — руп с побоями,
А отрады всей — суп с помоями...

Дядюшка Стародум, бывший крупный придворный, ныне отставной, появлялся в одиночестве, никем не встреченный за общей суетой. По нашей трактовке, был он человек нервный, колючий и хотел одного: чтоб все оставили его в покое. И любимое его занятие было — в одиночестве понюхать табак.

Зачем курить табак? Его должны мы нюхать!
На что ж его искать — чтоб тут же и пожечь?
А ты вот начини себе ноздрю одну хоть
Да душу прочихни — и словно камень с плеч!

Был Петр — великий царь! Напрасно только детям
Он завещал сей грех — куренье табаку.
Ах, если бы они грешили только этим,
Я кой бы как привык к смердящу чубуку.

Уж если злобный рок занес тебя в конюшню,
Кругом тяжелый дух, и слякоть, и навоз —
Скорей тогда прими хорошую понюшку
И начихай на все! И вновь набей свой нос.

Однако недолго длится одиночество почтенного старика. Его обнаруживают и вскоре устраивают пышное приветствие.

Х о р
Ой, шум, суета!
Кто стучится в ворота?
Ой, кабы ведать-знать,
Кому двери отворять!
— Отворяйте двери-те!
Кто стучит, проверите.

Раз!
И два!
И слава и хвала!
Слава и хвала!
Слава и хвала!

А кого встречаем?
Кого величаем?

— Мы встречаем Стародумушку,
Величаем Любомудровича,
Сударика Благомыслова,
Что из роду Надоуминых!

Свет очей, души приятство,
Чтя всех пуще мы тебя,
Ах, не льстимся на богатство,
Дай нам глянуть на себя!

Как у нашего Стародумушки
Головушка-голова — по-хорошу бедова,
По-хорошу бедова — сундук денег добыла,
Сундук денег добыла — оттого-то, знать, бела!
Государь ты наш Стародумушка,
Достань из сундука три новых пятака:
Как первый пятак — старым бабам на табак,
А другой пятак — мужикам на кабак,
А последний-то пятак — подари нам просто так!
Ура! Ура! Ура!

Пышный прием со всем его наивным подхалимажем из своего угла комментирует Правдин. Мы его трактовали так: молодой, да ранний. Этаким цинический первач.

Черт подери их всех подале!
Каков прием!
Теперь небось пойдут батальи
Над сундуком.
Пожалуй, так недолго дяде
Свихнуться в этом машкераде —
И поделом!

Он хочет жить с волками молча.
Нашел ягнят!

А с ними надо быть по-волчьи,
Не то съедят!
А про любовь, и честь, и душу
Детишки, может, будут слушать,
И то навряд.

Ах, кабы я родство и связи
Имел, как он!
Давно б из грязи вышел в князи,
Вершил закон!
А так — всю жизнь копить тыщонки,
Чтоб их отдать пустой девчонке?
Смешно, пардон!..

Между тем по подворью бродят без дела Митрофановы учителя: отставной солдат Цыфиркин да бывший семинарист Кутейкин, никому до них дела нет. Они и поют:

У кого есть глупо дитяtko,
Неразумное, хоть брось?
Вы подите, нас найдите-тко,
Вразумим его авось.
Чай, вдолбим науку олуху,
Да родные пособят,
Что не примет через голову,
То воспримет через зад!

Просим ваше благородие
По алтыну за урок,
Да за тупость-то отродия
В год накиньте пятачок.
Неученье — темень дикая,
А ученье вроде свет.
У кого есть глупо дитяtko?
У кого их только нет...

Митрофан же в предвкушение скорого богатства об ученье не помышляет. «Час моей воли пришел! — кричит он. — Не хочу учиться, хочу жениться!» И запрыгал, и заплясал, а с ним, по мысли режиссера, — несметные толпы таких же Митрофанов заплясали, запели по всей Руси:

Сидит малый на возу,
Хочет ехать во поле —
А у мерина его
Клопы копыта слопали!
Эгей!

Сидит кура на насесте,
Ждет-пождет петуха,
И неведомо невесте,
Что сожрали жениха,
Ха-ха!

Ты моя душечка,
Да ты голубушка —
А выйди на часок
Да погулять в лесок!
Да не пужайся, что ты, Господи!
Отец заперет, чай, не до смерти!

Сидит барин в кабинете,
Деньги прячет про запас,
А того, дурак, не знает,
Что подохнет через час!
Эгей!

Не люби меня, отец,
Не люби меня, родня —
Ты люби меня, маманя,
Ведь иссохнешь без меня!
Ха-ха!

А вот полтиннички —
А я их спрятаю!
А вот калачики —
А я их стрескаю!
А вот кобыла, глянь, богатая —
А я посватаю!
Я не побрезгаю!
Эх, барыня-барыня!
Сударыня ты моя!

Матушка, однако, уговаривает Митрофана поучиться хоть для вида, чтоб прибывший дядюшка оценил, по крайней мере, усердие. Только Митрофан сел за грамматiku

с арифметикой, как появился главный наставник, Адам Адамыч Вральман, недообрусевший немец, как выяснилось впоследствии — бывший кучер, коего потому и взяли в учителя, что немец. Он здесь за приживала и потакает всем капризам барича — при этом в душе вполне издеваясь над ним:

Митрофанхен, друк мой, сфетик!
Ты послушай старишка:
Никакой грамматик и ни арихметик
Не нужны твоей башка!
И зашем привез царь Петер
Для навоз одеколонь?
Как это по-русски будет, доннер веттер...
Этот корм — не в этот конь!

Проживешь и так отlišно,
Будешь с места брать галоп!
В матушка Россия голова излишна,
Был бы только крепки лоп!
А зашем вам Аристотель?
От нефо тоска и сук!
Как это по-русски будет, думкопф тойфель...
Этот гусь — свиные не друк!

Ваш страна — особый слушай:
Разобраться мудрено,
Кто у вас ушитель, кто обычный кутшер,
Или это все одно?
Как приятно чужестранцу
Полушать у вас приют!
Как этот по-русски будет, айн унд цванцихь...
Был бы шея — есть хомут!

Наши репетиторы терпеть не могут Вральмана и, оставшись с ним один на один, весьма воздают ему за то, что сам дела не делает и другим не дает. А размахавшись кулаками, заплясали, горемычные, и запели:

А мы зря комедиев
Не ломали!
А мы академиев

Не кончали!
Эх, кубыть-растудыть,
Очень просто
Нехристю засветить
Прямо в нос-то!

Эй-гей, басурмане,
За троих грош!
Становьсь перед нами
Сколько хошь сплюшы!
Хушь ружьем, хушь дубьем
Похваляйся —
Соплей перешибем,
Помоляся!

Бедно ли, худо ли —
Да не об том спор:
Чего-чего — а удали
У нас по сих пор!
Шапками закидаем!
Шайками за...
Тихо! Барыня идет!..

Стародум же, заботясь о благонравии, устраивает экзамен всем: и Митрофану, и Милону, и Софье. С племянницей беседует он на тему о браке и, вероятно, взволнованный воспоминаниями, говорит так:

Стародум
Хоть нам брак и дан во благо,
Ты должна
Знать, сколь твердая отвага
Тут нужна.
Ах, сердечною наукой
Непростой
Не владеем мы — тому порукой
Опыт мой...

Софья
Все, что вы ни говорите,
Сердце трогает мое.

Стародум

До венца дожить не чают,
А женясь,
Связью брачной наскучают
Тот же час!
Глядь: и брак их опорочен,
И кровать...
Но тебе еще об этом, впрочем,
Рано знать.

Софья

Все, что вы ни говорите,
Сердце трогает мое.

Стародум

Зрю в тебе я сердце нежно,
Друг мой, но
Ты семью блюди прилежно
И умно!
(В сторону)

Жаль, что ей нельзя, как брату,
Молвить, обнявшись:
Коли можно быть неженату,
Не женись!

Софья

Все, что вы ни говорите,
Сердце трогает мое.

Прознав, что Софью сговорили за Милона, разгневанная госпожа Простакова решается на похищение. Созвав вокруг себя преданную дворню и родню, она уговаривается с ними умыкнуть Софью прежде, чем она уедет с дядюшкой. А тот, слышно, собирался ехать в семь часов утра.

Заговор

- Больно много нынче умников...
- Прямо хоть вой!
- Развелось на нашу голову!
- Прямо не счастье.

— А у нас умишко плохонькой...
— Зато свой!
— Они встанут завтра в семь часов...
— А мы в шесть!
— Ишь, приехали вороны,
Фон бароны!
— Ой, кому молиться, чтобы
Пронесло бы!
— Только встать бы в шесть — а там уж!..
— В шесть часов!
— Где уж нам уж выйти замуж...
— В шесть часов!
— Они встанут завтра в семь часов!
— А мы в шесть!
— Они спросят: а невеста где?
— А бог весть!
— Как посмели вы, грабители,
Нас провесть?!
— А чего ж так долго спите вы?
Встали бы в шесть!

Г - жа Простакова
Богородица-заступница!
Ой, беру-беру грех на душу!
Я, чай, мать, а не распутница!..
Помоги же! Видишь? Надо же!

Указав каждому его место и задачу, госпожа Простакова остается одна, снимает платок, разводит воск на блюде, становится на колени и начинает ворожить:

На восток лежит прямо тридцать верст,
Прямо тридцать верст да крива верста.
О кривой версте есть Ердан-гора,
На Ердан-горе бел-горюч камень.
С-под него бежит Едигер-вода,
Едигер-вода моет Левкин цвет.
Ой ты, Левкин цвет — расцветай чуть свет!
Отведи от нас нехороший глаз,
Отведи мороку с моего порогу,
Наведи удачу на мою задачу,

Наведи утеху на мою потеху,
Упаси от лиха — да чтоб было тихо!
На чужой роток накинь платок,
А свой роток и так молчок.
Авель, Каин, карачун —
Чур меня, чур меня, чур-чур-чур!
Аминь.

Злая затея не удастся. Правосудие в лице Правдина, как специального чиновника, присланного не только наблюдать беззаконие, но и соблюдать законность, выносит суровый приговор госпоже Простаковой, все ее покидают, и сын первый. Она в шоке. Финальная сцена.

Стародум
(указывая на Простакову)
Вот злонравия достойные плоды!

Хор
Вот злонравия достойные плоды!

Г-жа Простакова (эхом)
Вот злонравия достойные плоды...
Вы потише, люди добрые,
Не будите мово деточку,
Мово деточку,
Митрофанушку...
Как у мово деточки Митрофанушки
Кудри вьются чистый шелк, очи ясные,
Улыбнется ль весело — подарит рублем,
Скажет ли словечушко — соловей поет...
Ой барыня, барыня...
Сударыня ты моя...

Хор (бодро)
Ой, барыня-барыня, сударыня моя!
Ой, барыня-барыня, сударыня моя!

Митрофан (жалобно)
Матушка! Голубушка!
Барыня ты моя! Сударыня ты моя!

Г-жа Простакова
Как?! Кто?! Кто посмел?!
Тришка! Палашка!
Кафтан весь испорчен!
Кто кафтан испортил?!
Всех загнать, запереть в холодную!
Чай, найду змею подколенную!
Будет век ходить с битой рожею!
С битой рожею!
С драной кожей!

Хор

Не оставь, Господь, рабу Божию!..

Зоя Георгиевна Спирина прекрасно играла госпожу Простакову, а в финальной сцене заставляла зрителя и плакать...

«Недоросля», после Саратова, в этом, музыкальном, варианте играли не раз на разных сценах. Поставили его как-то и в театре Сатиры. Ширвиндт ставил это отчасти как шоу, солдаты у него были, например, не солдаты, а герлс, одетые в обтяжку в мундиры и с киверами на голове. Простакову же сыграла и спела Наташа Зацепина, и очень хорошо. Время, однако, было морозное, быстро последовал чей-то партийный донос насчет искажения классики и т. п. — спектакль сняли.

Еще, помню, Георгий Ансимов в ГИТИСе, на своем курсе (отделение музкомедии, кажется) тоже представил это действо, и когда не то восемь, не то десять юношей отлично поставленными голосами грянули Митрофановы куплеты — получился весьма тяжелый рок, причем задолго до его распространения у нас.

Последний раз я видел «Недоросля» в московской гимназии номер 67, в 1990 году, его сыграли старшеклассники под руководством известного московского филолога и замечательного педагога Льва Соболева. Г-жу Простакову играла моя дочь. Прямо скажем: папу не посрамила.

Занавес пошел

На музыку Владимира Дашкевича

Из мюзикла «Клоп»

ПЕСНЯ БЕСПРИЗОРНИКА

Смотрите, граждане, смотрите, люди!
Хотя бы глазом гляньте на меня:
У всех на свете папа есть и мама,
А я один, я горький сирота.
Мои штаны — печальная насмешка,
Мой дом родной — канава у ворот.
Я не могу трудиться по здоровью,
А воровать мне совесть не дает.
Кому я нужен, бедная сиротка?
Пойду на рельсы лягу поперёк.
А на моей могилке напишите:
«Он мог бы жить как люди, но не мог».

Хор беспризорников

У меня мама — бывшая мадама.
У меня папа — бывший капитан.
Они теперь гуляют по Европе,
А я гуляю здесь, я уркаган!
Кому куда — а нам туда,
Туда, где водится монета.
Кому чего — а нам вина и марафета!

У папы с мамой есть богатый дядя,
Они к нему уплыли в Сингапур,
А меня тоже дядя ожидает:

Московский МУР, любимый дядя МУР!
Кому куда — а нам туда,
Где много блох и мало света!
Кому чего — а нам вина и марафета!

ОБОЛЬСТИТЕЛЬНОЕ ТАНГО ЭЛЬЗЕВИРЫ

*В*от погасли огни...
Мы вдвоем на софе...
Совершенно одни...
И слегка подшофе.
Мы сидим тет-а-тет,
И любя, и ревнуя,
И лицо твое держу я,
Как мучительный портрет.

О, как ты чудно,
Мое танго!
С людьми трудно —
С тобой легко!
Любовь согреет,
Любовь спасет,
Кто потеряет,
Тот не вернет!

О, какие глаза!
Это пламя и страсть,
Это бездна без дна —
Так и тянет упасть.
Ах, мой друг, нелегко
Отказаться от риска
Когда все вот так вот близко,
Но при этом далеко!
Любого пламя
Любовь сильней!
Не думай, Ваня,
Прожить без ней!
Любовь согреет,
Любовь спасет,
Кто потеряет,

Тот не вернет!
Я не знаю, зачем
Нас судьба повстречала...
Это, может быть, начало —
И, быть может, насовсем!

МЕЧТА ОБ ОРДЕРЕ НА ЖИЛПЛОЩАДЬ

И в а н

Вот со смены ты придешь, дверь откроешь да войдешь —
В дом свой!

З о я

Чистый коврик на полу, кот мурлыкает в углу —
Толстый...

И в а н

Хочешь — лампочку включай, а не хочешь — выключай,
Смело!

З о я

Ни толкучки никакой, один Ванечка родной —
Слева!..

О б а

И только слышно, как тихонько
Дождик шарит по окну...
И никто нам не мешает,
И мы тоже никому.
Ой, кому солнышко не в радость,
А нам и дождик не беда,
Лишь бы ты со мной навеки,
А уж я-то навсегда.

З о я

Туфли новые куплю, гарнитур сама сошью —
Спальный!

И в а н

Это, Зойка, не масштаб — я хочу зеркальный шкаф,
С пальмой!

З о я

И с работы на обед можно будет забежать
В полдены!

И в а н

И на все это нужна одна бумажка да печать —
Ордер!

О б а

Ой, ветер ветку клонит низко,
В руку яблочко кладет,
Ой, наше счастье ходит близко,
Скоро в гости забредет.
Ой, потушите эту лампочку,
Давно уже пора!
Ой, не тревожьте эту парочку
До самого утра!..

ИВАН ОБЪЯСНЯЕТСЯ ЭЛЬЗЕВИРЕ В ЛЮБВИ

Спрятался месяц за тучку —
Снова выходит гулять!
Позвольте мне белую ручку
К красному сердцу прижать!

Ты, товарищ, меня глубоко пойми,
Уважая пролитую кровь:
Утомленное тело окопами
Хочет знать красоту и любви!
Мои чувства, мечты и фантазии
Снова в сердце, как пламя, зажглись:
Я в боях с мировой буржуазией
Заслужил себе личную жизнь!
Вы такая прелестная скромница:
Ваши плечи как фарфор, и грудь.
Я до вас опасаюсь дотронуться,
Как на свечку — стесняюсь дыхнуть!
Жить невозможно без ласки —
Ласку легко погубить!
Позвольте мне карие глазки
Красной душою любить!

Жил я раньше во тьме без понятия,
Но с победой трудящихся масс
Я понял красоту и симпатию,
А тем более глядя на вас!
И скажу вам во всей откровенности:
Пострадавши в нужде и борьбе
Я буржуев культурные ценности
В полном праве примерить к себе!
Когда вы так доверчиволожите
Свои пальчики мне на ладонь,

Вы себе и представить не можете,
Что вы ложите их на огонь!
Он не сожжет — он согреет!
Смело отдайтесь ему!
Позвольте, я нежную шею
Красной рукой обйму...

КРАСНАЯ СВАДЬБА

Баян

Съезжались к загсу трамваи!
Там красная свадьба была!
Жених был во всей прозодежде,
Из блузы торчал профбилет.

Хор

Эх, свадьба прекрасная —
Вся такая красная!
Гости прекрасные —
Все такие красные!
Значит, дело ясное —
Выпили до дна!
А невеста белая
Стала вся вспотелая,
Стала вся румяная —
Тоже, видно, пьяная,
Но не от вина!
Красная ветчина,
Красные раки,
Красная перцовочка
На красном пиру!
У нас подход классовый,
А подъем массовый!
К нам не придерется
Даже ГПУ!
У нас подход — классовый!
А подъем — массовый!
Лучшее — общество!
Высшее — качество!

Все сожрем — дочиста!
Все допьем — начисто!
Под красную икру!

ХОР ПОЖАРНИКОВ

Эй, пожарнички, воды давай!
Ударнички, сама пойдет!
Эй, качай во все лопатки!
Не жалея воды, ребятки!
Пущай себе текет...
Ни на что несмотря — эх!
Люди пьянствуют зря — грех!
Пьют как воду зеленое зелье.
Вот и плещется им из пожарного шланга струя
На похмелье.
И по пьянству горят — эх!
И без пьянства горят — грех!
А бывает, горят и без дыма.
«Не шутите с огнем!» — это людям всю жизнь говорят,
А все мимо...
Эй, пожарнички, воды давай!
Ударнички, сама пошла!
Веселились, было дело —
Все давным-давно сгорело,
Осталась зола...

БАЛЛАДА О БАРОНЕ ЖЕРМОНЕ

Барон Жермон поехал на войну.
Его красавица жена
Осталась ждать, едва жива
От грусти и печали.
Одна в расцвете юных лет,
Одна с утра, одна в обед,
Она могла бы подурнеть
И даже просто помереть, —
Но ей не дали —

Маркиз Парис,
Виконт Леонт,
Сэр Джон, британский пэр,
И конюх Пьер.

Барон Жермон поехал на войну.
И там он славно воевал
И даже на ночь не снимал
Доспехи боевые.
Зато жена его как раз
Вела бои в полночный час,
И так был страшен каждый бой,
Что на рассвете шли домой
Едва живые

Маркиз Парис,
Виконт Леонт,
Сэр Джон, британский пэр,
И конюх Пьер.

Барон Жермон поехал на войну.
И там, среди мечей и стрел,
Остался он и жив, и цел,

Хотя бывало туго.
Его красавица жена
Не знала отдыха и сна,
Пока последнего бойца
Не истощила до конца, —
И вот лежат в земле сырой
Друг возле друга

Маркиз Парис,
Виконт Леонт,
Сэр Джон, британский пэр,
И конюх Пьер.

Барон Жермон поехал на войну...
Но вот вернулся старина,
И перед ним его жена
Одна лежит в постели.
А рядом с ней, едва дыша,
Стоят четыре малыша.
Барон подумал и сказал,
И он сказал: «Привет, друзья!
О как же вы тут без меня
Помолодели, —

Маркиз Парис!
Виконт Леонт!
Сэр Джон, британский пэр!
И ты, мон шер!»

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

О как ты валялся
В ногах у меня!
Ты весь извивался,
Как будто змея,
И, руки лобзая,
Прощенья просил.
Я жаждала мести,
Но не было сил.

Но не было силы
Удара нанести.
Тебе отдала я
Всю девичью честь.
От ласок притворных
Опять вся горю...
Люблю, ненавижу,
И все-тки — люблю!..

Начало 70-х гг.

АХ, ЗАЧЕМ Я НЕ ЛУЖАЙКА

Пойдем со мной, красавчик,
Застенчивый чудак,
Пойдем со мной подальше —
В зеленый березняк,
Собьемся там с дорожки,
Упустим колею,
Устанем и присядем
И я тебе спою:

Ах, зачем я не лужайка,
Почему я не лужок
Вся пушистая, как заяка,
Я б раскинулась у ног.
Посмотри, какая травка,
Как на ней легко и мягко!
Ах, зачем я не лужайка,
А ты не ручеек?
Ты по мне бы, ты по мне бы
Так и тек-тек-тек-тек,
А сердечко, а сердечко
Только ек-ек-ек-ек.

И стала я лужайкой,
И стал он ручейком,
И я была цветочком,
И был он мотыльком.
Ах, если кого любишь,
То летнею порой:
Ступай ты с ним подальше
И там ему пропой:

Ах, зачем я не лужайка,
Почему я не лужок —

Вся пушистая, как зайка,
Я б раскинулась у ног.
Посмотри, какая травка,
Как на ней легко и мягко!
Ах, зачем я не лужайка,
А ты не ручеек?
Ты по мне бы, ты по мне бы
Так и тек-тек-тек-тек,
А сердечко, а сердечко
Только ек-ек-ек-ек.

1990

БАЛЛАДА О КРЫСЕ

Жила-была на свете крыса
В морском порту Вальпараисо,
На складе мяса и маиса,
Какао и вина.
Она жила, пила и ела,
Но ей на складе надоело:
Во всей округе захотела
Хозяйничать она!

Призвав родню для этой цели,
Она во все полезла щели,
Кота и кошку крысы съели
Тотчас, в один присест!
И вот они потоком серым
Пошли по площадям и скверам —
Того гляди таким манером
Весь город крыса съест!

Но вот юнец один зеленый
На старой дудке золоченой
Завел мотивчик немудреный,
Поплыв в морскую даль.
А крыса музыку любила,
За дудкой крыса поспешила,
И море крысу поглотило,
И мне ее — не жаль!

Ибо — правду скажем смело —
Ты двух зайцев не лови:
Либо делай свое дело,
Либо музыку люби!

1976

ШТАТСКИЙ МАРШ

Сегодня душа весела!
Гораздо бодрей, чем вчера!
Спросите у нас: «Как дела?»
И мы вам ответим: «Ура!»

Поступью железной
Дружно, как стена,
Мы шагаем вслед за,
Невзирая на!
Мы горды своими
И, вперед глядя,
Отдаем во имя
И на благо для!

Я чувствую, друг, как всегда,
Твой локоть, а также плечо!
Сегодня мы как никогда,
А завтра — гораздо еще!

1978—1979

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Я встаю на рассвете, я ложусь на закате,
Целый день я как белка кружусь.
Мне дают по труду, я даю по зарплате,
И опять я встаю и ложусь.
Все, что нужно, умею, все, что можно, имею.
Мчится время, как пуля во тьме...
Стоп!
Где я?
А я не знаю, где...

Где-где, где, где — неужели интересно,
Какой пейзаж тебе ласкает взор?
Может быть — Кустанай, а быть может — Одесса,
Вероятно, Серебряный Бор...
Да, да, да, дамы, синьоры, кавалеры,
Включайте музыку для души!
Ваши дети — в кроватке, ваша печень — в порядке,
Ничего,
Всё нормально,
Дыши!

Говорят обо мне, что я в профиль — Утесов
И Муслим Магомаев — анфас.
Что в душе я — блондин, а снаружи — философ,
Что я вылитый кто-то из вас!
В коллективе — хорош, уваженья — достоин,
И здоровье мое на все сто!
Стоп!
Кто я?
А я не знаю, кто...

Кто, кто, кто, кто, неужели интересно?
Какая разница — ты парень свой:

Может быть — лейтенант, а быть может — профессор,
А быть может, и тот и другой!

Да, да, да, дамы, синьоры, кавалеры,
Включайте музыку для души!

Ваши почки — в порядке, ваши дочки — в кровати,
Ничего,

Всё нормально,

Дыши!

Надо мной — небосвод, подо мною — планета,

Между ними какой-то чудак,

Он — ни то и ни се, он и здесь, он и где-то...

Третий лишний — пожалуй, что так!

И зачем — неизвестно, и к чему — непонятно...

В результате — сплошные нули...

Стоп!..

Ладно.

Чего стоять? Пошли!..

У нас третий — лишним не бывает

1978—1979

* * *

Юрию Ряшенцеву

Куда ты скачешь, мальчик,
Кой черт тебя несет?
И мерин твой хромает,
И ты уже не тот.
«Да что за беда, да что за беда,
Да что за беда, ей-богу!
Поеду понемногу,
Авось да повезет!»

Чего ты ищешь, мальчик?
Каких таких забав?
Цветочки все увяли,
А травку съел жираф.
«Да что за беда, да что за беда,
Да что за беда, ей-богу!
Поеду понемногу,
Хотя во всем ты прав, а я не прав!»

Куда ты скачешь, мальчик?
Темно уже в лесу.
Там ходят носороги
С рогами на носу.
«Да что за беда, да что за беда,
Да что за беда, ей-богу!
Поеду понемногу,
Хоть кости протрясу!»

Куда ты скачешь, мальчик?
Куда ты удержишь путь?
Всю жизнь ты то и дело
Скакал, а толку чуть!

«Да что за беда, да что за беда,
Да что за беда, ей-богу!
Поеду понемногу.
Куда? Куда-нибудь!»

1978—1979

На музыку
Геннадия Гладкова

Из фильма «Обыкновенное чудо»

ДУЭТ

— Ах, сударыня, вы, верно, согласитесь,
Что погода хороша как никогда?

— Право, сударь, я скажу,
Я и вправду нахожу,
Что погода не такая, как всегда.

— Ах, сударыня, скажите, отчего же
Этот вечер удивительный такой?

— Право, сударь, может быть,
Это трудно объяснить,
Но, наверно, потому что вы со мной.

— Ах, сударыня, когда мы с вами вместе,
Все цветочки расцветают на лугу!

— Я скажу вам, сударь мой:
Мне бы надо бы домой,
Но цветочки я обидеть не могу!

Как приятно и забавно,
Что я очень нравлюсь вам,
Ну а вы мне и подавно!
Вот и славно.
Трам-пам-пам.

1977

ВЫ МОЙ АНГЕЛ

Хорошо, когда женщина есть:
Леди, дама, синьора, фемина,
И для женщины главная честь:
Когда есть у ней рядом мужчина.
Так повсюду, тем более здесь,
Где природа дика и пустынна.

А бабочка крылышками бьяк-бьяк-бьяк-бьяк,
А за ней воробышек прыг-прыг-прыг-прыг,
Он ее, голубушку, шмяк-шмяк-шмяк-шмяк,
Ням-ням-ням да и шмыг-шмыг-шмыг-шмыг.

Вы — мой ангел, вы — мой идеал,
Моя звездочка, ягодка, рыбка.
Зубки — жемчуг, а губки — коралл,
Хороши также грудь и улыбка.
Я таких никогда не встречал,
Пусть исправится эта ошибка.

1977

СТРЕЛОК

Налатка. Винтовка. Ружье.
Сохатый. Куница. Лисица.
Природа. Я знаю ее.
Она меня ждет. И боится.

Трепать языком не люблю.
Всю жизнь — на чеку и на взводе.
Найду. Догоню. Застрелю.
И морду повешу при входе.

Соперников жалких моих
Клеймлю я с презреньем во взоре:
Я знаю получше других,
Как фауна рыщет по флоре!

Из фильма «12 стульев»

ТАНГО МЕЧТЫ

*М*олчите, молчите! Прошу, не надо слов.
Поверьте бродяге и поэту:
На свете есть город моих счастливых снов.
Не говорите, что его нету!
Он знойный и стройный, он жгучий брюнет,
Там солнце и музыка повсюду!
Там всё есть для счастья — меня там только нет,
И это значит, что я там буду!

О Рио, Рио!
Рокот прилива, шум прибоя, южный размах!
О Рио, Рио!
Столько порыва, столько зноя в черных очах!
О Рио, Рио! О Рио Рио! О Рио-де-Жанейро!
О Рио, Рио! О мама миа!
Потерпи, я прибуду на днях!

Не скрою, быть может, я слишком доверял
Рекламным картинкам из журналов,
Быть может, обманчив мой хрупкий идеал —
Но это свойство всех идеалов!
Кто верит в Аллаха, кто строит рай земной,
Пожалуйста, — разве я мешаю?
Я верю в кружочек на карте мировой
И вас с собою не приглашаю!

1975

ТАНГО ЛЮБВИ

Странствуя по свету, словно птица,
Преодолевая жизни путь,
Изредка, однажды, иногда, как говорится,
Я б хотел забыться и заснуть.
Дайте кораблю минутный отдых,
Завтра он уйдет своим путем.
В дальних путешествиях, сраженьях и походах
Я, клянусь, — забуду обо всем!

Но в этот час, когда рукою
Своею я ласкаю вас,
Когда любовь сама собою
Идет, не спрашивая нас,
С безумной силою я тихо повторяю:
«Поверьте, милая, поверьте, милая:
Вы мой кумир, я не покину вас!»

Уходя в дальнейшее пространство,
Я блесну непрошеной слезой:
В страсти, как и в счастье, все мы ищем постоянства,
Но ничто не вечно под луной.
Может быть, вы скажете кому-то
Где-то на закате ваших лет:
«Все-таки была она, была одна минута
Той любви, какой уж больше нет!..»

1975

БЕЛЕЕТ МОЙ ПАРУС

Нет, я не плачу и не рыдаю!
На все вопросы я с улыбкой отвечаю:
«Что наша жизнь? Игра. И кто ж тому виной,
Что я увлекся этою игрой?
И перед кем же мне извиняться?
Мне уступают — я не в силах отказаться!
И разве мой талант и мой душевный жар
Не заслужили скромный гонорар?»

И, согласитесь, какая прелесть —
Прийти и в яблочко попасть, почти не целясь!
Орлиный взор, напор, изящный поворот, —
И прямо в руки — заветный плод!
О наслажденье — скользить по краю!
Молчите, ангелы, замрите: я играю!
Моих грехов разбор оставьте до поры, —
Вы оцените красоту игры!

Я не разбойник и не апостол,
И для меня, конечно, тоже все не просто,
И очень может быть, что от забот своих
Я поседею раньше остальных.
Но я не плачу! И не рыдаю!
Хотя не знаю, где найду, где потеряю,
И очень может быть, что на свою беду
Я потеряю больше, чем найду!..

Пусть бесится ветер жестокий
В тумане житейских морей —
Белеет мой парус, такой одинокий
На фоне стальных кораблей!

1975

НЕУЖЕЛИ ВАМ НЕ ХОЧЕТСЯ?

Закройте вашу книжку, допейте вашу чашку,
Дожуйте свой дежурный бутерброд,
Снимите и продайте последнюю рубашку
И купите билет на пароход!
Ну что вам ваши сводки, анкеты и доклады,
Когда повсюду — рядом, там и тут, —
Счастливые находки, таинственные клады —
Неужели так и пропадут?!

Ах, знаю-знаю-знаю: порядок есть порядок —
Все клады и находки учтены,
Записаны в анкетах, отмечены в докладах
И тем самым — обречены...
Они помогут делу, они послужат людям —
Я знаю это, знаю наперед!
И значит, мы не станем, и значит, мы не будем
Покупать билет на пароход.

Но — неужели, ах, неужели!
Неужели не хочется вам,
Налетая на скалы и мели,
Тем не менее плыть по волнам?
В бурном море людей и событий,
Не щадя живота своего,
Совершите вы массу открытий —
Иногда не желая того!

1975

Из фильма «Сватовство гусара»

ГУСАРСКИЙ МАРШ

На солнце оружие блещет,
Во взорах огонь и порыв!
И женское сердце дрожит и трепещет,
Заслышав знакомый мотив.

Сколько было, братцы,
Сколько еще будет!
Господа гусары, вперед!
Друг не выдаст!
Бог не осудит!
Добрый конь не подведет!

Красотки молодые навстречу
Бегут, обо всем позабыв.
Сдаются без бою! Но чу! Что такое?
Раздался знакомый мотив.

Прощайте, красотки молодые,
Вы слышите, трубы зовут!
Дворянки и прачки, прощайте, не плачьте,
За нами драгуны придут!

1978

ГУСАРСКИЙ РОМАНС

Отогнув уголок занавески,
Смотрят барышни в каждом окне,
Как в расшитом седле и в черкеске
Я гарцую на резвом коне.

Конь горячий резов, но послушен
И гордится своим седоком.
Отчего же седок равнодушен
К нежным взорам за каждым окном?

Как лорд Байрон, рукой подбоченясь,
Как Печорин, кручу я свой ус.
Неподвижная нижняя челюсть
Говорит об отсутствии чувств.

Кто на женщин взирает бесстрастно,
Тот готовит для них западню...
Так что все это — только гримаса,
И не верьте ни мне, ни коню!

1978

ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

Смерть, огонь и гром, бури и удары —
Всё прошли гусары на коне верхом!
И любой корнет знает непременно,
Что на свете несомненно ценно, а что нет.

Картечь ложится ближе, ближе,
И нам давно пора удрать —
Но честь! Она всего превыше!
Умри, гусар, но чести не утрать!

Тройка, семерка, туз, пиковая краля —
Вывози, кривая! Ах, какой конфуз...
Дело мое — табак: деньги и пожитки,
Всё до последней самой нитки пущено ва-банк!

Беги, исчезни тише мыши
В Тамбов, где ждет старушка-мать.
Но честь! Она всего превыше!
Умри, гусар, но чести не утрать!

В наш прекрасный век все так деловиты,
Счеты и кредиты заворожили всех.
Черни и толпе дьявол душу застит,
Но на счастье иль несчастье — мы верны себе!

Пускай подлец из грязи в князи вышел,
Пускай глупца ласкают двор и знать.
Но честь! Она всего превыше!
Умри, гусар, но чести не утрать!

1978

А такого капитана
Больше нету на земле

Бабушка — Елизавета Осиповна Успенская
и дедушка — Валентин Васильевич
Всесвятский

Мама — Нина Всесвятская

Ким Черсан

Папа — Ким Черсан

Отважный юнга

Он же с сестрой
Алей

За рулем автомобиля. Сестра в кузове

В шестом классе в кругу семиклассниц

Выпускник ташауэской школы № 1
с мамой и сестрой

2-й курс пединститута. На Первомайской
демонстрации

Перед дипломом. Археологическая практика

1961 г. Камчатский учитель

Мой любимый девятый

Наш ансамбль «Рыба-кит»

Через 17 лет. На сейнере с бывшими учениками

1983 г. Известный бард на гастролях в родном камчатском клубе

РОСТОВЩИК

Мне внушал папаша с детства,
Не жалея отчих сил:
«Деньги — всё: и цель и средство,
Помни это, сукин сын!»
И родному человеку
Я поверил — гран мерси!
И папашу под опеку
Взял я, бог его спаси!

Ох вы деньги, деньги, деньги, рублики,
Франки, фунты, стерлинги да тугрики,
Ой динь-динь деньжата, деньги, денежки,
Слаще пряника, милее девушки!
Все ищут ответа, загадка жизни в чем?
А мне плевать на это, я знаю что почему!

Я женился на приданом,
Я погрелся у казны,
Ничего не делал даром,
Сам себе чинил штаны.
Воровать — себе дороже.
Все же я не идиот.
Ну а братъ — помилуй боже:
Кто же нынче не берет?

Ох вы деньги, деньги, деньги, рублики,
Франки, фунты, стерлинги да тугрики!
Ой динь-динь деньжата, деньги, денежки,
Слаще пряника, милее девушки!
Все ищут ответа: быть или не быть!
Плевал я на Гамлета, раз не умеет жить!

Кто бы знал мои мученья,
Кто хоть раз бы подглядел,
Сколько я в воображенье
Финь-шампаня усидел!
Сколько щеголей обидел
По лицу и по спине!
Сколько женщин перевидел
Ночью темною — во сне!..

Ох вы деньги, деньги, деньги, рублики,
Фунты, франки, стерлинги да тутрики!
Ой динь-динь деньжата, деньги, денежки,
Слаще пряника, милее девушки!
Все ищут ответа, где главный идеал?
Пока ответа нету — копите капитал!

1978

Из спектакля «Ах, Бальзаминов,
Бальзаминов!..»

ПРОЛОГ

Большое гулянье на Москве. Купеческие семьи с невестами, чиновники, военные, приказчики.

Хор (неторопливо)

Мы народ, конечно, темный,
Косолапый, черноземный,
Наши предки — бобры-кержаки.
Обиход у нас народный,
Разговор неблагородный —
Мужики, господа, мужики!
Но хоть вид не аванажный,
Нас везде уважит каждый,
Хоть семь пядей во лбу генерал.
Ибо, что ни говори,
Это вам не морген фри —
Капитал, господа, капитал!

(Мощно.)

Русское купечество —
Цвет и мощь отечества,
Туз козырный, золотой запас!
Ни одно мечтание,
Ни одно дерзание
Нипочем не сбудется без нас.
Все деньгою движется,
Все копейкой держится —
Это заруби, как «Отче наш»!

Русское купечество —
Гордость человечества,
Расступись, почувствуй и уважь!

Н е в е с т ы

Ах, когда же зеленой весною
Белый лебедь вернется домой?
Ах, когда же в окошко резное
Постучится единственный мой?

Ж е н и х и

Ах, купеческие дочери,
Эти ручки, эти щечки,
Что за грудь, что за прыть, что за стать!
Как прелестны эти стати,
Когда рядом с ними к стати
Сундучок тыщ на семьдесят пять!

О т ц ы

Сундучок сундучком,
Но сперва разочтем,
Кто ты есть, молодой пустохвал.
Ибо, что там ни пой,
А товар непростой:
Капитал, господа, капитал!

Н е в е с т ы

Ах, куда же, лесная дорожка,
Уведешь ты меня за собой?
Ах, когда же в резное окошко
Постучится единственный мой?

Х о р (мощно)

Русское купечество,
Цвет и мощь отечества,
Ну-ка, взяли, встали и пошли!
С нами к общей выгоде,
Вы всего достигнете,

Только не прохлопайте ушми!
Волею всевышнего
Никого нет лишнего:
Каждому положен свой случай.
Эх, сторона купецкая,
Даль замоскворецкая,
Тихий омут, непочатый край!

ЧТО ЗНАЧИТ ПРАВИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дядюшка
Пусть будет он бедняк, но малый с головой.
Да хоть бы и мужик, но только бы толковый.
Такому дашь пятак — поди, мол, и удвой.
А он возьмет, пойдет и принесет целковый!
Вот это человек! Не прыщ пустоголовый,
Как хочешь — а по-нашему: герой!

(Заплясал.)

А тут придет красавчик, голубчик-раскудрявчик,
Люби его в апреле, и в августе люби!
Он служит и не служит, и ни о чем не тужит,
А токо, знай, утюжит жилеточки свои!

Хор
Красотки!
Конфетки!
Веселый балаган!
Катитесь, монетки,
Не я вас добывал!

Дядюшка
А тут на каждый грош изводишь семь потов,
Там промаху не дашь — здесь вовремя подмажешь.
Кругом свой брат купец сожрать тебя готов.
А ты, не будь дурак, сам первый зубы кажешь!

И бога призовешь, и дьявола отвяжешь,
Покуда соберешь плоды трудов!

(Заплясал.)

А тут придет Фитюлька, московская свистулька,
Он два и два не сложит, но брюхо отрастит.
И все, что ты годами накапливал трудами,
В минуту уничтожит, в секунду просвистит!

Хор

Лошадки! Савраски!
Гони, жена, гони
За все мои коляски
Полтиннички твои!

Дядюшка

Нешто это честно?

ОЙ ТЫ, СВАХА!

Сваха

Ну-ка, дайте тишину!
Наострите уши-те!
Да родиму сторону
В тишине послушайте!
А потом скажите мне,
Да скажите честно:
Что же в этой тишине
Слышно повсеместно?

Хор

Ой ты, сваха, сваха, сваха
Дорогая, помоги!
Пропадаю как собака,
Погибаю от тоски!
Надоело жить на воле,
Без ветрил и без руля,
Хоть кого сосватай, что ли,
Дорогая ты моя!

Один раз на свете жить — один раз кончаться!
Нам с лица не воду пить — лишь бы повенчаться!

С в а х а

Сваха годы напролет
Бегает да топчется,
Она жизнь свою кладет
Всю для ради общества!
Ей бы орден золотой
Да в ножки поклониться!
Без нее ведь род людской
Вовсе прекратится!

Х о р

Ой ты, сваха, сваха, сваха,
Погибаю от тоски!
Вот последняя рубаха,
Только, сваха, помоги.

ЕЩЕ ОДИН СОН БАЛЬЗАМИНОВА

Будто мы где-то в Италии
Лунною ночью вдвоем,
Словно на тайном свидании,
Как бы в гондоле плывем.
Вы в такой легкой накидке,
Веер китайский в руке.
Я в такой черной визитке,
Тоже сажу налегке.
— Сударь, когда ж вы причалите?
Право, я даже боюсь:
Вы меня так укачаете,
Что я не скоро очнусь.
— Ах, я прошу, потерпите,
Дайте я сон досмотрю:
Что-то вы мне говорите...
— Что же я вам говорю?
Люби меня — как я тебя,

От сентября — и до апреля,
Потом люби — еще сильнее
С апреля и до сентября!
Кому-то земли и стада,
Кому-то орден на мундире,
А нам всего дороже в мире
Любовь, покой и красота!

1995

Детский уголок

На музыку Владимира Дашкевича

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Если вы не очень боитесь Кощея
Или Бармалея и Бабу-Ягу,
Приходите в гости к нам поскорее
Там где зеленый дуб на берегу.
Там гуляет черный котище ученый,
Пьет он молоко и не ловит мышей,
Это настоящий кот говорящий,
А на цепи сидит Горыныч-змей.

Приходите в гости к нам поскорей,
Приходите в гости к нам,
Кот про всё расскажет вам,
Потому что он видел всё сам.
Ах, как тихо и темно,
Ах, как чудно и чудно,
Ах, как страшно и смешно,
Зато в конце все будет хорошо.

Ты узнаешь массу волшебных историй,
Тут тебе и репка, и ключ золотой,
Тут и Черномор, тот самый, который
Зря всех пугал своею бородой.
А в конце концов всему свету на диво
После приключений, сражений и драк
Станешь ты веселый, как Буратино,
И умный-умный, как Иван-дурак.

Середина 70-х гг.

На музыку Алексея Рыбникова

ПЕСЕНКА КРАСНОЙ ШАПОЧКИ

Если долго, долго, долго,
Если долго по дорожке,
Если долго по тропинке
Топать, ехать и бежать,
То, пожалуй, то, конечно,
То, наверно, верно, верно,
То, возможно, можно, можно,
Можно в Африку прийти.

А в Африке реки вот такой ширины,
А в Африке горы вот такой вышины.
Ах, крокодилы, бегемоты,
Ах, обезьяны, кашалоты,
Ах, и зеленый попугай!

И как только, только, только,
И как только на тропинке,
И как только на дорожке
Встречу я кого-нибудь,
То тому, кого я встречу,
Даже зверю, верю, верю,
Не забуду, буду, буду,
Буду «здрасьте» говорить.

Но конечно, но конечно,
Если ты такой ленивый,
Если ты такой пугливый,
Сиди дома, не гуляй.

Ни к чему тебе дороги,
Косогоры, горы-горы,
Буераки, реки, раки —
Руки-ноги береги!

1976

ОТВАЖНЫЙ ОХОТНИК

Пускай ветра буянят,
Шторма пускай штормят —
Меня дороги манят,
Пути меня манят.
Не знаю, что я встречу,
Но я ношу с собой
Один патрон — с картечью,
Другой патрон — с мечтой.

Не раз мне угрожали
В лесу из-за угла
Бандиты и кинжалы,
Копыта и рога.
Но я шагал навстречу,
Держа перед собой
Один патрон — с картечью
И с мужеством — другой!

Не требую награды,
Покоя не хочу,
Скажите, если надо —
Приду и защитю.
Не нужен мне ни порох,
Ни пули, ни пыжи,
Пока в моих патронах
Огонь моей души!

ВОТ ТЕБЕ И БРЮКИ!

Один глупый лесоруб —
Знаете такого? —
Захотел себе тулуп
Сделать без портного.
Положил он свой топор
Далеко на полку
И не может до сих пор
Нитку вдеть в иголку!

Один глупый капитан
Из морского флота
Взял и сел на барабан
Вместо парохода.
В это время град пошел
Покрупней гороха.
Барабану хорошо —
Капитану плохо.

Шили плотники штаны —
Вот тебе и брюки!
Пели песенку слоны —
Вот тебе и звуки!
Лили воду в решето —
Вот тебе и здрасьте!

Лучше все же делать то,
Что ты делать мастер!

На музыку Геннадия Гладкова

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ

Точка, точка, запятая —
Вышла рожица кривая.
Ручки, ножки, огуречик —
Получился человечек!

Что увидят эти точки,
Что построят эти ручки,
Далеко ли эти ножки
Уведут его,
Как он будет жить на свете —
Мы за это не в ответе:
Мы его нарисовали,
Только и всего!

«Что вы, что вы! Очень важно,
Чтобы вырос он отважным,
Сам сумел найти дорогу,
Вычислить разбег.
Это трудно, это сложно,
Но иначе невозможно:
Только так из человечка
Выйдет человек!»

Впрочем, знают даже дети,
Как прожить на белом свете,
Легче этого вопроса
Нет ничего:
Просто надо быть правдивым,
Благородным, справедливым,

Умным,
                    честным,
                                    сильным,
  добрым —

Только и всего!

«Как все просто удастся
На словах и на бумаге,
Как легко на гладкой карте
Стрелку начертить!
Но потом идти придется
Через горы и овраги...
Так что прежде, человечек,
Выучись ходить!»

ЛЕТУЧИЙ КОВЕР

Но синему небу
Летучий ковер:
Пушистые крылья,
Красивый узор.

Захочешь повыше,
Захочешь быстрее —
Командуй, не бойся,
Лети и глазей.

Далеко-далеко
Округа видна.
Вот это дорога —
Ни краю, ни дна!

Вон поле и роща,
Река и село —
Ну надо же, сколько
На свете всего!

А вон еще сколько
У нас впереди!
Чего нам бояться
На вольном пути?

Подумаешь, дождик!
Подумаешь, снег!
Гроза — на минуту,
А солнце — навек!

На музыку Юлия Кима

ДВОЕЧНАЯ ПЕСЕНКА

Навострите ваши уши,
Дураки и неучи!
Бей баклуши, бей баклуши,
А уроки не учи.

Зря, ребята, вы страдали,
Зря болела голова:
Трижды три ли, дважды два ли —
Все равно в итоге «два».

Я учебники закрою,
Позабуду на столе,
А с пустою головою
Легче прыгать по земле.

1961

МАЛЮТКА ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Малютка Илья Муромец понял себя не сразу:
Бывало, кого тронет — тот с ходу инвалид.
И вот они собрались, кто без носу, кто без глазу,
Свели его в милицию, а он и говорит:

— Я — Муромец Илья,
Недавно из пеленок.
Не трогайте меня —
Ведь я еще ребенок,
Я маленький ребеночек,
Не мучайте меня! —

Милиция заплакала, малютку отпустили,
И он тогда на радостях крепко всех обнял, —
И тут же всю милицию в больницу уложили:
Ах, бедная малюточка, опять не рассчитал!

Ах, бедная малюточка, и силушка — не шуточка!
И что с ним делать, — думали, думали, думали, и вот
Малютка Илья Муромец у нас теперь тимуровец, —
Старушек переносит через переход!

— Я — Муромец Илья,
Недавно из пеленок.
Не трогайте меня —
Ведь я еще ребенок,
Я маленький ребеночек,
Не мучайте меня!

1971

* * *

Весна, весна, ручьи бегут по кручам,
Кругом идет весенний сев, озимые взошли...
А мы? А мы науки учим,
Как будто лучше дела не нашли.

Весна! Весна! Кругом цветут цветочки,
И лопаются почки, бунтует чья-то кровь.
А мы? А мы — от точки до точки
Уроки отвечаем про любовь:

— Чацкий любит Софью, которая любит
Молчалина, который любит Лизу, которая любит
Буфетчика Петрушу, который любит Фамусова,
Который не любит ничего живого и прогрессивного...

А нам, а нам все уши прогудели:
«Вы мальчики способные, учитесь, то да се...»
Весна!
Весна!
И мы в самом деле
Становимся способными на все!..

1967

РАЗБОЙНИЧЬЯ

Эй, прохожий, погоди.
Постой, проезжий!
Ну-ка, денежку гони —
Не будь невежей.
Ради нас не пожалей
Ни сапог, ни платья:
Ничего нет тяжелей
Нашего занятия!

Целый день сиди в кусту
При большой дороге,
Дрожь в коленках, сушь во рту,
Тюрьма в итоге.
Рви подметки, падай с ног,
Ползай по болотам...
Так что я твой кошелек
Честно заработал!

То не конь вороной
Проскакал стороной,
То не коршун по небу плывет,
То разбойник лесной
Точит ножик стальной
И про Родину что-то поет.

[1990]

Месня о Бумбараше

**Юлий Ким
Владимир Дашкевич**

ПЕСНЯ О БУМБАРАШЕ

*(Мюзикл в 2 частях
по мотивам произведений А. Гайдара)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бумбараш, крестьянин.

Гаврила, его брат.

Варвара, невеста Бумбараша.

Яшка, друг.

Левка, бродяга.

Василий Иванович, красный командир.

Поручик Ильин.

Софья, его невеста.

Хор — крестьяне, солдаты, белые, красные, зеленые, бабы.

ПЕРВЫЙ АКТ

Картина первая

Бумбараша провожает вся деревня на войну 14-го года.

Бумбараш

Последний нонешний денечек

Пойду деревню обойду,

А на рассвете я уеду

На ту германскую войну.

Хор

Ты играй, играй, тальянка,

Провожаем солдата в поход.

Бумбараш

Прости-прощай, мой брат Гаврила,

Неровен час, меня убьют,

Тогда закажешь панихиду

И все мое возьмешь себе.

Гаврила

До свиданья, брат родимый,

Поскорей возвращайся живой.

Бумбараш

Прости-прощай, друг верный Яша,

Ты меня знаешь как никто,

С тобой осталась дружба наша,

Ты напиши мне, если что.

Яшка

До свиданья, друг сердечный,
Я тебе все как есть отпишу.

Бумбараш

Прости-прощай, моя родная,
Ты жди и верь, что я вернусь,
Пока казенную бумагу
Почтальон не принесет...

Варя

До свиданья, мой хороший,
Береги себя, очень прошу...

Хор

Последний нонешний денечек,
Играй, гармошка, до утра.
Теперь когда еще попляшем
И попоем бог весть когда...

И зашагал Бумбараш на войну.

Бумбараш

Левой правой шагом марш — ох ты боже мой! Веселися,
Бумбараш — ты пока живой. Прибыли в Галицию — за-
няли позицию, И пошла война с утра до ночи.

Пантомима «Война с утра до ночи».

Хор

Левой правой шагом марш — ох ты боже мой!
Веселися, Бумбараш — ты пока еще живой!

*На позиции солдаты готовят воздушный шар с корзи-
ной.*

Поручик

Для военных для целей, для разведки батарей,
Открывай резервуар — надувай воздушный шар!

Хор солдат

Для военных для целей, для разведки батарей,
Раз-два, раз-два — подымай воздушный шар!

Поручик

Как поднимешься на нем, то обследуй весь район
И сейчас же доложи, где германски рубежи!

Хор солдат

Хорошенько посмотри и сейчас же доложи,
Раз-два, раз-два — где германски рубежи!

Поручик

Отличный аппарат!

Хор

Мишень для пулеметов...

Поручик

Воздушный самокат!

Хор

Вот сам на нем и лётай...

Поручик

Ну-с, кому нравится Георгий на груди,
Кто готов прославиться — из строя выходи!

Солдаты (*жмутся*)

— Кабы я был сокол ясный, голубь сизый...

— Кабы крылышки да если б да кабы...

— А то как шрапнелью грохнет — шарик враз усохнет,
А тада куды?

— Тебя живо там поджарят из-под низу!

— Только вылезли — прищемят тебе хвост!

— А вот кабы я был сокол ясный, голубь сизый,
То — другой вопрос!

Поручик

Ну вот тебе и раз! Да как же, братцы, это?
Неужто среди вас совсем героев нету?

Хор

Ваше благородие — за веру, за царя,
Это уж как водится — уря-уря-уря!

Поручик

Как попусту блажить, я вижу, вы горласты,
А голову сложить — на это не горазды!

Хор

Ваше благородие, за веру, за царя,
Это уж как водится...

Поручик

Короче говоря:

Для военных для целей, для разведки батарей
Мне придется, мать-перемать, добровольца назначать!
Кто тут самый лучший наш?
Кто тут самый шустрый наш?

Хор

Бумбараш!

Поручик

Бумбараш!

Бумбараш

И за что же мне такое уваженье?
Отправляюся, как полный генерал,
Не направо, не налево — прямо в рай на небо.
Пан — или пропал.

Влез в корзину.

Хоть бы он, зараза, с места не стронулся...

Поручик

Отпускай!

Солдаты отпускают веревки — шар не летит.

Бумбараш (радостно.)
Не летит!

Поручик
Скатку! Сумку! Винтовку!

Бумбараш все сбросил. Шар не летит

Облегчайся!

Шар полетел.

Солдаты
Полетел! Полетел! Полетел!

Бумбараш
Я лечу! Братцы, я лечу!

Солдаты
И летит! Летит, мать его ети!
Ты лети да смотри, канат не отпусти!
А то и не вернешься!

Бумбараш
И лечу я вдоль по небу, как архангел,
И пожалуйста, отлично все видать:
И дорожки, и пригорочки, и то тебе, и се —
Что хочете, отсюда видно все,
Это просто благодать.

Хор
Ты наш голубь сизый, сокол ясный наш,
На воздушном корабле, как черт на помеле,
Одно слово — Бумбараш!

Поручик
Раз поднялся ты на нем, то обследуй весь район
И рукою покажи, где германски рубежи!

Бумбараш
Что показать? Не слышу!

Хор

Где гер-ман-ски ру-бе-жи!!!

Бумбараш

А, рубежи! Вон рубежи! Раз, два, три, четыре пушки — и все четыре целятся в меня! Братцы! Тащи меня обратно!

Поручик

Полный назад!!!

Залп. Канат оборвался.

Поздно...

Бумбараш полетел по воле ветра.

Хор

Ой, куда же, братцы, черт его понес?

Там, видать, картечью перебило трос.

Ой, куда же ты, куда ж, сокол ясный, голубь наш?

Бумбараш! Бумбараш...

Ой, куда же ты, куда ж, бедный, бедный Бумбараш?

Вспоминай поскорей «Отче наш»!

Шрапнель хлопнет, шарик лопнет.

Был солдат и нет солдата...

Бумбараш

Я лечу, лечу, лечу — ох ты боже мой!

Приземляться не хочу — ох ты боже мой!

Там ерманские штыки порвут новые портки,

А при голом-то заду и куды же я пойду?

У ерманца на виду да при голом-то заду...

Хор

Эх, солдатская судьба, растреклятая война!

Пушки грохнут, бабы охнут:

Был солдат — и нет солдата...

Поручик

Писарь, ручку доставай, похоронку составляй:

Мол, в расцвете юных лет

Был солдат — и нет...

Бумбараш

Господи помилуй! Господи пронеси!
Да пропади она пропадом, чертова эта война!
Да чтоб глазыньки мои лопнули,
Вот чтоб рученьки мои отсохнули,
Если я еще когда-нибудь — Господи!
Вот ей-богу, я не вру: в руки не возьму
Ни штыка, ни винтовки никакой — если буду я живой!

Хор (молится)

Святый боже, отче наш — принимай солдата.
Пусть ему врата откроют в рай.
Ни добра, ни злата —
Ты ему покоя только дай...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Бумбараш едет домой на поезде.

Вокруг вопят агитаторы.

— Читайте «Вольное русское слово»:

Отречение Николая Второго!

Отныне и в Питере и в Москве будем жить без царя

в голове!

— Ананасов нету! Бананов нету!

А мяса и хлеба не будет к лету!

Читайте «Независимую газету»!

— Разлюбила милого Сашеньку постылого.

Полюбила генерала самого Корнилова!

Вот кто порядок наведет!

Читай газету «Патриот»!

— Мама, я Ленина люблю!

Мама, за Ленина пойду!

Он мне сделает подарок за миллион немецких марок,

Он их у Вильгельма взял на дело!

— Козлы и козочки, коты и котики,

Купите книжку «Этика эротики»!

Прочтете книжечку про эту этику,

Пройдете практику — и прямо к медику!

— Сестры и братья!

Да здравствует демократья! И гуманизм!

А кто против — изолировать как вредный организм!

Б у м б а р а ш

Наплевать, наплевать — надоело воевать,

Ничего не знаю — моя хата с краю.

Моя хата маленька — печка да завалинка,

Зато не казенная, а своя законная.

Ты Емеля, я Фома, ты мне слово — я те два,
А листовочку твою я махорочкой набью.

А г и т а т о р ы

— Читайте «Знамя народа»!

— Читайте «Пламя народа»!

— Читайте «Волю народа»!

— Читайте «Голос народа»!

Б у м б а р а ш

Ты народ — и я народ, а мне дома милка ждет,

Уж я ее, родимую, приеду сагитирую!

Слава тебе, Господи, настрелялся досыти!

Для своей для милушки чуток оставлю силушки...

Слез с поезда, подошел к деревне.

Здравствуй, здравствуй, дом родной — вот я и явился,

С головы до ног живой, малость запылился.

Я все шел к тебе и шел, все четыре года,

Чуть с ума я не сошел с этого похода!

Домик мой, земля родна, пусть на месте сгину —

Но тебя я никогда больше не покину!

Настал мой нонешний денечек,

Играй, гармошка, до утра.

Ты поиграй, а мы попляшем

И попоем как никогда!

Идет по деревне, навстречу тетка Устинья.

Здорово, тетка Устинья! Не узнаешь?

У с т и н ь я (шарахнулась)

Ой!.. Ой!.. Свят-свят-свят...

Б у м б а р а ш

Гм... Чудеса...

Видит тетку Аксиною.

Здорово, тетка Акси́нья!
Что, неуж так сильно изменился?

Акси́нья
Ой! Батюшки! Чур, чур меня, чур!

Бумба́раш
Да вы что тут, белены объелись?

Видит бабу́ку Ефроси́ню.

Эй! Бабу́ка Ефроси́нья, соседка — и ты меня не узнаешь?

Ефроси́нья
Сгинь! Сгинь, нечистый дух, отвяжися, окаянный!

Бумба́раш
Вот, ничего себе встреча!

Подошел к дому, дверь нараспах, в дверях Гаври́ла.

Ну, слава богу, здорово, брат!
Здравствуй, Гаври́ла!

Га́ври́ла
Здорово... прохожий.

Бумба́раш
Как «прохожий»? Да ты что? Гаври́ла! Это я, Бумбараш,
твой брат, домой пришел, октись!

Га́ври́ла
Да нет, прохожий, ты уж лучше сам октись да хоро-
шенько, а то ведь я и помогу.

Бумба́раш
Бумбараш я! А не прохожий! Бумбараш!

Га́ври́ла
Бумбараш, мой родный брат, в русском войске
Вот уж сколько лет назад пал геройски.

Вот бумага с сургучом, все без фальши,
Так что ты тут ни при чем, топай дальше.

Бумбараш

Так что же это, люди добрые! Тетка Устинья!
Тетка Ефросинья!

Бабы

Бумбараш не Бумбараш — кто бы вспомнил.
По бумаге Бумбараш давно помер.
Он давно на небеси в райском саде,
Так что ты себе иди, бога ради.

Бумбараш

А хозяйство? А земля? А голубятня?

Гаврила

Все его я взял себе — воля братня.
И коль черт вернет его с того свету,
То его тут ничего больше нету!

Бумбараш

Да с какого того свету, когда вот он я!

Бабы и Гаврила

Ты какой-то не такой, друг прохожий:
И глаз другой, и нос чудной — непохожий.
Уж прости, не обессудь, ради Бога,
Ты ступай куда-нибудь, места много...

Бумбараш

Воротился я домой из-под смерти,
Тот же самый, не другой — уж поверьте.
Об родимый палисад бьюсь, как кочет,
А меня родимый брат знать не хочет!

Те же и Варя.

Варя

Бумбараш... живой!

Бумбараш
Варя!

Гаврила

Кому Варя, а кому и Варвара Михаловна. Ну что ж,
здравствуй, брат, здорово, Бумбараш. Уж коли жена
моя тебя признала, стало быть, врет казенная бумага,
выходит, ты и правда живой. Заходи.

Бумбараш
Жена?

Гаврила

Жена. Накрывай, жена, на стол — родной брат
домой пришел.

По такому случаю стели скатерть лучшую.
Заходи, соседи, в дом — встренем воина путем,
Посидим, покушаем, разговор послушаем:
Как он жил да поживал, хорошо ли воевал
За орла двуглавого, за царя кровавого,
Много ль чести заслужил,
Много ль денег получил
От режима царского.
Так что — просим ласково.

Бумбараш

За царя не за царя —
А на фронте я побыл — ох ты боже мой!
Неприятеля побил — ох ты боже мой!
Это если вспоминать,
Можно голову сломать,
Так что, братцы, лучше выпьем.

Выпили.

Правда, помню, случай был — ох ты боже мой!
Я летал германцу в тыл — ох ты боже мой!
Для военных для целей посылают кто ловчей —
Вот меня туды послали.

Вот ни столечко не вру — ох ты Боже мой!
На воздушном на шару — ох ты Боже мой!

Как архангел я висю и картину вижу всю:
Сидит немец, пьет какаву!

И меня тут ветерок — ох ты боже мой!
Прям на пушки поволок — ох ты боже мой!
Бросил чашку офицер — принимает на прицел:
«Два ноля четыре вправо!»

Я, конечно, не стерпел — ох ты боже мой!
Офицера на прицел — ох ты боже мой!
Эх, кубыть-растудыть, я те дам какаву пить!
Ну-ка, вот тебе граната!

И пошла у нас дуэль — ох ты боже мой!
Я гранату — мне шрапнель — ох ты боже мой!
Так и сыпет как горох — как я только не оглох,
Просто я не представляю!

Пантомима «Как я воевал».

Хор
Ох ты боже мой! Ох ты боже мой!
Батюшки-светы! Вот тебе и на!

Бумбараш
Так что, братец мой Гаврила, я тебе скажу:
Что на фронте я побыл и обратно не спешу.

Хор
Ох ты боже мой!..

Гаврила
Значит, говоришь, навоевался?

Бумбараш
Навоевался, брат.

Гаврила
Значит, говоришь, отстрелялся?

Бумбараш
Отстрелялся.

Гаврила
И больше не хочешь?

Бумбараш
И больше не хочу.

Гаврила
Не хочешь? А придется!
Или ты не слышал про здешние дела?
Тут у нас наемни революция была!
Скинули Николку, свергнули господ,
Землю и свободу получил народ.

Только веселиться рано, мужички:
Нету Николашки — так другие есть:
С юга генералы, с Москвы большевички;
И каждому желательно нам на шею сесть!

Ну а мы, чай, тоже не вороны:
Создаем отряды обороны.
Ну а ты, герой и молодец,
Помогай нам как военный спец!

Бумбараш
И за что же мне такое уваженье...

Гаврила
Будешь ты у нас народный генерал!

Бумбараш
Из окопов вышел еле...

Гаврила
И опять при деле!

Бумбараш
Пан...

Гаврила
Или пропал.

Бумбараш

Прости-прощай, мой брат Гаврила,

Но мне с тобой не по пути:

Война вот так мне опостыла,

Воюйте, братцы, без меня.

Пускай твоя земля и хата,

Твоя жена, твоя гармонь.

Мне от тебя гроша не надо —

Но от войны меня уволь.

Гаврила

Значит, с народом ты не желаешь?

Бумбараш

А ты считаешь — я не народ?

Гаврила

Да, я считаю.

Бумбараш

Это как знаешь.

Гаврила

Нет, братец, так не пойдет.

Как командир ополченья,

Я тебе сутки даю

На размышление.

Бумбараш

Большое спасибо!

А если я не отвечу,

То через сутки — что, брат Гаврила?

Гаврила

Встречу — убью.

Хор

Ох ты боже мой!

Ну, вот и встретили солдата,

Вот и приветили его...

Друг на друга, брат на брата —
Эко время каково!

Бумбараш, хлопнув дверью, вышел.

Я ш к а
Бумбара-а-аш! Эй! Бумбараш!

Б у м б а р а ш
Ну, я Бумбараш. Кто тут?

Я ш к а
Это я, Яшка!

Б у м б а р а ш
Яшка? Ты! Здорово, Яша, друг!

Отходят в сторону.

Я ш к а
Как пришла тогда твоя похоронка,
Так Гаврила и попер в гору:
И Варвару обошел тонко,
И вокруг себя собрал свору.
Говорит: оборонная команда,
А на самом деле что?

Б у м б а р а ш
Банда.

Я ш к а
Их тут, знаешь, развелось сколько?
А особо — Однорукий. И Сонька.
Однорукий, говорят, из офицеров,
А Сонька — та певичка питерская.
Говорят, стреляет — как поет.

Б у м б а р а ш
Что же делать, друг ты мой Яша?
Шел с войны — и пришел на войну.

Я ш к а

А теперь одна судьба наша:
Пробиваться на ту сторону.
Там свои, большевики — это сила!
Чуть чего — в один момент хоть кого.
Вот увидишь, запоеет твой Гаврила.

Б у м б а р а ш

Ну и чем же они лучше его?

Я ш к а

Да ты что! Это же большевики!
Коммунисты!

Ихнюю главную книгу
Дал мне один комиссар.
Очень простое название:
«Дас капитал».

Дальше, хотя по-немецки
Знаю не так хорошо,
Но все равно понимаю.
Книга про что:

Весь капитал, все богатство
Поровну бедным раздать,
А богачей-паразитов —
Землю копать.

Кто пропадал по подвалам,
Будет теперь во дворце.
Клумбы, фонтаны, статуи,
Флаг на крыльце.

Утром как выйдешь наружу —
Чисто, светло, тишина,
Тут тебе кофий с какавом
Вносит жена

И говорит по-французски:
«Сядем какаву попьем...»
Мы тебе вместо Варвары
Бабу получше найдем!

Бумбараш
Да не хочу я получше!
Ну-ка пойдём.

У Гаврилы гулянка продолжается.

Хор
Играй, играй, гармонь-тальянка,
Такая выпала судьба:
Кому веселая гулянка,
Кому зеленая тоска.

Гаврила
А что же это Варвара не поет?
Или ей с нами скучно?

Варя
С вами соскучишься.

Гаврила
А не хочешь с нами, спой сама. Спой! Мою любимую,
про коней, ну, ты знаешь.

Варя
Свою любимую сам и пой. Я уж лучше свою.
У дальнего обрыва, у белых трех берез
Взял милый мое сердце и вдаль с собой унес.

И я все эти годы без сердца пробыла,
Как будто не дышала, как будто не жила.

Но вот я слышу, словно открылось окно:
То холодно и темно, то жарко и светло!..

Гаврила
Замолчи!!!

Но тут в дверях возникает Софья Николавна.

Софья и Варя
И снова, как бывало, кипит и стынет кровь:
Вернулось мое сердце, вернулася любовь!

Софья

Хороша, Гаврила, песня, хороша:
В ней поет вся наша бабья душа.
Ну, а ты у нас тиран, феодал.
Ну, а где же, феодал, мой бокал?

Гаврила наливает, подает. Софья опрокинула.

Посидела бы я с вами, господа,
Но вот едет эшелон, говорят,
И везет много всякого добра,
Между прочим, в мой родной Петроград.

Неужели все достанется врагу?
Я такого допустить не могу!

Так что, рыцари, по коням, вперед!
А любовь пока постель разберет.

Походная музыка.

Гаврила

Варвара... Варь, я поехал. К рассвету буду, если, конечно, останусь жив.

Варвара молчит.

Но я вернусь, учти. Я вернусь!

Хор

Эх, казак ты казак, голова бедова,
Поскорей позабуди, что оставил дома.
Впереди вольный шлях, удалая доля,
А за нами на рысях — ветер Гуляй-Поля!

Эх, Конотоп-Воронеж, едрена вошь!
Хрен догонишь — хрен уйдешь!

Красный флаг, белый флаг,

Ленин или Врангель —

Я свободный казак, хоть и не архангел.
Я пальну, он пальнет — вот и не обидно,
А кому не повезет — это будет видно!

Эх, Конотоп-Воронеж, едрена вошь!
Хрен догонишь — хрен уйдешь!

Ты прощай, не грусти, милка дорогая:
Ждет меня впереди девушка другая.
Глаз дурной, бровь дугой, голова бедова —
Любушка моя — воля вольная!
Я с тобой — до гроба.

Эх, Конотоп-Воронеж, едрена вошь!
Хрен догонишь — хрен уйдешь!

Ускакали. К дому Гаврилы подходят Бумбараш и Яшка.

Я ш к а
Поехали эшелон грабить. Самое время к красным идти,
дорога свободна. Пошли?

Б у м б а р а ш
Куда? Зачем?

Я ш к а
Да к красным же! Не бойсь, проскочим, у меня
бомба есть.

Показывает гранату с кольцом.

Б у м б а р а ш
Бомба... Ты хоть знаешь, как кидать-то ее?

Я ш к а
А чего тут знать-то! *(Замахивается.)*

Б у м б а р а ш *(ловит руку)*
Герой. Спрячь и никому не показывай.

Я ш к а
Ну тогда на, сам кидай, раз ты умеешь.

Б у м б а р а ш *(запихивает бомбу Яшке в карман)*
Нет, Яша. Откидался я уже. А сейчас вот что...

Мне поговорить надо, Яша. Очень надо. Подождешь меня здесь? По старой дружбе? А? А если что — свистнешь, ладно?

Яш к а

Ты к Варваре, что ль?

Бумб а р а ш

Поговорить надо,

Яш к а (громко)

Ах, любовь, как ты зла!

Бумб а р а ш

Тихо ты!

Яш к а

Ну давай, только по-быстрому.

Дома у Гаврилы — Бумбараш и Варя.

Хор

Ой, ночка темная, полынь-травя, Глаза любимые, заветные слова...

Бумб а р а ш и В а р я

На том кургане мы встречались,

По той тропинке шли домой.

У той калитки обещались

Не разлучаться мы с тобой.

Ой ночка темная, полынь-травя!

Глаза любимые, заветные слова...

Не знали мы, какую шутку

Для нас придумала судьба:

Мы попрощались на минутку,

А получилось навсегда...

Ой ночка темная, полынь-травя!

Глаза любимые, заветные слова...

Варвара

Как пришла тогда твоя похоронка...

Бумбараш

Знаю, знаю, я же все понимаю!..

Варвара

Ты живой, живой; живой — вот что главное.

Бумбараш

Варя, Варенька... ну ладно... ну ладно...

Варвара

Я как мертвая была...

Бумбараш

И я тоже...

И всего делов — печать да бумажка...

Варвара

Ой, прости меня!..

Бумбараш

Ну что ты!.. Ну что ты!..

Варвара

Бумбарашенька ты мой!.. Бумбара-а-ашка!

Объятие.

Хор

Ой ночка темная, полынь-трава!

Глаза любимые, заветные слова...

И вот мы снова повстречались

У той калиточки опять,

А то, что кудри поседали, —

Так это ночью не видать...

Бумбараш

Собирайся, Варь. Идем отсюда.

Варвара

Собраться недолго. Да я так не хочу.

Бумбараш

Как — так?

Варвара

Да вот так, украдкой, будто я своровала что. Нет, это я сама должна развязать. А ты ступай на лесной кордон и подожди меня там. Я приду, приду... завтра же.

Бумбараш

Да ведь Гаврила же...

Варвара

Не бойся, меня он не тронет. А вот как бы ты там не замерз, на кордоне-то, избушка там худая, а шинелька у тебя...

Бумбараш

Тоже не новая.

Варвара

Сейчас мы подыщем тебе что-нибудь получше. Чего-чего, а этого добра хватает. Наташил.

Бумбараш примеряет офицерский мундир.

Бумбараш

Смирно-вольно, мать-перемать! Морду вверх, живот убрать! Пятки вместе, носки врозь — к вам приехал важный гость! Самый-самый лучший наш, самый-самый главный наш, ать-два, ать-два — сам фельдмаршал Бумбараш! Ну, как?

Варвара

Красивый.

Бумбараш

Красивый. Только вот боюсь, если красные увидят — им сильно не понравится. А вот так?

Во фраке с тросточкой.

Моя красотка, моя малютка.
Вы так прекрасны, как незабудка,
Я вас любить всегда хочу!
Пойдем со мною подуем на свечу!
Красиво?

В а р в а р а
Ни капельки.

Б у м б а р а ш
Красиво, красиво. Только больно холодно. Во! То что
надо — германская шинель. Ни красная, ни белая, а те-
плая! Ну как, красивый я в ней?

В а р в а р а
Ты у меня всегда красивый.

Объятие.   •

Х о р
Ой ночка темная, полынь-трава!
Глаза любимые, заветные слова!..

На улице к Яшке внезапно подошел Гаврила.

Г а в р и л а
Стой! Кто тут? Стой! Яшка?

Я ш к а
Ну, я.

Г а в р и л а
Ты что тут делаешь, морда большевицкая? Ты ж вроде к
красным собрался?

Я ш к а
Твое какое дело?

Г а в р и л а
А тогда почему здесь? За мной шпионишь?

Яшка

Больно надо.

Гаврила

Значит, охраняешь? Кого? Уж не мою ли жену? Да уж не от меня ли?

Яшка

Не подходи. Бомбу кину! *(Замахивается.)*

Гаврила

Вон оно как. Значит, все-таки охраняешь. А ну, дай сюда бомбу. Не балуй, тебе говорят. Это не игрушка, убить может. А мы все ж таки хоть и бывшие, а друзья. Давай бомбочку, Яшка, давай ее сюда, давай же! *(Отобрал.)*

Яшка

Бумбараш-аш! Беги-и-и! •

Гаврила сильным ударом валит его с ног и бросается в дом. В доме — одна Варвара.

Гаврила

Ушел. Ну, что молчишь? Соври хотя бы. Мол, ничего не знаю, никого не видела. А я бы, может, и поверил.

Варвара

Да не маленькие уже в прятки играть.

Гаврила

Храбрая у меня жена. Или уже и не жена?

Варвара

Бывшая.

Гаврила

Как так? А кому ж ты слово давала? Перед господом-то богом?

Варвара

Сначала — брату твоему. А первое слово, знаешь, доро-
же второго.

Гаврила

Не пойму я, чем же я виноват.
Ох ты, бедная моя голова!
Слава господу, воскрес родный брат,
Он воскрес и всю мне жизнь поломал.

Варвара

Да за что же тут кого обвинять?
Ты судьбу или войну виновать.
Попрощаемся давай по-людски,
И к нему меня добром отпусти.

Гаврила

Нет!
Ты скажи, что мне делать, ты скажи!
Ведь теперь решаешь все ты одна.
Ты скажи, ты подумай, не спеши:
Что мне делать, чтобы ты не ушла?

Варвара

Ты пойми, прошу тебя, ты пойми:
Уж такая нам выпала судьба.
Все равно — хоть убей, хоть сам умри,
Нам с тобою не бывать никогда.

Оба

Неужели ты не видишь, как мне больно говорить?
Неужели ты не видишь, что иначе мне не жить?
Неужели ты не веришь слову сердца моего?
Неужели, неужели ты не слышишь ничего?

Хор

Гром по небу раздается — окна сыпятся в дому,
Войско во поле сойдется — крики, пламя, все в дыму,
А как сердце наше рвется,
А как сердце наше рвется —

И не слышно никому...
И не видно никому...

Послышались звуки «Красного марша».

Гаврила
Ну, Варя! Вот что. Думай, что хочешь, делай, как зна-
ешь, а я тебя не отпускаю. Не отпускаю! *(Исчезает.)*

Музыка нарастает.

В село въезжает красный отряд.

*Тем временем Бумбараш бежит по лесу на кордон.
И внезапно слышится ему божественной красоты ду-
эт — мужской и женский*

РОМАНС

В белом платье с причудливым бантом
У окна, опустив жалюзи,
Я стояла с одним адъютантом,
Задыхаясь, шептал он: «Зизи!»

И на чем-то настаивал мило...
Был он в меру застенчив и храбр.
И тогда я сама потушила
Надоевший уже канделябр.

Как приятны интимные встречи,
Как приятна любезная речь...
Но тушите, пожалуйста, свечи,
Если пламя хотите зажечь!

*На лесном кордоне расположилась банда Соньки. А ду-
эт она поет с молодым потасканным юношей — Сту-
дентом.*

Сонька
Ну все, хватит. Не будем портить хороший романс.

Студент
Мадам! Меня Шаляпин слушал! И очень хвалил!

С о н ь к а

Голос-то у тебя хорош, Студент. Но в романсе первое дело — чувство.

М у ж и к

А что, Софья Николавна, неужели у тебя с кем-нибудь лучше получалось?

С о н ь к а

Получалось, Грицко, получалось...

Жил на свете поручик Ильин,

В Петербурге, тыщу лет тому.

Оказался он из многих — один.

Всю любовь я отдала кому.

Ах, какой у нас с ним был дуэт!

Да ушел он от меня на фронт.

Где пропал его последний след.

Вот тогда я и пошла — в народ.

А народ бывает разный,

Временами безобразный,

Поворачиваться живо пришлось!

Ну а кровь-то, чай, горячая —

Разбойничья, казачья,

Хоть песней, хоть пулей — насквозь!

Эй, в чем дело, кого ждем?

Г р и ц к о

Гаврилы нету.

С о н ь к а

Где же он?

Г р и ц к о

Посты проверяет.

С о н ь к а

Жену он свою проверяет, а не посты.

Ну да мы ждать не станем.

Господин студент! Открывайте бал!

Музыка. Выносятся и разбирается добыча с эшелона.

Студент

Соратники! Собратья! Пробил час.
Заря свободы озаряет нас!

Теперь не будет бедных и господ,
А будет только трудовой народ.

Вот наш девиз и общий идеал:
Плоды труда — тому, кто их создал!

Всем поровну — таков народный глас!
Но больше всех — героям вроде нас!

Мужики

— А попался ничего эшелончик!
— Тут добра не на один миллиончик!
— И жратвы, и фуража с трикотажем!
— И питья для куража, прямо скажем!
— И так быстренько, почти что без бою!

Софья

Пьем за волю, господа! Пьем за волю!

Хор

За волю!!!
Ура! Ура! Ура! Пойдем мы на врага
За Софью Николавну, за волю и народ!
Играй-играй, гармонь-тальянка,
Такая выпала судьба:
Кому веселая гулянка,
Кому зеленая тоска!

Выпившие бандиты пляшут в женских нарядах.

— А мы девочки бедовые,
На любовь всегда готовы!
Дайте, барин, папиросочку,
Напоите меня в досочку!

— А мы барышни культурные,
Носим юбки гарнитурные.

Перевяжем жопу бантиком
И гуляем с адъютантиком!

— Кони резвые мои, кони вороные,
И куда ж вы, кони, занесли
Сани расписные!

— Ой, дела, дела, дела — ох ты боже мой!
А я мужу не дала — ох ты боже мой!
Надо ж мне когда-нибудь
От соседа отдохнуть!
А то так когда-нибудь
Меня на фиг заябуть!!!

Софья вынеслась в юбках.

Софья

Я так прелестна и бесподобна!
Я, как известно, для всех удобна!
Я жевузем, я вас хочу!
Пойдемте вместе подуем на свечу!
Любовь как вьюга, а мы кочуем,
И друг без друга мы не ночуем!
Я жевузем, я вас люблю!
Пойдем со мною, я песенку спою!

Хор

Играй, играй, гармонь-тальянка,
Такая выпала судьба:
Кому веселая гулянка,
Кому смертельная гульба!

Софья

Любовь загадка, ей нет решения,
Сначала сладко — потом мученье.
Я жевузем! Я жевузем!
Пойдем, не бойся, я тебя не съем!

Общая вакханалия. Внезапно все стихло. Вошел Гаврила и швырнул перед всеми Яшку со связанными руками.

Гаврила

Гуляете? Хорошее дело. А вот вам и большевичок на закуску.

Софья

Какой краси-и-ивый! И большевичок...

Гаврила

Бомбу хотел бросить, гад.

Софья

Бомбу хотел бросить — и такой красивый. Как ваше имя, шевалье?

Гаврила

Да вот именно, что шваль. Яшка его зовут. Яшка-коммунист.

Софья

Выпьем, Яшенька, за знакомство. Пей, не бойся.

Яшка

А я не боюсь! *(Пьет из ее рук.)*

Хор

Пей до дна, пей до дна! Пей, пей, Яша, пей до дна! Нам жизнь наша на это и дана!

Софья

Вот и познакомились. Ты хоть знаешь, кто я?

Яшка

Как же... Сонька-атаманша, как же.

Софья

Для кого Сонька, а для кого и Софья Николавна. А для кого и Сонечка, только это заслужить надо. А? Яшенька? Как, нравлюсь я тебе?

Яшка

Да что ж... Вы, конечно, женщина... видная!

Софья

О-о! Смотри ты, комплимент родил красавчик! За это выпить надо! (*Пьют.*) Ну, а раз я такая видная — женись на мне, а, Яша? Поатаманствуем вместе, по-царски будем жить, по утрам какао пить.

Яшка

А по ночам эшелоны грабить.

Софья

Так. Кто ж я, по-твоему, воровка, что ли? Я ж для народа стараюсь, Яша.

Яшка

Для какого народа? Для этого? Бандиты это, а не народ.

Софья

У-у, ну все, красавчик. Нет, не пойду за тебя замуж, ты скучный.

Яшка

Да и ты не больно мне нужна... подстилка буржуйская.

Пауза.

Софья

Ну вот, приехали. Мало что жениться не хочет, еще и хамит. Что ж, давай тогда прощаться, женишок.

Подводит его к обрыву.

А где ж бомбочка-то твоя?

Яшка

Гаврила отобрал.

Софья

Верните бомбу герою. *(Берет, вешает гранату Яшке на грудь.)* Прощай, красавчик. *(Целует его.)* А колечко на память не подаришь?

Яшка

Какое колечко?

Софья

Да хоть вот это. *(Показывает на гранату.)*

Яшка

Да бери, мне не жалко.

Софья

Так я возьму?

Яшка

Бери.

Софья *(растерянно)*

Красавчик... да знаешь ли ты, как бомбы-то кидают?

Яшка

Да что вы все пристали! Ну, не умею — так научусь! А уж тогда так кину — вы тут костей своих не соберете! Забери свое кольцо!

Выдернул, бросил ей под ноги. Софья охнула и толкнула Яшку с обрыва. Взрыв.

Хор

Святой боже отче наш — принимай солдата,

Пусть ему врата откроют в рай.

Ни добра, ни злата —

Ты ему покоя только дай...

Музыка. Бежит в беспамятстве Бумбараш по лесу.

Бумбараш

Яша!.. Яшка!.. Эх! Да как же это так? Господи!

Падает, плачет, лежит в полубомороке. Поодаль обозначился Левка.

Левка

Эй! *(Молчание. Шагнул ближе.)* Эй! Ты живой? *(То же.)*

Эй! Коли ты живой, отвечай, а коли ты мертвый, так я сапоги сыму. *(То же.)* Значит, мертвый. *(Подошел.)*

Бумбараш *(вскочил)*

Ну, что привязался?!

Левка *(отскочил в испуге.)*

Руки вверх! Стреляю!

Бумбараш

Стреляй, мне все едино.

Левка

А ты что не стреляешь?

Бумбараш

Отстрелялся я, брат, на всю жизнь. Да и нечем.

Левка

Ну, тогда и мне нечем. Ты чей?

Бумбараш

Что?

Левка

Чей ты, говорю? Ну, красный или белый? Или в поло-
сочку?

Бумбараш

Я свой.

Левка

Ну, тогда и я не чужой. Пожрать найдется чего?

Бумбараш
Не захватил.

Левка

Ну, тогда у меня найдется. Счас поужинаем. Да сиди, сиди, отдыхай: я же вижу — устал человек.

Левка живо-споро развел костер и наварил кулешу.

Левка

Как за меня матушка все просила бога,
Все поклоны била, целовала крест.
А сыночку выпала дальняя дорога,
Хлопоты бубновые, пиковый интерес.

Журавль по небу летит,
Корабль по морю идет,
А кто меня куда влекет по белу свету?
И где награда для меня,
И где засада на меня,
Гуляй, солдатик, ищи ответу!

Ой, куда мне деться, дайте оглядеться:
Впереди застава, сзади западня,
Белые да красные и все такие разные,
А голова у всех одна, как и у меня!

Голова два уха — а тут еще и брюхо,
Без него, пожалуй, тоже не прожить,
Хочешь подзаправиться, то какая разница,
С кем мне в темном лесе
Огонечек разложить!

Журавль по небу летит,
Корабль по морю идет,
А кто меня куда влекет по белу свету?
И где награда для меня,
И где засада на меня,
Гуляй, солдатик, ищи ответу!

Подал котелок Бумбарашу, тот жадно ест.

Где я только не был, чего я не отведал:
Березовую кашу, крапиву-лебеду,
Только вот на небе я ни разу не обедал —
Господи, прости меня, я с этим обожду!

Журавль по небу летит,
Корабль по морю идет,
А кто меня куда влечет по белу свету?
И где награда для меня,
И где засада на меня —
Гуляй, солдатик, ищи ответу!

Ну вот, теперь ты рассказывай, а я поем.

Бумбараш

Да что тут рассказывать. Был у меня друг. Яша.
На войну меня провожал.

Идет пантомима-танец-рассказ, поверх — хор.

Хор

Пули-пули свищут там и тут,
Казаченьку ищут и найдут.
Упадет убитый наповал —
Вот казак и встретил, что искал.

Боже святой, боже, не серчай,
Душеньку казачью приласкай.
Он ведь сам не ведал, что творил,
Он и до победы не дожил.

Люди сеют жито, люди жнут,
Люди как умеют, так живут.
Ой, ступайте, хлопцы, по домам,
Что ж вам не живется как людям?..

Бумбараш

Вот так и сгинул мой Яшка... А я помог!

Левка

Да ты-то при чем?

Бумбараш

Так ведь я, я же ему не показал, как бомбу надо кидать!

Левка

Ну вот что... говоришь, склад там у них?

Бумбараш

Барахла много...

Левка

Добре. Пошли.

Бумбараш

Куда?

Левка

Пошли, пошли. Поквитаемся за твоего Яшку.

Пошли они по лесу и вышли на околицу.

Бумбараш

Так это же и есть моя деревня, Левка!

*В деревне, в доме Гаврилы — штаб красного отряда.
Командир Василий Иванович колдует над картой.*

Василий Иванович

Дайте мне минуту отдыху-спокою,

Дайте мне минуту отойти душою,

Соловья послушать, на небо взглянуть —

Не хватает время, люди не дают!

Не хватает время, люди не дают.

А дают мне люди до смерти уснуть.

А дают мне люди до смерти уснуть...

Над моей могилкой соловьи спокуют...

Чертит по карте.

От так. От так. От так мы их и раздолбаем. От так мы их и расшибем. Сначала фланги посшибаем. А после с тылу долбанем.

Входит красноармеец.

Красноармеец
Василий Иванович, тут до вас двое просятся.

Василий Иванович
Кто такие?

Красноармеец
Та бродяги какие-то.

Василий Иванович
Давай.

Входят Бумбараш и Левка.

Кто такие? *(Пронзительно смотрит.)*

Левка
Командир...

Василий Иванович
Молчать. Ясно. Ты — городской, нахальный, шнырь вокзальный. Ты — здешний, был на фронте, нуждаешься в ремонте. Так?

Бумбараш
Так...

Василий Иванович
Василий Иванович не дурак. Он видит все. Например, шинель. На воротнике две буквы: «И» и «К». Так?

Бумбараш *(посмотрел)*
Так!

Василий Иванович
А что это означает: «И» и «К»? *(Бумбараш жмет плечи.)* А это означает «Иосиф Коган» — наш комиссар. Неделю как пропал. Ибо почему? А ибо потому, что к бандитам попал. Гаврилу знаешь?

Бумбараш
Брат...

Василий Иванович
Именно! Брат! Суду все ясно. Кто прав, кто виноват.
Вестовой! Зови конвой! В расход обоих!

Бумбараш
Эй! Ты что? А как же Сонька-атаманша? А Яшка?

Василий Иванович
Вестовой! Отставить конвой. Что Сонька-атаманша?
Говори.

Бумбараш
Так она же, вот только что, на лесном кордоне Яшку-коммуниста бомбой кончила!

Василий Иванович
Как на лесном кордоне? Где это? Карту знаешь? Покажи! *(Тот показал.)* Вот тебе раз! А я ее в Гуляй-Поле ищу!
А она — вон где... *(Грозовым голосом.)* Отря-я-ад!!!

Отряд готов.

Слушай мою команду!!! *(Левке.)* Ты — со мной. Будешь отвечать головой. Этого взять, запереть, после будем посмотреть. *(Громко.)* Именем Третьего Железного Единого Непобедимого Пролетарского Международного Интернационала на Кровавых Врагов Угнетенного Класса, за мной — а-а-арш!!!

КРАСНЫЙ МАРШ

Дрожи, буржуй, настал последний бой,
Против тебя весь бедный класс поднялся,
Он улыбнулся, засмеялся, все цепи разорвал
И за свободу бьется как герой!

Ничего, ничего, ничего!
Сабля, пуля, штыки — все одно!

Ты родимая, ты дождись меня,
И я приду!

Я приду и тебя обйму,
Если я не погибну в бою
В тот тяжелый час, за рабочий класс,
За всю страну!

Бедняк-трудящий с нами завсегда,
У нас один повсюду враг заклятый!
Весь черной злобою обьятый,
Кровавый капитал,
Он не уйдет без боя никогда!
Ничего!

Мы победим, за нас весь шар земной!
Разрушим тюрьмы, всех богов разгоним!
Мы наш, мы новый мир построим
Свободного труда
И заживем коммуной мировой!

Могучая атака на бандитов.

Конец 1-го акта

ВТОРОЙ АКТ

Бумбараш сидит в темнице.

Б у м б а р а ш
Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопою,
А к речке не идут:
Больно берег крут...
Ни ложбиночки пологой,
Ни тропиночки убогой...
А как же коням быть?
Кони хотят пить...

*Двери распахиваются. Свет, толпа. Впереди Василий
Иваныч с Левкой.*

В а с и л и й   И в а н ы ч и   Л е в к а
— А где твоя хата?
— А она сгорела, даже дыму не видать!
— А где твоя жинка?
— А она сбежала в Петербург, едрена мать!
— А мне смешно-смешно! А мне чудно-чудно!
А мне-то что с того? А ничего!
— Где ж твои наряды?
— А мои наряды надоело зашивать!
— Где ж твои награды?
— А мои награды долго будут заживать!
— А мне смешно-смешно, а мне чудно-чудно,
А мне-то что с того? А ничего!
— Где ж твоя копилка?
— А я ту копилку на горилку променял!

— Где ж моя горилка? Где ж моя горилка?
Кто бы мне сказал!

В а с и л и й   И в а н ы ч

Гражданин Бумбараш, вам объявляется полная амнистия и спасибо тебе за то, что нами полностью раздавлено бандитское гнездо. Ну а об нашем погибшем комиссаре все нам соседки твои рассказали, как оно было, так что твой брат Гаврила хотя и утек со своей атаманшей незнамо куда, но не уйти им от пролетарского суда! А пока объявляется праздник мировой справедливости, танцы и раздача народу предметов необходимости!

Л е в к а

И мериканские ботинки!
И табачок какой хотишь!
И заграничные бутылки,
Прям Европа и Париж!

Теперь мы сыты и обуты!
Теперь одеты на всю жизнь!
И фу-ты ну-ты лапти гнуты,
Настоящий коммунизм!

В а с и л и й   И в а н ы ч

Товарищи! Граждане! Пробыл час!
Заря свободы освещает нас!

Долой эксплуататоров господ!
Да здравствует трудящийся народ!

Вчера они гноймя гноили нас,
Теперь мы их, как победивший класс!

Плоды, произведенные в труде,
Кто произвел — пушай берет себе!

Эшелонное добро пошло нарасхват, но теперь бабы, а не мужики наряжаются во все женское и очень нарядное.

М у ж и к и

— На горе стоит ольха, а под горою вишня,
Слава богу, на войне передышка вышла!

— Играй, гармонь-тальянка, такая, брат, судьба:
Сегодня нам гулянка — потом опять борьба.

Бабы

Весь фураж пехоте сдашь — завтра едет конница.
Ой когда ж, когда ж, когда ж это все закончится?

Мужики

Пройдет немного время, и года через два
Навек мы похороним последнего врага!

Тетка Аксинья

Командир, командир,
Где же раньше ты ходил?
Я ж тебя, красивого, разве пропустила бы?

Василий Иванович

Зачем любить солдата, красавица моя?
Жена его — граната, постель — сыра земля.

Тетка Устинья

Генерал, генерал, заходи на сеновал,
С новою знакомою пошуршать соломою!

Левка

Даю мое согласие, что в гости к вам приду!
Ведь я такое счастье иде ж еще найду?

Варя

Ветер ветку клонит низко, а рукою не достать,
Наше счастье где-то близко, а никак не увидеть.

Бумбараш

Бедою не одною страшает нас судьба,
Но лишь бы ты со мною, а я с тобой всегда.

Хор

Шуми, шуми, гулянка, танцуй, честной народ,
Нам звонкая тальянка надежду подает.
Играй, играй, гармошка,

Что было — то прошло.
Еще совсем немножко — все будет хорошо!

В а с и л и й   И в а н ы ч
Все будет хорошо, это точно!
А для этого давай, Бумбараш,
В нашу армию вступай, Бумбараш,
Батарею принимай, Бумбараш!
Так сказать, ты был никем — будешь наш.

Б у м б а р а ш
Да нет, Василий Иванович, отвоевался я, хватит. Так по-
живу.

В а с и л и й   И в а н ы ч
Так не поживешь. Согласно военного времени, ты есть
мобилизованный. А уклонение есть дезертирство. А за
дезертирство, согласно военного времени...

Б у м б а р а ш
Понятно.

В а с и л и й   И в а н ы ч
Не пойдешь?

Б у м б а р а ш
Не пойду, Василий Иванович.

В а с и л и й   И в а н ы ч
Пойдешь. Я тебе роту дам. *(Молчание.)* Ну хочешь — на-
чальником штаба назначу? Ты же карту понимаешь,
бессовестный ты человек! Двойной паек положу!

Б у м б а р а ш
Да не надо мне!

В а с и л и й   И в а н ы ч
Ну, не надо — так не надо. Все-таки не случайно у тебя
брат бандит, не случайно! Яблоко от яблочка... мол-

чать. Согласно военного времени! Вестовой! Зови конвой! Я научу вас свободу любить.

Бумбараш

И за что же мне такое уваженье?..

Последний нонешний денечек

Гуляю с вами я, друзья,

А завтра рано чуть светочек

Меня потащат на расстрел.

Василий Иванович

На жалость берет.

Бумбараш

Я от сабли уцелел — ох ты боже мой!

От шрапнели улетел — ох ты боже мой!

И вот тебе как на духу — я от пули убегу!

На родном-то берегу как-нибудь да убегу,

Будь здоров, Василь Иванович!

Сбил конвой с ног — и был таков.

Василий Иванович (оторопев)

Ох ты!.. Боже мой!.. Стой! (Выхватил маузер.) Именем
Третьего Железного Единого Непобедимого...

Варя резко ударила по руке — выстрел ушел в небо.

Что?!!

Варвара

Ну скажи, растолкуй нам, командир:

Ты зачем огород-то городил

Про свободу, про народ трудовой?

А ведешь себя как городской.

Василий Иванович

Что-о-о?!

Хор

Уж пожалел бы ты солдата, бедней его нет никого,

Его земля, невеста, хата — все у брата у его!

Варвара

Раньше был у нас какой господин?

За волосы оттащал — отпустил.

А теперь у нас хозяин другой:

Этот волосы рвет с головой.

Василий Иванович

Вестовой! Зови конвой. Распускать агитацию не дам.

А бандитским женам — тем более. Под замок и вплоть до трибунала. По законам военного времени. Молчать! Василия Ивановича обижать не надо. Никому не советую Василия Ивановича обижать.

В который раз бежит Бумбараш, спасается. Устал, упал — но вместо сна полубред какой-то: Сонька, Гаврила, Василий Иванович, воздушный шар, Поручик. Стоп. Кошмар пропал, а Поручик почему-то остался. Собственной персоной. Поручик — постаревший, правда, и при одной всего лишь руке, стоит в лесу над Бумбарашем.

Поручик

Ох ты боже мой! Бумбараш!

Бумбараш

Ваше благородие! Господин поручик!

Поручик

Ведь я же на тебя похоронную послал! А ты живой!

Бумбараш

Целый, ваше благородие, как есть целый!

Поручик (показывая пустой рукав)

А я, как видишь, не совсем. Оставил на память Австрии.

Бумбараш

Так ведь с этим вчистую списываться можно, ваше благородие. А вы, я гляжу, все воюете.

Поручик

Куда? Куда списываться, Бумбараш? Ты видишь, что они с Россией делают? Сам-то, часом, не из красных?

Бумбараш

Нет, ваше благородие. Я — сам по себе.

Поручик

Отлично! Прекрасно! Эх, старый вояка! Помнишь Галицию?

Для военных для целей,
Для разведки батарей,
Открывай резервуар —
Надувай воздушный шар!
Подымайся, не спеши
И сейчас же доложи,
Ать-два, ать-два — где германски рубежи!
Отличный аппарат!

Бумбараш

Тяжелый! Непослушный!

Поручик

Воздушный самокат!

Бумбараш

Вернее, гроб воздушный.

Поручик

Ну-с, добры молодцы, за веру, за царя!

Бумбараш

Это уж как водится — уря-уря-уря!

Поручик

Сбросил сумку и шинель!

Бумбараш

Сумку и шинель!

Поручик
И под самую шрапнель!

Бумбараш
Прямо под шрапнель!

Поручик
Вот кто истинный герой!

Бумбараш
Глупый был и молодой!

Поручик и Бумбараш
Да, лихое было время!..

Поручик
Лихое, да... Уж больше такого не будет.

Бумбараш
И не приведи Господь.

Поручик
Хорошо повоевали!

Бумбараш
Повоевали — и хорош.

Поручик
Ну и договорились. Пойдешь ко мне ординарцем.

Бумбараш
Ваше благородие... да вы что?

Поручик
Ну не начальником же штаба, согласись! Господа!

Пламя костра. Вокруг — офицеры в живописных позах.

Господа! Нашего полку прибыло. Бумбараш, мой ординарец. Старый товарищ еще по Галиции. Когда это было!..

Звучит гитара.

К н я з ь

Какой вы романтик, мой милый поручик!
Ваш старый товарищ скорее всего
Бандитский разведчик иль красный лазутчик,
И надо бы прежде проверить его.

Б а р о н

А впрочем, не все ли равно?
Ей-богу, важнее гораздо,
Что жизнь — она все же прекрасна,
И есть еще в бочке вино!

П о р у ч и к (*Бумбарашу*)

Наш быстрый и дерзкий отряд офицерский
Промчался, как буря, по красным тылам.
Наш суд и расправу и грозную славу
Надолго запомнит зарвавшийся хам!

Б а р о н

А впрочем, не все ли равно?
Ей-богу, важнее гораздо,
Что здесь хотя несколько грязно,
Но есть еще в бочке вино!

К н я з ь

Как странно смешались мечты и химеры,
И как прихотливы капризы судьбы:
Ну кто бы подумал, что мы, офицеры,
Ждем в гости бандитку для общей борьбы!

Б а р о н

Ну что ж, а пока не пришла наша дама,
Не будем же, право, без дела сидеть:
Сыграем, поручик, на этого хама?
Я тоже хочу ординарца иметь.
Раздайте картишки, корнет Оболенский!..

Поручик

Да вы с ума сошли, барон!

Барон

Мон шер, перемените тон!

Поручик

Вы крепостник и солдафон!

Барон

Мон шер! Вам вреден самогон!

Поручик (*рвет из кобуры пистолет*)

Да по законам военного времени...

Князь обнял обоих.

Поручик

А впрочем, не все ли равно?

Ей-богу, важнее гораздо,

Что наше вино безобразно,

Зато не скудеет оно!

За Русь!

Царя!

И веру!

Хоть их уже нет никого!

Те же и Софья с Гаврилой.

Софья

Наконец мои мечты сбылись.

Господа! Мы с вами столько дрались!

А теперь меня встречает, как брат,

Однорукого героя отряд!

Офицеры

Вот это фемина! Салют, амазонка!

Какая фигура! А голос каков!

Ну, прямо из Блока, мадам Незнакомка!

Дорогу принцессе ночных кабаков!

Софья

Да, пришла пора взаимной любви:
Ваши люди — пулеметы мои,
Завтра будет замечательный бой!
Ну, а где наш однорукий герой?

Поручик, до того молчавший, вышел на свет.

Поручик

Господа, оставьте нас.

Остаются наедине.

Софья

Ильин... Ильин! Это ты? Ильин!..

Поручик

Софи! Это ты!..

Софья

Это я, Ильин.

Дуэт

Ну вот мы и встретились вновь.
Спасибо нелепой судьбе,
Что первая наша любовь
Напомнила вдруг о себе.

Казалось бы, столько причин
Угрюмо забыть обо всем:
Наш век нас навек разлучил —
И все же мы снова вдвоем!

Годы наши юные
Канули на дно...
Но почему же ты, сердце безумное,
Нежности прежней полно?

Пусть время шумит за окном,
С тобой нам уютно вдвоем,
И наш поцелуй не огнем,
А светом любви напоен.

Ну вот мы и встретились вновь!
Так внятно душа поняла,
Что первая наша любовь
Единственной в жизни была!

Годы наши юные
Канули на дно...
Но почему же ты, сердце безумное,
Нежности прежней полно?..

Издали мужской хор: «А впрочем, не все ли равно?..»

Бумбараш с Гаврилой говорят.

Гаврила
Что ж, с нами не пошел, а с господами пошел?

Бумбараш
Да, что-то всем я стал нужен, все меня мобилизуют, мобилизуют — да только мне-то, брат, не нужен никто.

Гаврила
Кроме Варвары.

Бумбараш
Кроме нее.

Гаврила
Что ж сейчас-то без нее?

Бумбараш
Да я ненадолго.

Гаврила
Тогда поторопись.

Бумбараш
А то что?

Гаврила
А то. Ее красные в заложники взяли. Как бандитскую жену.

Бумбараш вскочил.

Погоди. Пушай стемнеет хорошенько. Я бы сам сходил. Да боюсь, упираться начнет. *(Вынул пистолет.)* Может, возьмешь? Ну, как знаешь. Только быстрее уходи-те, слышишь? Завтра здесь большое веселье будет

Поют офицеры. Прощаются Софья и Поручик.

Софья

Ильин... Значит, завтра в пять утра?

Поручик

Завтра в пять, Софи... Мои офицеры с севера...

Софья

А мои бандиты — с юга... Ильин!

Поручик

Софи!.. Сначала твои пулеметы...

Софья

А потом твои штыки... До победы, Ильин, да?

Поручик

До победы, Софи.

Софья

До победы.

Поручик

До победы.

Поют офицеры: «А впрочем, не все ли равно?»

Гаврила

Прошлый раз просил ее: спой мою любимую, спой про коней!.. Не захотела...

Бумбараш

Так то ж не ее песня. Эта песня, брат Гаврила, наша с тобой.

Поют.

Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопою,
А к речке не идут:
Больно берег крут...

В избе поет Варвара, ей подпевает часовой — Левка.

Ни ложбиночки пологой,
Ни тропиночки убогой —
А как же коням быть?
Кони хочут пить...

Левка

Душевная песня... как раз про нас. Что вы с Бумбарашем, что я — возле воды ходим, никак не напьемся. А в песне дальше как? Кони-то напились — нет?

Варя

Выпусти меня — допою.

Левка

А что Василь Иванович скажет?

Варя

А что ты Бумбарашу скажешь? Ведь он за мной вернется. Может, ты и его на расстрел поведешь?

Левка

Ладно, на расстрел... Ну хорошо, убежим мы с тобой — куда? Как? Голодные, холодные, без копейки?

Варя

Голодные, зато свободные.

Левка

Неужели твой бандит ничего на черный день не припас?

Варя

Как же не припас. Припас...

Левка

Где?

Варя

Да не надо мне его золота.

Левка

А кому надо? Никому не надо. Ты только скажи: где?

Варя

Ну, там... на чердаке, под стрехой.

Левка (*распахивает дверь*)

Журавль, по небу лети! Корабль, по морю иди!

Ты погоди меня, я мигом обернуся! Там есть награда для меня, а где засада на меня — я не боюсь! Я увернуся!

Журавль по небу — ку-ку!

Крадется Левка за золотом на чердак.

А тут на пути и встал перед ним Василий Иванович с наганом в руке.

Василий Иванович

Ку-ку! Золотишко ищем? Так мы его еще вчера реквизировали. А вот ты пост покинул, почему? Молчать! Выпустил бандитскую жену. Она указала, где золото, — ты выпустил. По условиям военного времени это как называется? Измена. Молчать!

Левка

Ой-ой-ой! (*Кинулся бежать.*)

Василий Иванович (*целится*)

Именем Третьего Железного Единого Непобедимого — ну, и так далее, а то уйдет...

Левка

Варя! Беги!

Выстрел. Левка падает. Над ним склоняется Бумбараш.

Левка
Бумбараш...

Бумбараш
Левка!.. Да как же это?

Левка
Да так. Птичку выпустил, а сам попался... Прощай...
Постой!.. А кони-то эти... ну, которые возле реки никак
воды не напьются — что, напились они, нет? Воды-то...

Бумбараш
Напились.

Левка
Ну, хорошо... *(Умирает.)*

Слышится мерный шаг наступающего отряда. Василий Иванович смотрит в бинокль.

Василий Иванович
Вот спасибо Левке — разбудил. А то б такой парад про-
зевали. Отря-я-ад! В ружье! Эх, хорошо идут! Офицера!

Офицеры
Все было — коньяк и цыгане
И девки в ажурных чулках,
А будет смерть и поруганье
И ветром рассеянный прах.

Вперед, господа офицеры!
Умрем, коли так суждено,
За Русь, царя и веру,
Хоть их уже нет никого!

Поручик, кумир закулисный,
Полковник, седой ветеран,
Младой корнет, мой ангел чистый —
Один нам и крест, и бурьян.

Вперед, господа офицеры!
Умрем, коли так суждено...

В а с и л и й   И в а н ы ч *(смотрит в другую сторону)*
О! И атаманша здесь! Красивая женщина, смотри ты!
Как в нее стрелять, спрашивается? Только закрывши
глаза.

С о ф ь я   с   о т р я д о м
Бей заклятого врага!
Чтоб не поднялся никогда!
Ой ты воля, воля непомерная,
Ты моя дроля, моя любя револьверная!

Нехай решают чины и штабы,
Кто тут герой, а кто тут бабы!
У всех наганы, на всех штаны,
Мы днем и ночью кругом равны!

Эх, Конотоп-Воронеж!
Едрена вошь!
Хрен догонишь!
Хрен уйдешь!

В а с и л и й   И в а н ы ч
Ну, а мы что — хуже рыжих?
Бей заклятого врага.
Чтоб не поднялся никогда!
Бейтесь, не бойтесь, сражайтесь,
И пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Нехай нам дети спасибо скажут:
За них отцы в могилу лягут!
Достанет пуля среди огня
Сперва буржуя — потом меня!
Ничего!

КРАСНЫЙ МАРШ

Ничего, ничего, ничего!
Сабля, пуля, штыки — все одно!
Ты родимая — ты дождись меня!
И я приду!

Я приду и тебя обойму,
Если я не погибну в бою
В тот тяжелый час за рабочий класс,
За всю страну!

Офицеры

Кто будет поить вас, цыгане?
Кто девкам подарит белье?
Нам помирать — мы присягали,
И держим мы слово свое!

Вперед, господа офицеры!
Умрем, коли так суждено,
За Русь, царя и веру,
Хоть их уже нет никого!

Бабы

Вот развеет ветер черный дым,
Вы чего добились — поглядим:
Ни двора, ни хаты, ни кола,
Вдовы, да сиротки, да зола...

Голоса

— Вперед, господа офицеры!
— Эх, Конотоп-Воронеж!
— Ничего, ничего, ничего!

Сцена смертельного боя. Но вот кончился бой. Дым рассеялся. Победителей не оказалось: погибли все. Медленно идет Бумбараш и ищет Варю. Смертельно раненный Гаврила увидел брата.

Гаврила

Стой, брат... Как же это... Теперь все — тебе? И хата, и Варвара... несправедливо, брат... Пойдем-ка вместе...

Гаврила поднял пистолет. А тут Варя , не заметив пистолета, кинулась, обняла Бумбараша. А тут и выстрел грянул. И упала она. И Гаврила поник замертво. И остался Бумбараш на всем свете один.

Хор

Ходят кони над рекою,
Ищут кони водопою,
А к речке не идут:
Больно берег крут.

Ни ложбиночки пологой,
Ни тропиночки убогой,
А как же коням быть,
Кони хотят пить...

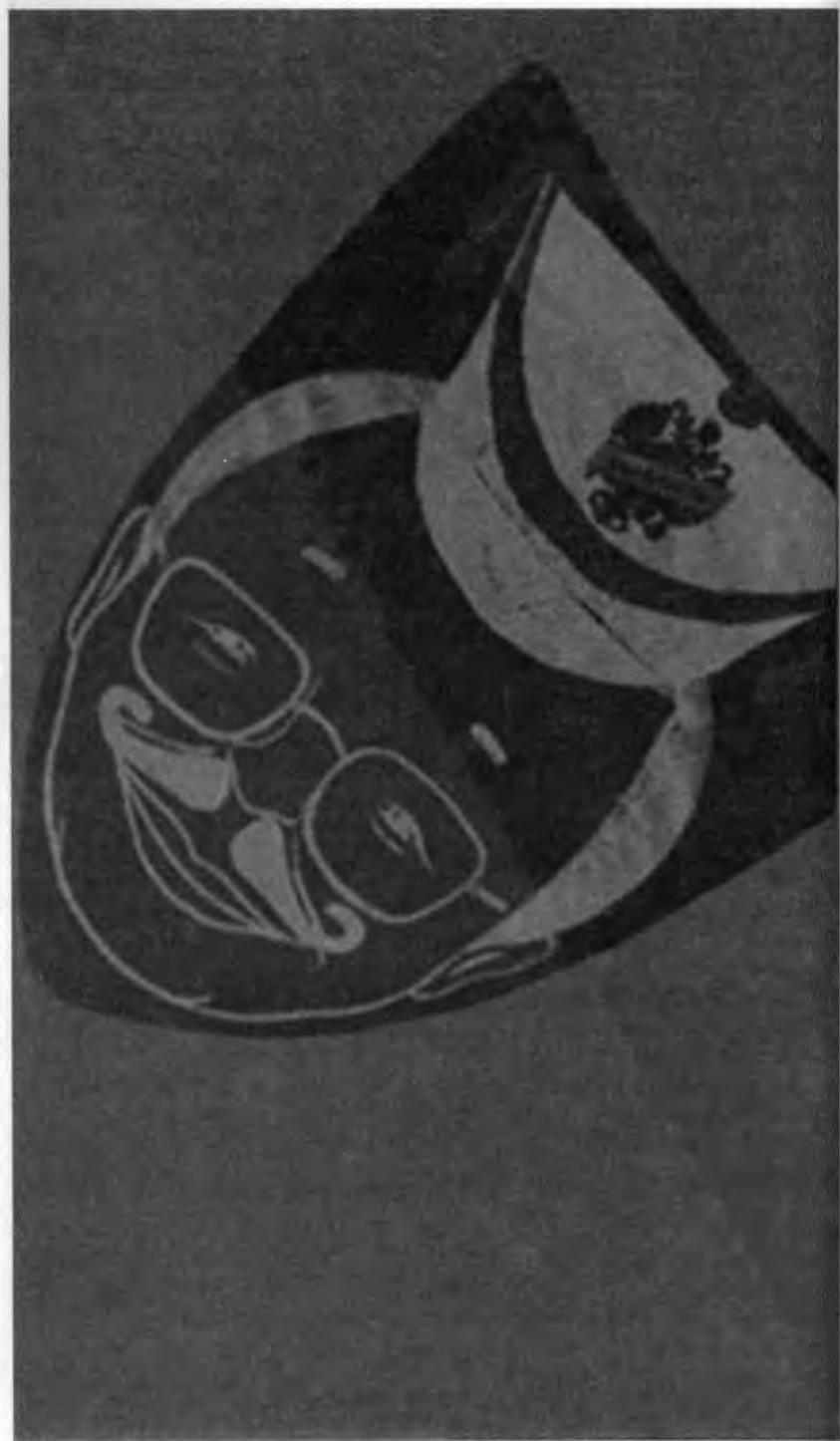
Вот и прыгнул конь буланный
С этой кручи окаянной!..
А синяя река
Больно глубока.

Конец

Посвящается

Воспоминание о Давиде

1

В Московском писательском доме есть Дубовый зал.

Высокий, в два этажа. Стены белые, панели и лестница на второй этаж — темные, они, наверное, из дуба и есть. Там в хрущевские времена Лев Кассиль собирал свои «четверги», не то «пятницы». Это называлось «устный журнал» или «встреча с интересными людьми». Однажды и я оказался среди «интересных» как преподаватель литературы, сочиняющий развеселые песни. И когда до меня дошла очередь, я и грянул на своей семиструнке:

Навострите ваши уши,
Дураки и неучи:
Бей баклуши.
Бей баклуши,
А уроки не учи!

Стяжал аплодисмент.

Затем из публики прозвучало:

— Хотел бы я учиться у такого учителя!

— Кто это?

— Давид Самойлов. — объяснили мне.

О! Я был польщен. Тем более что уже тогда я числил его в первых мастерах, уже выделял его из блистательной плеяды соплеменников, что делало честь моему вкусу в моих глазах. Сам Давид Самойлов! А не какой-нибудь там.

Я был ему представлен — и мы расстались, лет на пятнадцать. То есть видеться-то мы виделись, в каких-то общих залах или квартирах, но толком посидеть не приходилось. Когда мы познакомились, он был безусым, но это я знаю, а не помню, по тогдашним фотографиям знаю.

А помню его только в усах. И когда в феврале 90-го года в том же Дубовом зале молча уселись мы с Городницким за необъятный поминальный стол, глянуло на меня с траурного портрета его молодое, любимое, но незнакомое мне лицо. И было мне странно, словно не Давида я поминал. И зал Дубовый был какой-то ресторанно-вокзальный и совсем не уютный, каким он был при Кассиле.

2

Хотя нет, ну как же, виделись мы. У него в Опалихе, в просторном деревянном доме под Москвой — но плохо помню я этот вечер, это какое-то воспаленное мгновение среди тягостной осени 73-го года.

Говоря вообще, наша жизнь после 56-го года описывается формулой: веселье, впоследствии отравленное. Может быть, никто так не воплощал в себе эту смесь иронии-сарказма, веселья и горечи, как Толя Якобсон, Тоша — Давидов любимец. Вот эту-то взрывчатую смесь и выперли из Союза осенью 73-го года. Раскручивалось дело номер двадцать четыре о «Хронике текущих событий» — великий наш самиздатский бюллетень, регистратор повседневных советских мерзостей против свободной мысли, — и над Тошей как редактором и автором нависла неминуемая каторга. Но жандармы особо крови не хотели и оставили Тоше альтернативу: Израиль. А тут и сына надо срочно и сложно лечить, а черт его знает, чем это кончится у нас, при таких-то обстоятельствах. И уехал Тоша.

А уж как не хотел!

Он и уезжал-то — упираясь всеми силами, до смешного. Нарочно опоздал к таможенному досмотру — и самолет улетел без него, но билет ему оформили тут же, на следующий рейс — и все-таки выгадал Тоша себе еще пару дней побыть дома. И вот в этот зазор мы с ним и нырнули туда, в Опалиху, к Давиду. Дымный был вечер. Пьяный. Так что не помню — в усах был Давид или без? Помню, что в тельняшке.

К чему я, однако? А вот к чему.

Давид Тошу любил и понимал, что его отъезд — альтернатива лагерю. Это была причина уважительная. Отъезд, вызванный давлением более косвенным — ну, как выда-

вили Войновича или Владимова, — это Давид тоже понимал. Но эмиграции без видимого нажима не принимал. Все-таки русский интеллигент, да еще всю Отечественную прошел. Для таких понятие «долг перед Отечеством» — не звук пустой. По мне так человек, сбежавший от брежневского режима, есть беженец. А по Давиду — беглец. Чувствуете разницу?

Сидели мы как-то в Пярну, у меня, мирно выпивали — и зашел разговор об эмиграции, и друг мой Володя как раз и высказался в том смысле, что, мол, бегущий от режима, даже если тот его и не подталкивает, все-таки презрения не заслуживает и уважения не утрачивает. Давид как взъелся на него! Прямо зверски. «И уезжайте! И уезжайте!» — кричал он в гнев и немедленно отправился домой. Он решил, что Володя говорит о себе и как бы спрашивает индульгенцию на случай своего бегства.

Так мы и шли пустынным ночным городом: впереди — разгневанный Давид, безостановочно и величественно, как он всегда ходил, стуча тростью по лифляндским камням, а следом — уговаривающий я и чуть поодаль — тщетно взывающий Володя.

— Не собирается он никуда! — уговаривал я. — Наоборот: он три года отсидел за правду, имеет полное моральное право, а не едет!

— Вот и пусть едет!

— Да он не хочет!

— Нет, пусть едет, раз так говорит!

(Теперь я то и дело встречаю мысль: тот, кто тогда бежал от режима, был храбрее тех, кто оставался. Как будто режим — единственное, что можно любить на родной стороне.) Потом Давид остыл и Володю простил. Даже карточку подарил с дружелюбной надписью.

3

Говоря о Давидовых корнях, все дружно поминают Пушкина. Я тут пошел дальше всех:

В городе Пернове
Так я петь учусь,

Чтобы в каждом слове
Много было чувств.
Петь, насколько возможно,
Просто, без виньет,
Что довольно сложно,
Будучи поэт.

Но балтийский воздух
Чист и честен так,
Что не даст и слов двух
Сочинить кой-как.
А в Пернове-граде
Ганнибалов дух
Слов не даст в тетради
Зря испортить двух.

Здесь, душою тонок
И натурой здрав,
Жив прямой потомок,
Сам того не зная.
Точно как и пращур.
Ростом невелик,
Кистью рук изящен,
Боек на язык.

А взгляните под нос:
Эти завитки —
Вылитая поросль
С предковой щеки.
И стихи он пишет
Пушкину под стать...
Так что лучше в Пярну
Песен не писать!

В этом стишке все баловство и балагурство — от Давида. Недаром Андрей Вознесенский, съевший столько собак на рифме, каждый раз, говоря о Давиде, поминает эту знаменитую пару: «Дибич — выбежь». Навсегда потрясая старый наш авангардист этой лихой до наглости находкой.

Хотя сам-то Давид обожал декламировать другой пример, народный:

Поднимает мой бордовый сарафан,
Вынимает... моржовый с волосам! —

и заливался счастливым мелким смехом от полноты стилистического наслаждения.

Он, бывало, читает:

Нас в детстве пугали няни,
Что нас украдут цыгане.
Ах вы нянюшки-крали,
Жаль, что меня не украли.

Я говорю:

— Давид, почему это нянюшки — обязательно крали, то есть красотки?

Он, подумав:

— Это необходимо для благозвучия.

Мастер наш — с абсолютным слухом. Ему не режет. У меня слух тоже ничего. Но я не мастер.

4

Уж давно я слышал о граде Пернове (по-ихнему Пярну), как там хорошо, а главное — вот уж сколько лет, как туда переехал на жительство Давид Самойлов. А я и сам страсть люблю пожить на морском берегу, и так вот все и сошлось к тому, что летом 79-го года мы, всем семейством, как приехали в Пярну на все лето, так и еще подряд два лета провели и потом наезжали.

В 87-м было и специальное приглашение:

Ирине и Юлику.
Приезжайте к июлику.
Подсядем мы к столику
И выпьем по шкалику.
А из московской кутерьмы
Пора бежать, как из тюрьмы.
Ведь говорят, что москвичи
Перековали на мечи
Все прежние оралы
(И «те», и либералы).
А здесь такая благодать,
Что неохота в морду дать.
Карая черносотенца.
Ну попросту не хочется!
Писано седьмого мая.

Между прочим, за «московской кутерьмой» следил, и очень внимательно. И дотошно обо всем расспрашивал приезжих, а особенно причастных, например Лукина Владимира. И суждения свои составлял не торопясь.

Приглашение было принято.

Визит состоялся и оставил след:

Ах, в Пярну этим летом
Судьба чеканит нам деньки,
Как золотые пятаки —
И звонкостью, и цветом.

Ах, в Пярну этим летом
Многострадальный мой живот
Набил я на сто лет вперед
Пельменью и рулетом.

Ах, в Пярну этим летом,
Впервые в мире, наконец,
Пою на сцене как отец:
С дочуркою дуэтом.

Ах, в Пярну этим летом,
Да, этим летом, как и тем,
Промежду актуальных тем,
А также песен и поэм
Все то же, что приятно всем,
С любимым пью поэтом.

5

Дом Давида на улице Тооминга (по-ихнему «черемухи»). Сначала весь низ был их, а потом и верх. Внизу длинная, в два окна (в три?) столовая. Из окон сразу видно, кто сюда по улице в гости идет. За длинным столом кто только не сидел. До сих пор не пойму, как это Давид ухитрялся не только дом содержать, но и столько народу принимать. Конечно, гость шел не с пустыми руками, но ведь бутылка бутылкой, а закуску не всякий догадается прихватить. Но у них всегда закусить было чем.

Я как-то Галину Ивановну, супругу то есть, спрашиваю:

— Ну вот хоть бы за этот год, начиная с прошлого ию-

ля по текущий июнь, было у вас месяца, скажем, два-полтора, когда вы за стол садились только семьей?

Она подумала, помолчала и сообщила:

— Пожалуй, февраль.

Раз пришли в гости специально на драники, то есть на блины из тертой сырой картошки. На столе посуда, мелкая закуска, Давида нет.

— Где Давид?

— Как где? На кухне. Печет драники,

— Сам?

— Ага.

Стало быть, ритуал. Но как же — сам? Ведь почти слепой — и печет? Я должен это видеть.

На кухне у плиты — Давид, в тельняшке и фартуке, боцманские усы, треск кипящего масла.

Видел я вдохновенно трудящихся людей, например дирижера Светланова, актера Меньшикова, футболиста Платини, — но Давид, пекущий драники, их всех затмил. Как он упорно набирал ложкой крахмальную гущу и шлепал в раскаленное озеро, и еще, и еще, и переворачивал, и подцеплял, ложкой же и перешлепывал готовые в эмалированную плоскую, и не промахивался, а ведь видел-то плохо! Ну ладно, мог бы обозначить ритуал, мог бы пнуть мяч для начала — нет, ему надо было сыграть матч до конца, весь, без поблажек. Он и пек, не уступая ни в чем, и при этом был похож на шкипера. Он вообще был крепкий и широкоплечий. Я его всего один только раз видел слабым и старческим — это в больнице, только-только после серьезного сердечного приступа. Он сидел в койке, принимая разом Гердта, Мишу Козакова и меня. Глаза его за толстыми стеклами были огромны, на пол-лица. Он ими как бы помаргивал. И на шее эти две худые вожжи... Как птенец.

Выпить Давид был молодец. Глядя на него, и по сей день удивляюсь, как это и в шестьдесят, и в шестьдесят пять, и в шестьдесят девять мог он в течение дня взять на грудь и пятьсот, и больше, пусть хоть в два присеста, — и работать на следующий день! «Вот что значит фронтовое поколение! — восхищался я бывало. — Не то что мы, тыловые хилиаки, пионерчики, бледная немочь, выросшая при копчушках, — в свои пятьдесят, приняв

двести, реагируем, как на пятьсот. Не то что вы, полевые разведчики, закаленные на трофейном шнапсе». Ну и тому подобный подхалимаж. Здесь, впрочем, все было достоверно: и полевая разведка, в коей Давид провел два последних военных года, и копчушки, представляющие собою толстые стеклянные пузырьки с соляровкой и фитилем.

Этот текст как-то был произнесен приятелю Давида, также ветерану и поэту, по дороге на некий выпивон.

Демидыч снисходительно подтвердил справедливость моих восторгов и скромно добавил:

— А я и сейчас спокойно держу и шестьсот, и семьсот, а под хорошую закуску хоть кило.

— За один присест?

— За один.

— И на следующий день?..

— Могу работать.

Однако, когда дело дошло до практики, оскандалился мой Демидыч: и до трехсот не дотянул — сомлел. И Давид, таким образом, еще более вырос в моих глазах.

Дома он обычно возглавлял упомянутый стол, перед ним был прибор и непременно пепельница, а рюмку он доставал сам из буфета за спиной — такой массивный, красного дерева буфет, глухой, как комод.

Рюмка же была своя, именная, граммов на семьдесят.

— Это моя личная рюмка: она точно равна одному моему глотку, ни больше ни меньше.

В последние годы прочим напиткам он предпочитал коньяк. Если не было, допускал варианты. И в последний день, 23 февраля 1990 года, в Таллине, где он вел вечер памяти Пастернака, пока дело шло своим чередом, он в кулисах обсуждал с Гердтом привычную проблему: дадут им по окончании работы коньяку или нет? Про это мне Гердт рассказывал. А я кивал: картина была знакомая.

6

Каждое лето в пярнуском Доме офицеров объявлялся вечер встречи с поэтом Д. Самойловым. Естественно, поэт широко приглашал на свой вечер всех случившихся к этому дню знакомых, а иных усаживал рядом с собой в

президиум, например Сашу Юдахина, или Алика Городницкого, или меня, или всех вместе. Затем поэт объявлял вечер встречи с Д. Самойловым открытым и для начала с удовольствием представлял своих друзей, согласившихся поучаствовать, а представив, давал слово каждому по очереди. Саша Юдахин доставал свою очередную книжку и с полчаса читал оттуда. Следом Алик Городницкий — либо рассказывал про Атлантиду — он ее искал, — либо тоже читал стихи, и тоже с полчаса, а там уж и я все свои полчаса развлекал публику песенками — так время и летело себе.

В заключение вечера вставал Давид и, выдержав значительную паузу, читал:

Сороковые роковые,
Свинцовые, пороховые!..
Война гуляет по России,
А мы такие молодые! —

и читал, как всегда, превосходно. На чем и заканчивался вечер встречи с Д. Самойловым.

— Ну что, дадут нам коньяку или нет? — обращался он к нам, простившись с публикой. — Вряд ли. Ну, пошли в эйнелауд.

Эйнелауд — по-ихнему «буфет». Но что буфет? Чепуха — буфет, вокзал, трактир, забегаловка, провинциальный театр. То ли дело — эй-не-ла-уд. Весь просторный приморский парк в Пярну уставлен эйнелаудами, они имеют и свои прозвища: «Лягушка», «Телевизор», «Голубой Дунай». Были проложены и маршруты — в два, в три, а то и в четыре эйнелауда, благо тогда подавали еще коньяк в разлив.

Был, однако, маршрут особенный, употреблялся нечасто и требовал подготовки: эйнелауд устраивался собственными силами. Зато не было ни постороннего народу, ни необходимости общаться с официантами и буфетчиками, и в погожий день мы отправлялись под стены пярнуской крепости на зеленый Ганнибалов вал, идущий вдоль водяного рва и насыпанный еще при Абраме Петровиче Ганнибале, которого фельдмаршал Миних послал майором в город Пернов укреплять береговую линию против возможных шведов. Оные сведения почерпнуты из сочине-

ния «Сон о Ганнибале». Эх, братцы! Все пройдет, наскучат и Пригов, и Еременко, и Парщиков, и многие, многие... А Давидов «Сон» по-прежнему будет волновать до слез.

На сем валу клубится множество кустов, спускающихся к воде, между коими немало уютных местечек, зело удобных для устройства мини-эйнелауда на четыре куверта. Состав одного из квартетов был такой: Давид, я, доктор Лукин (исторических наук) и Ф.Ю. Зигель, Давидов одноклассник и главный знаток НЛО, ежегодно выпускавший толстые самодельные сборники различных материалов по предмету. Отыскав приличную лужаечку, мы устраивались, вынимали из сумок необходимое, включая посуду, — и сидение на валу начиналось. Зигелю с Давидом было тогда по шестьдесят, нам с Володей — по сорок с небольшим, но сидение было общим и равным, не какие-нибудь там «отцы и дети» — ни в коем случае. Ну, может быть, гроссмейстеры и кандидаты.

Есть все-таки истина в не очень ловких строчках:

Кто из двадцатых,
Кто из тридцатых,
Все — из пятидесяти шестых.

Похоже, 56-й год действительно определил общую физиономию поколения, записав в него и Давида с Зигелем, и нас с Володей, и Галича с Высоцким, и Некрасова с Буковским, но ведь Галич-то — с 18-го, а Высоцкий — с 38-го. На языке повисает слово: «шестидесятники» — и я торопливо захопываюсь, чтобы не впасть в разговор хотя и волнующий, но уводящий.

Но если 56-й год объединял наш квартет, то другой — проводил четкую грань между нами: 41-й.

7

Военное время Давид любил вспоминать. Он провоевал все четыре года (включая, конечно, и лечение в госпиталях) — сначала в пулеметном расчете, затем, как уже сказано, в разведке. Ясное дело, вспоминал он не героические бои, а разнообразные случаи и приключения, происходившие между боями и наполненные смехом и

Люблю свою бандуру

Москва, 1964 г. Учитель (в центре) со своими учениками

С женой Ириной на Тихом океане

На Братском море. 1965 г.

Алма-Ата, бард-фестиваль, 1987 г. с О. Митяевым,
О. Качановой и И. Михалевым

С Сергеем Никитиным

С Виктором Берковским

Среди мастеров жанра. Грушинский фестиваль-98

С другом и соратником композитором
Владимиром Дашкевичем

1984 г. На премьере мюзикла «Клоп» в Кемерове

1983 г. Серенада мэтру Петру Фоменко

Без комментариев

Король застолья

азартом молодости. А уж воевавший фронтовик всегда был для него собеседник желанный. В Пярну и был такой, настоящий генерал, он каждое лето отдыхал там с дочерьми и очень дружил с Давидом. Кроме того, он дружил еще и с местным военным начальством. Все это как-то привело к тому, что большою компанией оказались мы в закрытой военной зоне, в сосновом бору, на берегу лесной полноводной речки. Там стояла дача с сауной, просторной гостиной, камином и прочими роскошествами — лесная вилла для комсостава. Доведя себя до белого каления в сауне, приоткрываешь дверцу и, юркнув по желобу, впадаешь непосредственно в речные струи, оглушительно холодные, чем обычно и завершается известный комплекс мазохистских банных наслаждений. Далее действие переносится в столовую, где наслаждения продолжают-ся, но уже гастрономические.

Между сауной и гостиной в тот раз была некоторая пауза, во время которой я бесцельно слонялся по лесу среди каких-то заросших бугров. И вдруг услышал:

— Вот здесь наверняка был НП. А вон там — КП. Тут пулемет должен был стоять. И вот тут.

— Да, хороший сектор обстрела.

И так далее, в том же духе. Может быть, вру в терминах, но не сомневаюсь в содержании: говорили профессионалы. Это были Давид и Феликс Зигель. Стоят над бывшими окопами и легко прочитывают сквозь палую хвою, оплывший дерн — как это? — боевые порядки, ходы сообщения? Как будто вчера для них все это было. Мне, например, чтобы хотя бы пленных немцев припомнить, и то надо хорошо призадуматься. А для них — как вчера. И голоса такие спокойные и будничные. И слова по делу: «Здесь, ясное дело, НП. А там КП».

Вот когда я почувствовал, кому сколько лет, то есть насколько они старше: на войну.

Эти ли окопы, военное ли расположение сауны, наличие ли настоящего генерала, а вернее — все это вместе и превратило вполне заурядное застолье в стихийный неожиданный концерт песен военного времени. Часа, наверное, два соловьем разливалось основное трио: Давид, генерал и я — все остальные подпевали, кто как мог. Никогда — ни до, ни после — не вспоминал я столько пе-

сен за один раз. Ну, репертуар известно какой: золотой фонд, и это я без иронии. «Соловьи, соловьи...», «Эх, дороги...», «Темная ночь», «Землянка», «Ночь коротка», «Прощай, любимый город». Эти — все полностью, до словечка. А иные — по куплету, по два, дальше уже забылось... Либо хором, но все же вспоминали до конца. «На солнечной поляночке», «Цыганка-молдаванка», «Есть на севере хороший городок», «Артиллеристы, Сталин дал приказ» — эту пели с вариациями:

Ученики! Директор дал приказ:
Поймать училку
И выбить правый глаз —
За наши двойки и колы,
За наши парты и столы,
За наши булочки и пирожки!

«Потому, потому что мы пилоты», «Пора в путь-дорогу» — и опять «Соловьи». Эх, хорошо нам пелось в тот вечер! Ведь и песни-то какие роскошные, почти все. Потому что их и сочиняли в оные времена, и пели — от души. Желая и находя в безумной жизни человеческое содержание.

8

В песнях Давид толк понимал и за собой числил несколько достижений: какую-то старинную советскую футбольную песенку, весьма в свое время популярную (посмеиваясь), и особенно из «Слоненка-туриста», из детской этой прелестной сказочки — «Цик-цик-цуцик» (гордясь).

Я все приставал, чтобы он выделил мне специальный текст для озвучания, — он снизошел и подарил:

Печечка залепетала.
Что она мне нашептала?
Жарким шепотом ольхи
Нашептала мне стихи...

Я придумал простенькую мелодию, в мажоре, зато удобную для двухголосия, в терцию, и мы с дочерью моей Наташкой неоднократно ублажали Давида приятным дуэтом. Правда, по привычке либо традиции Давид поста-

вил над этими стихами посвящение такое: «Ю. К.» — и я все время испытываю легкое недовольство, так как среди близких его знакомств имеется и Юрий Карякин. Вполне может расшифровать в свою пользу.

Послушал Давид на пластинке песенки, сочиненные Геней Гладковым на мои стихи для фильма «Обыкновенное чудо» (по Шварцу, Марк Захаров снял). Несколько раз заводил и очень смеялся над монологом Андрея Миронова (в роли министра-администратора), когда он рассказывает, как вошел к принцессе, поклявшейся застрелить первого встречного:

Пальнул я в девушку,
Пальнул в хорошую,
По обстоятельствам,
А не со зла —

этакий расхлябанный фокстротик. Я даже несколько огорчился: все-таки не самый лучший номер. Другие не в пример красивше.

Давид говорит:

— Другие красивше, но я так тоже умею. А так — не умею: «Пальнул я в девушку...» — и залился.

Моих крамольных он не любил. Он их называл «палитикие». Это словечко из давнего его воспоминания. Когда он был известен немногим, и то как переводчик. Ради хлеба насущного переводил он не только талантливых. И вот прибыл как-то в Москву недавно переведенный им акын и, поселившись в люксе роскошного отеля «Украина», призвал к себе Давида.

В беседе с ним акын, в частности, изрек следующее:

— Стихи бывают какие? Стихи бывают: лирические, палитикие и художественные. Хороший поэт должен уметь всякие стихи. Я умею.

— Вот и давай, — говорил Давид, — пой мне лирические и художественные, а палитиких не надо.

Но я таки достал его однажды — спел ему свою «Матюшку Россию» и был похвален.

— Давид! Так ведь это же политическая!

— Нет, это художественная песня!

При этом текущий политический момент его всегда и очень живо интересовал, и Володю Лукина, который «был

вхож», расспрашивал всегда подробно и пристрастно. На Ганнибаловом валу немало было и поведено, и обсуждено. Давид именовал Володю «профессор Лю Кин» — во-первых, потому, что тот специализировался на Тихоокеанском регионе, а во-вторых, был похож на китайца до того, что нас с ним в нашем родном Московском педагогическом в свое время путали.

9

Он любил классическую музыку, знал ее хорошо, на концерты ходил и нас зазывал бывало.

Послушали Пикайзена, выходим, я Давиду говорю:

— Тут приехала какая-то банда из Тбилиси, рок-группа, в программе песни Битлов — пошли?

Давид засмеялся:

— Знаешь анекдот? Среди ночи муж внезапно является из командировки. Жена — туда-сюда, спрятала любовника в свой туалетный шкафчик с парфюмерией. Ну, муж повертелся, пошнырял — уехал. Жена отпирает шкафчик, оттуда вываливается кавалер, зажавши пальцами нос, и шепчет: «Умоляю: кусочек говна!»

Однако слушать группу не пошел, и, как выяснилось, не зря: кусочек оказался порядочной кучей...

Особенно нравилась ему Седьмая симфония Шуберта. В стихах, однако, написано: «Шуберт. Восьмая».

— Но имеется в виду Седьмая, — сказал Давид.

— А тогда почему же?

— А для благозвучия.

И в самом деле: какие еще возможны варианты? «Шуберт. Шестая» и «Шуберт. Седьмая» — оба хуже. Еще имеется: «Шуберт. Вторая» — но это слишком далеко по номеру. Как уже было сказано, благозвучием Давид дорожил и, как видите, предпочитал его достоверной информации. Мастеру можно.

Да, замечательно хозяйничал он в своем поэтическом хозяйстве, вольно, с удовольствием, и все ему было по плечу, и озорничал как хотел — потому что плохо, нескладно у него получиться просто не могло. Вся эта история с Юлием Кломпусом... Я иной раз думаю, что «Инга Ш.» объяви-

лась у него исключительно из-за рифмы «ингуша». Хотя нет! Пожалуй, сначала была все-таки Инга, а уж потом — о нечаянная радость! — можно вчистую рифмовать с «ингушом»! Какое оказалось богатое имя!

Что же до блистательной коллекции самоваров, то (гордо):

— Кроме тульского. Остальные все выдумал.

Вот не знаю, что он думал о нашем авангарде. О наш авангард! Как это один из них выразился о Пастернаке с Мандельштамом? «Для своего времени они были стилистически продвинуты дальше других». Чего я лично о нашем авангарде никак не скажу. Вбок, вкривь, влево, вправо — но не дальше. Теорию знают, историю изучили, формой овладели — но уехали от натуры. Без натуры же ни стиля, ни поэзии нет. Изобретательство разве что. Поэт и ветеран Демидыч уверенно говорит: «Я такие стихи километрами могу писать». И тут я Демидычу верю больше, чем когда про водку говорил. От Давида я подобного не слышал, но он-то имел все права на такое заявление. С такой натурой (и культурой) можно все попробовать, во все игры поиграть. Он и играл все время. То в элегию его потянет, то в балладу. То книгу о рифме напишет, то комедию сочинит. То стихотворный диалог четырехстопным хореем, вставляя ремарки в размер. И это я только о жанрах. А если еще о технике, о словаре, о «стилистической продвинутости»...

А между тем он все ждал, тосковал по новому слову, все кликал нового гения. Но, видать, еще не время. Петр Первый действовал в начале века, а слово раздалось только в середине. А наш поворот еще и покруче. Впрочем, повороты, возможно, не так уж прямо взаимосвязаны с новыми поэтическими рубежами.

На вопрос, кто у нас первый поэт, Давид ответил сразу: Бродский.

А я называю их обоих.

Смешное дело. Получил как-то Давид письмо из Симферополя. Пишет ему молодой поэт: так и так, очень прошу — вернитесь к своей подлинной фамилии, ведь по-настоящему, по метрике, вы — Кауфман, вот и подписывайтесь — Кауфман, потому что — я поэт Самойлов Давид, а не вы!

Не знаю, ответил ему Давид или нет, — я бы так написал: от фамилии отказаться нетрудно. От имени — невозможно.

Давид сочинял книги стихов, записывая их в толстенную тетрадку черной авторучкой или фломастером, своей мелкой вертикальной клинописью. Аккуратной и разборчивой, несмотря на полуслепоту. (Или благодаря.) Наберется тетрадь — вот и книжка. «Залив». «Весть». «Горсть». Просто и полновесно. Тетрадка лежит себе и заполняется.

Однажды он мне говорит, точнее, даже, чуть удивляясь, сообщает:

— Позавчера не спалось... Шесть стихотворений написал. Представляешь?

Нет, не представляю. «Поэтому он Король, а мы сидим и отгораживаемся от солнца ладонями» — как говорил Арье-Лейб у Бабеля.

Другой раз он мне доверительно поведал: «Есть у меня стихотворение, к которому я музыку придумал». — И зашел в ритме вальса:

Светлые печали,
Легкая тоска
По небу промчали,
Словно облака.
А по ним остались
Все, что я сберег:
Легкость, свет и старость,
Море и песок.

Но главное — в мажоре сочинил! Почему-то мне кажется, что барды эту пьесу изложили бы непременно в миноре. Кроме меня.

10

Было дело в Москве, на его квартире. Она очень просторная, я в ней освоил только три помещения: большой холл со специально отгороженным обеденным отсеком, за ним большой кабинет с роялем, на рояле портрет Давида кисти Кима (Марата) — очень хороший, с глубоким внутренним светом портрет. Ну и кухня, из холла влево, тоже не тесная.

А дело было такое. Давид с утра позвонил, чтобы я приехал вечером, в качестве эксперта: к нему сегодня приведут начинающего барда и обещают коньяк с пельменями.

И вот в обеденном отсеке на длинном столе возникло длинное же овальное блюдо с зеленью, сметаной и прочей приправой, а рядом — широкая чашка дымящихся пельменей, в самую меру анемичных и маслених. Человек было шесть или семь, главные лица: мэтр — во главе стола, со своей пепельницей и рюмкой точно в один глоток; рядом — заслуженный бард, главный эксперт (я); рекомендатель — тогда еще мало известный поэт Олег Хлебников — и абитуриент, имени которого я не запомнил. Он был протеже Олега, который был протеже Давида, чем абитуриент и воспользовался. Увидев его, я слегка изумился: настолько он не походил на «начинающего барда». Это был благополучный, в дорогом импортном костюме, сорокалетний плотный чиновник из Внешторга. Ну что ж... «крестьяне тоже чувствовать умеют». Ладно. Вот и робеет, как школьник. Хорошо. Послушаем.

Скушали мы по рюмочке-другой, утолили первый голод сочной пельменью и расположились к прослушиванию. Зазвенели струны, зазвучали песни. Они были лирические и малохудожественные. Давид помалкивал, уступая мне право первого комментария.

Я был деликатен и по учительской привычке старался больше указывать на возможности, чем на неудачи:

— А вот здесь, в третьем куплете, хорошо бы что-нибудь контрастное... а вот тут надо бы концовочку поточнее... а здесь зачем-то бросили тему, в самом разгаре, так крупно заявили и зачем-то бросили... а вот тут...

— А по-моему, это го-вно, — вдруг решительно сказал Давид. И, глядя прямо перед собой и не оставляя никаких сомнений, твердо повторил: — По-моему, го-вно.

И посмотрел на меня как на безусловного единомышленника.

Что-то промычал я, что-то пробубнил Олег, появилась дочь Варвара с криком: «Папа, как тебе не стыдно!» — чем лишь спровоцировала папу на повтор ужасного вердикта. Публику охватила растерянность, и, вместо того чтобы встать и уйти, она тупо осталась сидеть где сидела, поэтому нам с Давидом пришлось, прихватив бутыл

молдавского коньяка, перебраться на кухню. Не просить же было маэстро обосновать свою оценку! Зато мы уступили им остывшие пельмени.

И абитуриент остался! Впрочем, не знаю, может быть, он и рвался уйти, да Олег отговорил, на что-то еще надеясь, — но остался он, и даже не только остался, но через час подослал к нам на кухню Олега с просьбой об автографе на сборнике Давида! На что, после некоторого упрямства, мастер все-таки пошел, поступив лаконично, то есть расписавшись без лишних слов. А может, и написал что-нибудь. Не помню, не важно. Главное, отошел и снизошел. Да и это не важно.

Важно то, что, уединившись на кухне, мы с Давидом единственный раз в моей жизни посидели так душевно, как мало с кем сживал я вообще. Я рассказывал ему о себе самое главное, и он меня очень серьезно слушал, и понимал, и кивал своей опрятной сединой, и советовал нечто важное и действительно нужное, как советует отец взрослому сыну. Это был один из тех разговоров, какие не то чтобы переворачивают жизнь — жизнь переворачивают не разговоры, — но сильно проясняют тебе себя самого, безо всяких на свой счет иллюзий.

11

...И вот мы с Аликом Городницким сидим за поминальным столом в Московском писательском доме, в Дубовом зале, где впервые я увидел Давида. Вот его непривычное для меня молодое безусое лицо смотрит с большого фотопортрета. Напротив меня за столом — длинный и худой редактор, издававший Давида не раз, и его жена, известная актриса, читающая Давида на концертах.

Произносились поминальные речи.

Встал Андрей Вознесенский.

Длинный редактор сказал:

— Сейчас скажет про рифму «Дибич — выбечь». Что это его более всего поразило.

— Но что более всего меня тогда поразило, — сказал Вознесенский, — это рифма «Дибич — выбечь».

Выступал подвыпивший Миша Козаков. Он был бле-

ден и злобен. Говорил он, глядя либо в пол, либо в потолок, смотреть на людей было ему невыносимо. Обличал чье-то лицемерие.

Я хмелел и смотрел на Давида. Мне казалось, что он весело спрашивает: а про выпивку-то, про выпивку скажет кто или нет? Я подождал, никто не говорит. Встал и сказал, что, конечно, стихи стихами, но и это дело не запускать, а напротив — приветствовал.

Встала актриса, жена длинного, и начала читать Давида.

И вдруг забыла слова.

Кто-то негромко подсказал.

Она продолжила — опять забыла.

И тогда весь зал, негромко, хором стал читать Давида. Весь зал. Хором.

Голоса за холмами!
Сколько их! Сколько их!
Я всегда им внимаю,
Когда чуток и тих.
Там кричат и смеются,
Там играют в лапту,
Там и песни поются,
Долетая отту...

Я заплакал.

А рядом, рухнув лицом на стол, задохнулся, зарыдал Городницкий, седой наш красавец, доктор океанских наук, самый романтический из первых бардов.

«Ваш роман прочитали», — сказал Мастеру Воланд».

И начинаешь представлять: кто прочитал, где... Что думал читавший. Затем воображаются и другие сюжеты. Например, представляю себе — Давиду сообщили: «Ким пишет о вас воспоминания». — «Да? — сказал Давид. — Ну что ж, пусть пишет. Плохо не напишет. Он меня любил. Я знаю».

Дожди в Пярну

Отрывки из летнего дневника 1984 года

1 июля

В надежде славы и добра,
А главным образом — погоды
Гляжу в окно на вид природы:
В природе слякоть и мура.
Вечор, и вновь, и спозаранку
По прибалтийским небесам
Несется пасмурная темень
И чешет пярнускую зелень
Все набок, навзничь, наизнанку,
Метлой по мокрым волосам.

Весь в лужах берег вожделенный.
Прибой да ветер оглашенный.
И мимо всех библиотек
В магазин ходит человек.
Нет! Нет в природе интересу!
Пора садиться за пиесу.

Зачем расстались мы с Литвой,
Со Светой, Полею и Милею?
Эмиль! Мы в дом влюбились твой,
Как и во всю твою фамилию.
Ты ходишь твердо, как моряк.
Ты водку пьешь, как вурдалак
(То бишь в охотку). Так же как
И я, тиранство ненавидишь.
Чуть-чуть тиранству заплатя,
Ты мог бы, Миля, не шутя...

Но — ты предпочитаешь идиш.
 Евреи! Ну-ка, все во фунт!
 Вот Миля. Это вам не фунт
 Изюму или, скажем, стерлингов:
 Он вашу марку держит, как
 Моряк на рее держит флаг, —
 Превыше Ротшильдов и Шерлингов!
 Под сорок лет, как ученик,
 Усесться за язык Алейхема
 (Как будто больше делать не хрена).
 Чтобы возник — и он возник! —
 Театр еврейский! Плюс — народный!
 В народе нашем инородный.
 И это в крошечной Литве,
 Где и всего-то населения,
 По-моему, гораздо менее
 Числа евреев на Москве.

Нет, Миля, ты герой. Причем
 Учтем еще два полных вуза,
 Тобой оконченных. Учтем
 Расцвет Калининского ТЮЗа,
 Где потрудился ты от пуза.
 Учтем инфаркт, паденье в люк,
 Больниц томительный досуг.
 Учтем и то, что наше время
 Опять не жалует еврея
 За неестественный порыв
 Махнуть Москву на Тель-Авив.
 Но мы с тобою не махнем,
 Покамест очень не приспичит.
 А ежели когда приспичит,
 Тогда уж точно не махнем.

Все дело в русском языке:
 Он — наша родина, и поприще,
 И дом, и капище, и скопище
 Нюансов слишком тонких, чтоб еще
 Нашлись такие вдалеке.
 А те, которые далече,
 Чем живы в стороне чужой?

Не социальной средой,
Не воплощенной мечтой,
А лишь наличием русской речи,
Внимаемой от встречи к встрече.
А тут — на каждом на шагу.
Иной раз слышать не могу!
Я на эстонском берегу
И то стеснен иномязычьем
И этим хмурым безразличьем,
Как будто я — у них — в долгу.
Да, не напрасно мы талдычим
Об исторической вине.
Но почему она — на мне?!
Ну нет, товарищи, кончайте
Толкать мне перечень долгов,
Которые, в конце концов,
Висят всецело на начальстве.
А то и я взыщу с татар
Свой исторический хабар!

Но полно!
Что-то я завелся,
Зачем-то я в татар уперся,
Вспоминая о Литве.

О эти женщины! Их две.
Итак, одна звалась Светлана,
Как и зовется до сих пор.
Эмиль негаданно-нежданно
В Алтае на нее набрел.
А ту, которая Полина,
Он вместе с нею произвел.

И вот семейная картина:
Светлана накрывает стол;
Полина бьет по пианино;
Эмилий, с важностью раввина,
За ними надзирает чинно.
Он ценит мудрый произвол,
Как обстоятельный мужчина
И настоящий режиссер.

(Люблю небрежную рифмовку,
Различных звуков подтасовку —
Мне б только гласные сошлись.
А не сойдутся — я сошлюсь
На классиков: Давид Самойлов
Словечко за меня замолвит,
Поскольку сам рифмует так,
Как ни один не смеет так!)

О эти женщины! О Света
И Поля! Что скажу я вам?
Живя в лучах двойного света,
Эмилий светится и сам.
И если б мы остановились
Не в вашем доме — видит бог,
Нам все равно тогда, что Вильнюс,
Что Таганрог.
А здесь прогрессу
Нет никакого. Злобный рок
Вновь тащит мокрую завесу
На наш зеленый бережок
Пожалуй, сяду за пиесу.

3 июля

Но тут приходят две девицы,
 Мои моральные убийцы
 (Из-под стола видать едва),
 И лезут в нос, и в глаз, и в ухо,
 И голосят навзрыд и глухо,
 Что так бессмысленно и глупо
 Идут их лучшие года.
 И что подать сюда морожено,
 А нет морожена — пирожено,
 И все вообще, что нам положено
 В расцвете наших юных лет:
 Ну там клубнику-землянику,
 И на ночь нам читайте книгу,
 И в карты нас учите кингу,
 И чтоб пельмени на обед!
 Но главное — скорее к морю,
 Туда, к простору и прибою,
 Скорей! Оставим за кормою
 И мамин глаз, и папин глас!
 И пусть по воле Посейдона
 Вода балтийская студена:
 Она согреется от нас!
 И я с убийцами не спору.
 Я собираю про запас
 Фуфайки, кофты, полотенца,
 Куда их зябнущие тельца
 Я после моря заверну.
 И вывожу их на дорогу,
 И завожу их прямо в воду,
 И, заведя, молюся богу,
 Чтоб все они пошли ко дну.

Они пошли ко дну без риска:
Оно — тойсь дно — здесь слишком близко.
Стоят по пояс и вопят:
«Нам тёпло! Нам ужасно тёпло!»
Хоть бы одна из них утопла —
Нет, обе тащатся назад,
Волной толкаемые в зад.
А там, на берегу, маманя
Вся преисполнена вниманья:
Следит в пучинах роковых
Хотя б трусы своих родных.
Она уже в воображенье
Все наши брызги и движенья
Гораздо пуще нас самих
Перестрадала (на скамейке
В японской сидя душегрейке).
Но мы являемся пред нею,
Как бы сирены к Одиссею,
И говорит она тогда:
«Наташка, выпрямись, халда!»
И мы идем, довольны крайне,
И мы идем домой на Лайне,
Где в холодильнике пельмень,
Какую страстно поедаем,
И, засыпая, уповаем,
Что завтра будет ясный день.

Но завтра — та же дребедень.
Ввиду особого процессу,
Антициклона и вообще.

И я сажуся за пиесу.
Хотя опять сажусь вотще!

5 июля

Несколько все во мне бунтует
Против сиденья взаперти!
Душа и ноги негодуют
И гневно требуют идти.
«Идем!» — «Куда?» — «Куда попало!
Налево, прямо ли, направо —
Идем!» — «Пожалуйста, идем». —
«Куда?» — «На бывший стадион».

Там, невзирая на осадки,
Тройным кольцом ряды, палатки,
Товары — хоз, и пром, и прод —
И прет народ невпроворот.

Там нынче ярмарка открыта:
Свобода спроса в рамках сбыта.
Сплошного торго толчея
И разжиганье аппетита
Запретной тенью дефицита:
Там, за кустами, шито-крыто,
Под сенью тусклого дождя —

Который сыплет, каплет, сеется
Вечор, и в ночь, и день-деньской
С такой унылостью тупой,
Что просто не на что надеяться
И остается принимать,
Как все, чего не отменить.

Но скажем к чести коллектива:
В ответ на эту хлябь небес
Вокруг — ну просто море пива,
Как наш земной противовес.

Под сигаретку и под пряники,
Из хрусталя, стекла, керамики,
На стуле, пне или завалинке,
Взасос, захлеб или без паники —
Согласно всяк своей органике —
Кто до рубля, кто — догола,
А некоторые товарищи
Пьют стоя, прямо из горла
И в небо глядя — вызывающе!
Но там — одна сырая мгла
Висит и смотрит безучастно,
Как друг от друга и друг к другу
Народ кишит разнообразно,
Но в целом — движется по кругу,
Гуляет, с места не сходя,
Что так удобно для дождя.

И он всю кропит и мочит,
Он словно бы на каждом хочет
Оставить влажную печать
Сквозь все зонты, плащи и тенты,
Придуманные нами тщетно,
Чтобы его не замечать.
На всем, как тщательный добавок,
Наляпан косо мокрый след:
Убогий серый трафарет.
Как преискурранты этих лавок.

(Давид!

Из наших лучших первых,
Певец осадков атмосферных!
Как написал он снегопад!
Как это дивное круженье
Тревожит нам воображенье
И завораживает взгляд!
И сколько музыки, и неги,
И грусти в этой ворожке!..
Ну, кто — о падающем снеге,
Кто — о грозе. Я — о дожде.
О нем еще писала Белла,
Но то — совсем другое дело.)

Но вот указывает вектор
На «Индивидуальный сектор».
Не может быть. За мной! Бегом!
К свободным частникам! Уж там-то
Воспрянем, братцы, от стандарта
И знаков качества на нем!
Ну вот.

Уставлена аллея
Задами личных «жигулей».
На каждой заднице, пестрея,
Представлена галантерея
Отдельных лиц и их семей.
Ну вот:

Пластмассовые клипсы;
Почти не ношенные джинсы;
Почти не езженный кардан.
Ну вот:

Набор собак и гномов,
Артисты Чаплин и Леонов,
Рельефы полутолых дам —
Продукт подпольных лактионов,
Идет по многим городам.
Ну вот...

Вот спекулянт загнал кроссовки
Среди минутной потасовки.
Вот изумительные путовки:
На них где личики, где буквы.

Опять пластмассовые клипсы.
Опять Леонов, как кретин.
Нет, братцы, это только эхо
Своих и западных витрин.
А мне одна нашлась утеха
В ряду свободных продавцов:
Огромная, как лапоть, вобла.
Была она при всем при том
Вполне — и как еще! — съедобна,
Жирна, упруга, как поповна,
Сочилась, омулю подобно,
А пиво, как уже подробно

Рассказано, — лилось дождем.
А дождик лил своим путем.

Но двум девицам аморальным
Чхать на дождливый мой минор.
В тупом азарте матерьяльном
Они летят во весь опор
По этим лавкам и прилавкам,
Хвост по ветру и взмылен круп,
И только подавай мерзавкам
То гривенник, а то и руп.
Они норовисты и прытки,
Они снуют в толпе, как рыбки:
Нырнули — сгнули — нашлись.
В руке значок, в другой — конфета.
Ах дети! Кабы в ваши лета
Была б у нас такая жизнь!
Соблазнов тьма — и все доступны,
Азарт и жадность — неподсудны,
Вон у мамани у самой
Глаза налево, нос направо:
В ней страсть голодного удава
Воюет с мудростью скупой.
Верх взял удав. Ищи маманю
Среди гудящей тесноты.

На одинокого папаню
Валится влага с высоты.
И думал он:
Весной зеленой
Не тягостен для юных нимф
Сей полусонный, монотонный
И нескончаемый полив.
А я сквозь эту монотонность
Такую чую многотонность!

Но где же дети?
Вон. Обои.
Живот вперед и хвост трубою,
Идут, не чуя ног, ни рук.
В зубах несут они трофеи
«Беспроигрышной лотереи».

Какою кажется вокруг
Вся жизнь. (Что зря, заметим здраво.)
Вот и маманя. Браво, браво:
Взяла очередной мохер
Для дочки. Долго выбирала.
И снова меньше на размер.

Но что за грохот барабана
И трубный звук невядалеке?
Подходим. Мокрая поляна.
На ней в столпившемся кружке
Танцуют пары в нацодеждах,
Эстон с эстонкой визави.
Под вальс о сбывшихся надеждах
И состоявшейся любви.
В согласие с бодростью мотива
По лужам чешет перепляс.
Старательно и терпеливо
Участниками коллектива
Изображается экстаз.
Какой задор! Какие позы!
Цените нашу молодежь!
А по лицу катятся слезы...

Какие слезы? Это дождь.
А по лицу читаешь прямо
Всего лишь выполненье плана.

Прощай, унылая поляна,
Ты пляшешь так же, как живешь.

Пойду и сяду за пиесу.
В ней смело я изображу
Царя, вельможу, и принцессу,
И праведника, и ханжу,
И беззаветного повесу,
Который... впрочем, не скажу.
Иду! Скорее! Там, на Лайне,
Моя тетрадка, майне кляйне,
Назло треклятому дождю!
Скорей!
Пришел.

Пейзаж знакомый,
 Но все ж не тот.
 Ах боже мой!
 Тот самый! Тот! Моей душой
 В тумане исподволь искомый,
 Моей сердечною истомой
 Взыскуемый во мгле сырой —
 Привет, Кэмп-Дэвид дорогой!
 Привет!
 И пусть пребудет тайной,
 Как я Тооминг спутал с Лайной:
 Дождь залепил ли мне стекло,
 Или надулся пива всласть я,
 Или от гнета самовластья —
 Ну, словом, не было бы счастья,
 Да вот ненастье помогло.
 Давид!
 Но будем по порядку.
 Вошел в калитку за оградку.
 Стучусь. «Да-да!» Вхожу. Давид.
 — Привет! — целуемся трехкратно.
 — Ну, очень рад. — И я обратно.
 — Давно? — Три дня уже. — Понятно.
 Погода скушная стоит.
 — Да, очень тошно, когда скушно.
 А... это можно?
 — Это нужно!
 И мы проходим в кабинет,
 Располагаясь тет-а-тет.
 И вынул я своей рукою
 Коньяк, откуда не пойму.
 Галина, русская душою,
 Сама не зная почему
 (А в сущности, отлично зная.
 Галине Ванне по уму
 Уступит женщина любая),
 Внесла салат и колбасу,
 Лобзнув меня по ходу дела.
 — Ну, как Москва? — Да как Москва.
 — Эфрос — Любимов?

— Эта тема
Себя, пожалуй, изжила.
— А что слышать об академии?
— Там чересчур большое бдение.
Лишь слухи вроде эпидемии...
(А за окном — сырая мгла).
— Ну, с богом! —
Первая пошла.

Ну а за первой, как по нотам,
Приспело время анекдотам.
Но нынче беден их сюжет:
Всё вариации про чукчей.
Иль нет у нас матери лучшей?
Иль юмор наш сошел на нет?
Едва ли. Может, неохота?
Нет, видно, в том загвоздка вся,
Что для создания анекдота
Язык ведь чешут обо что-то
В глаза бросающееся:
Об армянина; об еврея;
Об яйца, а всего живее
Об выдающихся людей
Текущих дней.
...Евреи за море уплыли.
Армяне радио закрыли.
И выдающихся яиц
Не видно у текущих лиц...

Но чу! Изрек Давид Самойлов
(Имея разум Соломонов,
Он создал ряд своих законов,
Из коих первый и изрек):
«В застолье первый промежуток
Не превышает двух минуток.
Как днесь, так присно и вовек».
И — по второй прошлась компания.
Тут тело входит в первый жар.
Тут по порядку расписанья
Положен мемуарный жанр.
«Вот помню я...» — И в изобилие
Текут неслыханные были

О чем угодно, кто про что,
 Но главное — о том, как пили
 И что при том произошло:
 Какие городились шутки,
 Какие проводились сутки,
 Какие рвались незабудки
 С цветущих некогда полян —
 И только скачут промежутки
 Под этот аккомпанемент!

И я все думал: что за диво?
 Каким веселием полна
 В воспоминаниях Давида
 Вся пройденная им война!
 Быть может, суть в догадке смутной,
 Что это счастье, этот пыл
 Был вызов смерти поминутной?
 Не знаю. Главное, что — был.
 Предмет, казалось бы, ничтожный:
 Как доставали самогон,
 Сивуху, шнапс, одеколон
 При обстановке невозможной.
 Но для меня — простите мне! —
 Веселье этих приключений
 Значительнее всех значений
 И всех фанфар о той войне.

...Когда, бывало, в час бессонный
 Воспоминаний длинный ряд
 На смотр выводил неуклонный —
 И генералов, и солдат —
 Вдруг впереди важнейших дат,
 И знаменательных ступеней,
 И замечательных свершений
 Ты замечаешь — бог ты мой! —
 Совсем иные эпизоды,
 Какие легкою рукой
 Зачислил в отставные взводы,
 Но память выровняла строй,
 И, дружно выступив сквозь годы,
 Они стоят перед тобой.

...Ночь на вокзале азиатском,
Два слова у товарняка.

...Далекий отклик маяка
Огню на берегу камчатском.

...Не помню, в чьей-то мастерской
Лицо, рисунок акварельный...

А это — эпизод похмельный,
Он тоже лезет в первый строй,
И прав, собака!
Лучше я

Закончу счет событиям давним
И подытожу, что нельзя
Поверхностное путать с главным.
Давид!
Давид берет тетрадь
И начинает вслух читать.
И я внимаю...

Так пьется медленно вино
Густого южного настоя,
И в недрах тела твоего
Восходит солнце золотое.

Так отмыкаются ларцы
Один другого драгоценней.
Так задыхаются скворцы
Своею песнею весенней.
Так море, всею глубиной,
Легко и мощно в час прилива
Катит волною за волной,
И каждая неповторима.
И счастлив склон береговой.

Шел дождь, когда я шел домой.
Что дождь? Всего лишь непогода.
Ничтожная в масштабе года.

Я обо всех горюю, кто не дожил до наших дней — о ма-

ме, о тесте с тещенькой, обо всех, но о некоторых горюю особенно горько — как вот о нем. Потому что, кажется мне, он бы особенно рад был новым временам, хотя и до-саждал бы на многое — но все-таки радовался бы. Да сейчас и было бы ему — шестьдесят пять, всего-то.

Высокий, стройный. С такой вдохновенной сединой — она его ничуть не старила, она как бы осеняла его молодые синие глаза. Совсем не помню его сутулым — разве что над шахматной доской. Вставал легко, держался при-поднято, ходил — как-то взлетывая на каждом шагу, мне вечно казалось, что ему брюки коротки.

Оттого я все не мог привыкнуть, когда последнее вре-мя идешь с ним по Питеру, и вдруг он остановится и, улы-баясь, говорит:

— Не так быстро, сударь. Немного постоим.

Это после первого инфаркта. Впрочем, он не сильно берегся и второго не пережил...

У меня сохранилось мелкое невнятное фото: Крым, 68-й год — как раз мы только познакомились, — на бас-кетбольной площадке в футбольном азарте мечутся четы-ре фигурки — вот же свела судьба! Играют: Петр Фомен-ко, Петр Якир, Леонард Терновский — и он. О каждом книгу можно написать. Вот они, слева направо:

— гениальный режиссер, мастер трагикомедии, наш сегодняшний Мейерхольд;

— сын расстрелянного Сталиным командарма, аре-стован в возрасте четырнадцати лет, затем последовали семнадцать лет тюрьмы, этапов, лагерей и ссылок;

— скромный московский рентгенолог, основательный

и методичный в мыслях и поступках, что и привело его на три года в лагерь, за правозащитную деятельность, в брежневские времена;

— и наконец он, Борис Борисович Вахтин, дорогой Борь Борис, игравший в футбол значительно хуже, чем в шахматы, но с не меньшим азартом.

Когда бы я ему ни позвонил, в какую бы минуту ни застал, всегда откликался его неизменно приветливый басок:

— Здра-авствуйте, сударь дорогой!

Словно он каждую секунду был рад мне. Потому что он вообще, изначально был доброжелателен к людям и, следовательно, всегда был готов их приветствовать. Были, конечно, в его жизни люди, ему неприятные, но сколько ни стараюсь, не припомню его в ненависти или злобе по отношению к кому-либо. Самое большее — досадливо морщился. Неприятные люди были ему не любопытны. Так что, вероятно, их он не удостаивал своего ласкового привета. Я когда прикидывал на язык возможные замены этим биологическим окликам нашего времени: «Мужчина!», «Женщина!» — то вместе с «гражданин-гражданка» отметал и «сударя-сударыню» как неестественный архаизм.

А у него звучало совершенно натурально:

— Здра-авствуйте, судары!

Господи, как не хватает мне голоса этого.

Он Питер знал замечательно. И Питер его знал. Китаист, публицист, прозаик. Все так, все верно. Но главное не китаист, не прозаик, а — Борис Борисович. Какой он был китаист, я не знаю. Каков был его общественный вес... его общественный вес был значителен, но я не об этом пишу. Я пишу о том, как я его любил.

Проза у него хорошая. Но у меня она с ним не сливается. У Булата — сливается. У Фазиля, у Андрея Битова, у Юры Коваля — их проза прямо вытекает из их речи. А у него разговор был другой. Правда, есть в его прозе одно, лично его, качество: солнечность, радостное состояние души. Так-то язык известный, питерская неформальная проза 60-х годов, этот ихний синтаксис чудной, лексика советская навыворот, у Марамзина еще и погуще — но не солнечно. А у Бориса Борисовича — солнечно. И вдоба-

вок еще это языческое, что ли, восприятие естественной человеческой жизни, что и наполняет его прозу светлой эпической печалью и личной любовью. И в известной новелле и сержанта он любит, и фрау, которую любимый сержант застрелил, любит, и как-то неизбежно из этой любви выходит, чтобы непременно застрелил, а потом всю жизнь мучался тоже непременно... Что-то я съезжаю на эту прозу... интонация затягивает.

У него было множество любимых людей. И в Ленинграде, и в Москве, и черт-те где. На свои застолья он созывал только самых близких — и то было битком, под сотню народу, и с каждым он был близок отдельно. Ну да, да, и радушный, и широкий — но не таким общим скользом по всем, а с единственным вниманием к каждому. Водочку поднимал бережно и, поочередно чокаясь, приговаривал «здравствуйте» — то есть чокнуться было для него то же, что поздороваться. А дальше — только веселел, точнее — воодушевлялся, хмельным не помню его ни разу. Не забуду, как он пришел раз, воодушевленный, и тут же влюбился. Это было с ним как обвал. Он пришел и сразу отличил эту женщину, сразу проникся ее особым излучением — и все: весь вечер, разговаривая, выпивая и смеясь, он сидел рядом с ней и не то что ухаживал — он сидел и откровенно любовался, с шутливым и в то же время подлинным восторгом, не замечая, что и она, и все вокруг ужасно смущены, так как здесь же находился ее человек, также бывший в сильном замешательстве от такого неожиданного и прямого обожания... Борисычу деликатно объяснили... Он как-то полушутя растерялся. «Да-а?» — протянул он, улыбаясь и сожалея.

А другой раз видел я, как он расстраивался. Отчего — не знаю, что-то не клеилось, не в делах — в душе. Немоглось как-то.

И вот он ходит и восклицает время от времени, на все лады:

— У всех есть все — у меня нет ничего.

— У всех есть — все! У меня нет — ничего!

— У всех — есть все, у меня — нет ничего!.. Где справедливость?

И в самом деле...

Главной его мыслью, страстью, постоянной головной

болью была Россия. Он о ней думал всегда, даже когда думал совсем не о ней. Это состояние я знаю: когда, бывало, приходит в голову и целиком захватывает тебя какой-нибудь замысел — пьесы или поэмы — и тогда так и валяешь в сюжет все что ни попадется на глаза, все к нему примеряешь и прикидываешь. И вся его проза — о ней, о России, и все его знакомства — с ней, и публицистика с китаистикой — туда же. Хотя диссидентом он не был. Это дело было ему не по натуре. Конечно, не дай бог занесло бы его нечистой силой за решетку — он прошел бы все круги достойнейше. Но изо дня в день заниматься правозащитной деятельностью — это было не по нем. Но сочувствовал — всегда и всей душой, и подробно расспрашивал, ему необходимо было — знать. Еще бы. Дело-то было — совестное. И непосредственно российское — стало быть, и его. Тем и отличался он от великого, к сожалению, множества народу, осуждавшего, презиравшего и прямо ненавидевшего наших немногих диссидентов, — за то, что они провоцируют власти на закручивание гаек. Простая мысль о том, что власти провоцируют всякого честного человека на сопротивление, не всем приходила в голову. Бранить диссидентов было комфортнее...

Правда, и другая крайняя мысль — всякий, кто не диссидент, тот трус и конформист — представляется мне неверной. Все-таки каждый осуществляется в жизни по-своему. При этом сопротивление режиму — для одного первейшее условие, для другого — существенное, но не главное, для третьего — вообще не условие, а единственная цель. Задача жизни у Бориса Борисовича была другая. И в главной своей душевной работе он был свободен всегда.

Впрочем, за ним числится три вполне крамольных поступка: он протестовал письмом против вторжения в Чехословакию, участвовал в неформальном альманахе «Метрополь» повестью «Дублинка», написал и отправил на Запад целый очерк о русских путях («Этот спорный русский опыт») — и я живо помню, как обсуждали мы с ним: подписывать открыто или псевдонимом? Разумеется, я настаивал на псевдониме: не его это было дело — садиться. Публиковаться — да, садиться — нет. С моими ли довода-

ми, с другими ли — но он согласился. Даже если он и боялся — то уж точно не за себя.

Интерес же его к России и ее представителям был неистощим и жаден. Подобно Рахметову, он водил короткие знакомства со всеми сословиями. Кого только не было на Лаврова, 40! Вот например. Ледяная предновогодняя ночь. Мы с композитором Дашкевичем провожаем от Бориса Борисовича на Московский вокзал плотную румяную даму из Тольятти. Капитанша, приехала в Питер отоварить мужнины боны и прикупить мясца к празднику. Мы с композитором еле плелись: огромный полиэтиленовый мешок мороженого мяса тянул пуда на четыре.

Другой раз, уже в Москве, и тоже ночью, но летом — был я извлечен Борисом Борисовичем и утащен через всю Москву в Северный порт, куда тольяттинский капитан пригнал баржу с арбузами. Пригнал, страдая зубами, а успокаивал их коньяком, а для этого требовались сочувствующие ассистенты. Очнулись мы на другой день уже в Южном порту.

В следующий раз на Лаврова, 40, обнаружился американский кореец. Скажете, какой же это русский представитель? Никакой, но отношение все равно имеет.

А однажды вижу — сидит у них на кухне такой чистенький, аккуратный, в дешевом пиджаке, худощавый и с морщинами, нервный; при моем появлении умолк, как захлопнулся. Я тут же исчез в соседнюю комнату. Оказалось, это был великий русский ученый Николай Александрович Козырев, работавший тогда в Пулковской обсерватории. Замкнутость и пугливостъ его объяснялась пятнадцатилетним сроком советской каторги. Астрономия была для него занятием второстепенным, он ею кормился, чтобы заниматься главным исследованием — физических свойств времени, включая механическое воздействие. И Борис Борисович вдохновенно и подробно описал мне уникальный эксперимент, вследствие которого стрелка отклонялась не от магнетизма или температуры, а исключительно от давления текущего времени. И до этого было ему дело!

1968—1981 — вот даты нашего знакомства. И все эти 70-е были насыщены драматическими событиями российской истории, и каждый раз, встречаясь, нам было

что обсудить, о чем поразмыслить. Одна из последних наших бесед протекала на крепостном валу... на каком? где? в Петергофе, что ли? Он делился заветнейшей мыслью: единственная опора для России, казалось ему тогда, была церковь. Он говорил хоть и не подробно, но увлеченно и значительно: видно было, что обдумана мысль досконально. Тогда я и узнал, что он верующий. Вскоре оказались мы в Комарове, на могиле его матери. Там стоит такой белый крест. И вдруг я увидел, как, стоя перед ним, Борис Борисович осенил себя — раз, другой. Это почему-то меня потрясло. Это было для меня в нем — совсем неожиданно. Тогда многие крестились в православие, такое чуть ли не поветрие было, почти модное. Но он-то верующим был давно уже, оказывается. Да и не модничал никогда. Но я к христианству его так и не смог привыкнуть. Теперь в той же ограде рядом с матушкиным белым крестом — его, темный. И к этому тоже не привыкну никогда.

Со мной ему было непросто. Точнее — не всегда просто. И иной раз едучи в Питер я чувствовал, что еду не ко времени, некстати — а все равно неудержимо влекся, и останавливался у них. Черт его знает почему так... Психоаналитики небось, усмотрели бы комплекс безотцовщины моей... Может быть, может быть.

Странное дело, как по-разному помнится время событий. Одна история, кажется, случилась давным-давно, другая — словно вчера, а на самом деле обе — в один день год тому назад. И сейчас мне усилие нужно, чтобы сообразить, что в любимых его Шишаках я вместе с ним не был никогда. У меня вон и фото его на фоне шишакских холмов — да разве не я снимал? Да нет, откуда... Только на третий год после его кончины оказался я там. А ощущение такое, что были мы с ним, были, купались, гуляли...

Знаете ли вы, что такое Шишаки? О нет, вы не знаете, что это такое. Пышные холмы, осыпанные белым и розовым рафинадом домиков, выглядывающих из-под зеленых своих тополей, плавно опускаются к широкому лугу и синему Пселу, в два изгиба пересекающему его. А за Пселом луговина вновь поднимается к сосновым холмам, дымчато голубеющим до горизонта. Как, видна вам кар-

тина? Так вот, опускаясь к луту, зеленые холмы вдруг выставили перед собой невысокий крепенький холмик, как надежного дозорного. И с естественной необходимостью венчает его вахтинский дом из красного кирпича, со скамейкой и розовым кустом на углу. Оттуда далеко видеть во все стороны.

Вон там — Сорочинцы, вон там — Диканька, там — Миргород. Ей-ей не вру, так оно и есть. Уму непостижимо, как это у Гоголя нигде не поминаются Шишаки!

Место это родовое для Бориса Борисовича, и мысль построить дом, где прошло его детство, явилась вполне естественно. Тем более бывшие его одноклассники один за другим сидели на нужных местах. С их помощью дело и пошло.

Сколько раз я бывал там? Кажется, тыщу. А на самом деле раз шесть-семь. И снова скажу: насколько же эмоциональная память отличается от фактической! Там однажды, после августовских дождей, за Пселом в соснах маслята пошли — такого масляного лома я в жизни не видывал. А то еще здешнее развлечение (сам изобрел) — за плотиной заходишь по грудь в воду, ложишься на спину, течение быстрое, и сплавляешься таким манером километра три, поглядывая в синее небо и отводя зеленые свисающие с берега пряди. Или идешь в библиотеку через местный парк — с краю стоят две абрикосины, рыжие от переспевавшей сласти. Пока отрясешь... В этом парке Кобзон выступал, и не раз, так вот, запросто, приезжал и на временной сцене пел часа по три, бесплатно. А осенью в Сорочинцах ярмарка каждый год, и по ней на бричках разъезжают два-три Гоголя с Солохою и Черевиком при каждом. Неудивительно, что Борис Борисович долго был охвачен сильнейшим подозрением, что не в одном экземпляре существовал второй том «Мертвых душ», и этот, сохранившийся, скорее всего где-то здесь запрятан, в родимых местах — надо бы найти и выкопать! Он даже догадывался, где копать!

Потому что Борис Борисович Вахтин был поэт. И по литературе, и, главное, по жизни. Он жил вдохновенно. Как пел. И это был русский поэт, для которого что красиво, то и человечно, а что человечно, то и красиво.

У вахтинского дома два фасада. Один приветливо гля-

дит навстречу опускающимся к лугу холмам с садами и домиками. Другой задумчиво озирает открывающиеся дали. Там летними вечерами сияют закаты один другого краше. Публика обычно располагается по склону, амфитеатром, иной раз и с некоторым буфетом на скорую руку. В первый же приезд и я оказался среди зрителей, и было это после общего трудового дня, потому что не все еще было достроено, но жить уже можно было. Солнце клонилось и, постепенно смягчая свою ослепительность, уже не сверкало, а золотилось, и под ним блеснул Псел за красивым частоколом темнеющих тополей, и я почувствовал это мягкое прощание солнца, оно уходило, не отрываясь глядя на нас. Этот живой приветливый, взгляд его был словно безмолвный оклик: «Эй! Это я. Ну как, хорошо вам сидится у моего дома?» Тут я шепнул: «Борис Борисович! Если вы здесь — дуньте мне в правую щеку!» И мне дунуло в правую щеку.

В доме со временем появился камин. Эта просторная комната удивительно соединяет петербургский уют с украинской горницей. Я там не раз перебирал струны. Вместе с Вахтиным Николаем Борисовичем.

На вахтинском холме, у камина,
Так, бывало, сидишь и поешь
Беспечально и неустомимо
Или с грустью — но светлою все ж.
И гитара звучит бесподобно,
И берется аж верхнее ля,
И душе так легко и любовно!
Ну, плесните еще, Николая...

И без всяких чудес и фантазий
Так и вижу я, глядя в огонь:
Вот он, рядом, седой, синеглазый,
Так и слышу басок дорогой...
И луна расплескалась в зените,
И смешались любовь и печаль...
Ах, ну что ж, Николая, вы сидите,
Что не плещете в темный хрусталы!..

Крамольные песни

Времена не выбирают

От автора

В период так называемого застоя я время от вре-

мени сочинял язвительные песенные отклики на разнообразные события и явления нашей тогдашней общественной жизни. Такие вокальные фельетоны. Которые иной раз и распевал — не со сцены, конечно, а за дружеским столом. Оказалось, однако, что кроме друзей внутри помещения были у меня и другие внимательные слушатели снаружи, и осенью 68-го было мне сделано на Лубянке серьезное предупреждение на этот счет. Которое меня хотя и попридержало, но все-таки не остановило.

Сказать честно, сарказмы и насмешки в этих текстах иной раз преобладают над художественными достоинствами. Зато песенки эти честно свидетельствуют о нашей эпохе, за что не раз бдительные опричники изымали их на обысках у хороших людей.

А в разгар перестройки накопленный опыт воплотился в целой песенной пьесе о наших славных диссидентах. «Московские кухни», так она называлась. Лучшие всего ее поставили в Москве, но дольше всего она шла почему-то в Омске, спасибо ему.

ПИОНЕРСКАЯ ЛАГЕРНАЯ ПЕСНЯ

Живем мы в нашем лагере,
Ребята, хоть куда,
Под красными под флагами
Ударники труда.
Крутом так много воздуха,
Сосняк тебе, дубняк,
А кроме зоны отдыха,
Есть зона просто так!

Начальник наш родитель нам,
Точнее скажем — кум,
И под его водительством
Беремся мы за ум.
Живем мы, как на облаке,
Есть баня и сортир,
А за колючей проволокой
Пускай сидит весь мир!

1964

РАЗГОВОР СКЕПТИКОВ И ЦИНИКОВ

- *Ну* как у вас по линии генлинии?
— Все то же направление — в лоб!
— Ну как у вас по части спецчасти?
— Все то же управление — стоп!
- А как же вы тогда живете-можете?
А что же вы тогда жуετε-гложете?
- А вашими ж молитвами,
Все так же, как всегда ж:
Тише едешь — дальше будешь,
Не обманешь — не продашь!
- Было пятьдесят шесть,
Стало шестьдесят пять,
Во, и боле — ничего!
Как умели драть шерсть,
Так и будем шерсть драть,
Цифры переставились, только и всего!
- А как у нас по курсу искусства?
— Рады стараться, боже, ЦК храни!
— На что же вы стараетесь-равняетесь?
— Только на «Правду», кроме нее ни-ни!
- А чем же вы тогда живете-дышите?
А что же вы тогда поете-пишете?
— А вашими ж молитвами,
Все так же, как всегда ж:
Тише едешь — дальше будешь,
Не обманешь — не продашь!
- А как у нас по линии марксизма?
— Ленин гений, Сталин покамест нет!

— А как у нас по части коммунизма?
— До него осталось пятнадцать лет!

— А ну как если к сроку не построят,
То чем же вы народ-то успокоите?

— А вашими ж молитвами,
Все так же, как всегда ж:
Тише едешь — дальше будешь,
Не обманешь — не продашь!

Было пятьдесят шесть,
Стало шестьдесят пять,
Во, и боле ничего!
Как умели драть шерсть,
Так и будем шерсть драть,
Цифры переставились, только и всего!

1965

ОТЧАЯННАЯ ПЕСЕНКА УЧИТЕЛЯ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Люди все как следует спят и обедают,
Чередуют труд и покой,
А я, бедный, общество ведаю, ведаю,
А оно заведует мной.

А оно все требует, чтоб его ведали,
Изучали вдоль, поперек,
И притом не как-нибудь хитро и въедливо,
А вот только так — и назубок.

Вундеры и киндеры вовсе замучили,
Не жалея сил молодых —
Ставят мне вопросыки острые, жгучие,
А я все сажуся на них.

Я им говорю: «Дескать, так-то и так-то, мол,
А если не так — значит, ложь!»
А они кричат: «А где факты, мол, факты, мол,
Аргументы вынь да положи!»

И хоть я совсем человек не воинственный,
Все-тки погожу, погляжу,
А потом возьму аргумент свой единственный,
Выну и на них положу!

Выберу я ночку глухую, осеннюю,
Уж давно я все рассчитал —
Лягу я под шкаф, чтоб при слабом движении
На меня упал «Капитал»...

1967

РАЗГОВОР 1967 ГОДА

— *Н*ослушайте, да вы, наверно, слышали:
Опять у нас берут за анекдоты!
Да вот недавно Иванова вышибли
С работы — ну что за идиоты!..

— А слышали, опять готовят акцию:
Твардовского задумали отставить!
Уж коль не человека, так редакцию —
Ну надо ж кого-то обезглавить!

— А вы небось знакомы с этим опусом:
Его писал, конечно, Солженицын.
За это можно семичастным образом
Накрыться так годиков на тридцать!..

— А как вам эти клятвы-заверения,
Что вымерли у нас антисемиты?
А Бабий Яр заброшен тем не менее,
Как будто они все там зарыты!..

— А как вам эта глупая комедия
С мощами неизвестного солдата?
Да все вообще пятидесятилетие —
Вот дата, тут года маловато
Для всех парадов пламенных,
Докладов твердокаменных,
Уж то-то будет скука:
Ни шепота, ни ропота,
Зато простор для топота
И грохота, и стука,
И стука...

— Ну хватит, нам пора и познакомиться,

И личность ваша вроде мне знакома...

(Говорит первый и показывает красную книжечку.)

— Да-да, конечно, мы встречались, помнится,

У дома напротив гастронома...

— Напротив «мира Детского»?..

— У моста Кузнецкого.

— На площади Дзержинского?..

— Того, я сделал жизнь с кого.

— Я шел на заседание!..

— А я шел на задание!..

— Так пойдем разопьем поллитровочку

Под прелестные песни Высоцкого!

— Подарю вам такую листовочку!..

— А я вслух почитаю из Троцкого!..

1967

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ШМОН

Господа и дамы,
Какое счастье — шмон!
Российские жандармы,
Низкий вам поклон!
В партикулярном платье, —
Ни шпор, ни портупей, —
Да здравствуют спасатели
Чистоты моей!

Как вынесли Набокова,
Я громко зарыдал:
Ведь я в какое логово
Чуть было не попал!
Как взяли Солженицына
За бабкиным трюмо —
Тут до конца проникся я,
Какое я дерьмо!

Как вынули Бердяева
Из папиных штиблет —
Маленько стал оттаивать,
Наметился просвет.
Как взяли Авторханова
Из детского белья —
Ну просто начал заново
Дышать и думать я!

С ужасными записками
Я сам отдал тетрадь
И все им дальше высказал,
Что думал записать...
Спасатели, у дьявола

Вы взяли свой реванш:
Теперь я — раса табула,
А вам всегда — карт-бланш!..

1967

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ГАЛИЧА

Сэкономил я на баночку одну,
Да не вытерпел — глотнул, оставил треть.
И поехал в подмосковную Дубну —
Там на Галича хоть глазом посмотреть.

А Дубна — она, ох, не близенько,
А в Дубне одна только физика,
Никаких людей, словно померли,
Никаких идей — только формулы.

Позитроны, фазотроны, купорос —
Разгребаю я всю эту дребедень,
А как кончился физический нанос,
Вижу Галича с гитарой набекрень.

Он сидит себе, нога на ногу,
Будто на губе, будто надолго.
Ох какая ж чушь, блажь которая
Человека в глушь запроторила?!

А мне Галич отвечает: «Ты садись
Да пройди ты свою баночку до дна.
Я ведь сам сюда приехал на всю жизнь
И не выеду отсюда ни хрена!

Чай, протоны все тебе застили,
А ведь в них вся соль, в них все счастье.
Только тут и жить для своих целей:
И струна звенит, да и сам целей!»

Я расстегиваю свой комбинезон,
Достаю газетку — на, мол, посмотри.

А в газетке написано:

•Сообщение ТАСС: Переворот в Москве.

Первый декрет новой власти:

•О назначении Солженицына Главным цензором Советского Союза».

Тут мы кинулись в попутный позитрон —

И в ЦДРИ и там напились как хмыри.

А наутро радио говорит,

Что, мол, понапрасну бухтит народ:

Это наши физики на пари

Крутанули разик наоборот.

Мы переглянулись — и в Главлит,

А там все по-прежнему, ну и ну!..

Мы сложились с Галичем на пять поллитр,

Сели без билета и — айда в Дубну!

А Дубна — она, ох, не близенько,

А в Дубне одна только физика.

Только тут и жить для своих целей:

И струна звенит, да и сам целей.

Эйн, цвей, дрей!..

1968

* * *

Моя матушка Россия
Пошла утром на базар,
Торганула в магазине
С-под прилавка самовар.

Весь такой изысканный,
«Маде ин Джапан»,
По бокам транзисторы,
Двадцать один кран!

Моя матушка Россия
В него водки налила,
Апельсином закусила,
Мне по жопе поддала:

— Ты чего там делаешь,
Нос отворотил?
Со мной выпить гребуешь —
Кто тебя родил?

— Ой ты, матушка Россия,
Хоть раз выслушай мене:
Кьеркегор, Фурье, Мессия,
Сен-Симон, vous comprenez?

Хоть кругом материя,
А я не гляжу:
Я середь безверия
Веру нахожу!

Моя матушка Россия —
Чай, с дипломом депутат,
Замминистра пригласила, —
Ведь у ней везде есть блат!

— Вы с мого сыночика
Не спускайте рук!
Ну, правда, вы не очень-то —
А мож, сопьется вдруг?..

И упекли меня в Лубянку,
Там я плачу без конца:
Больно жалко мне маманьку,
Больно убивается:

— Ах ты, семя сучее!
Ну весь как есть в меня!
Ну сколь его ни мучаю —
Все ставит из себя!..

Я и раз, и еще раз —
Ставит из себя!..
И под дых, и под глаз —
Ставит из себя!..
И дубьем, и добром,
И отдельно, и гуртом,
И галоперидолом —
Ставит из себя!..

А ведь я постарше буду,
Тыща лет, ни дать ни взять!
Я ж прошу тебя, иуду,
Уваженье оказать:
Пей со мною, скважина!
Пей со мною, тля!
Чтоб не ты меня жалел,
А чтоб я — тебя!..

1974

БЛАТНАЯ ДИССИДЕНТСКАЯ

Мы с ним пошли на дело неумело,
Буквально на арапа, на фу-фу.
Ночами наша «Оптима» гремела,
Как пулемет, на всю Москву.

Ходили мы с таким преступным видом,
Хоть с ходу нас в Лефортово вези.
Причем все время с портфелем набитым,
Который дважды забывали мы в такси.

Всё потому, что против органов закона
Мы умеем только спорить горячо,
А вот практику мы знаем по героям Краснодона
Да по «Матери» по горьковской еще.

Но Лубянка — это не Петровка,
У ней серьезная большая подготовка,
У ней и лазер, и радар, и ротор,
И верный кадр дворник дядя Федор.

Покамест мы статую выбирали,
Где нам удобней лозунг раскидать,
Они у нас на хате побывали,
Три доллара засунув под кровать.

Покамест мы звонили по секрету
В английскую газету «Морнинг стар»,
Они за нами всюду шли по следу,
А дядя Федор кушать водку перестал.

А мы на «Эре» множили воззвания
У первого отдела на глазах,
И ни на что не обращали мы вниманья,
Хотя хвосты висели на ушах.

И пришли к нам органы закона,
И всю «Оптиму» накрыли поутру,
И, три доллара торжественно изъяв во время шмона,
Увязали нас и ЦРУ.

Да, Лубянка — это не Петровка,
Своя подманка и своя подловка.
А дядя Федор стоял и качался,
И посылать посылки обещался.

О, загадочная русская душа!..

1979

ЛОШАДЬ ЗА УГЛОМ

Я как-то видел психа:
Он был помешан тихо
На очень странной мысли,
Что лошадь за углом.
Нет, так-то он нормальный был,
Газеты чел, супругу читил,
Но убежденно говорил,
Что лошадь за углом.

И вот об этом случае
В компании друзей
Поведал я при случае,
Чтоб было веселей.
Друзья переглянулись:
А в чем же анекдот?
Лошадка — вон на улице,
Налево от ворот.

Я несколько опешил,
Переменил сюжет:
Лимонов, мол, до лешего,
Зато картошки нет,
И водка все дороже,
И толку мало в чем,
И лошадь... — А что лошадь?
Налево, за углом!

Кой-как походкой шаткою
Я выбрался от них,
И за угол украдкой —
Там пусто! Я не псих!
Я к доктору-спасителю:

Такая, мол, фигня.
А он: «Так-так, не видели.
Средь бела дня — не видели,
Все видели — вы не видели», —
И смотрит на меня!

Я улыбнулся кривенько:
Простите, пошутил.
И вон из поликлиники,
И всю неделю пил,
Но с кем бы ни кутил я,
Мне каждый говорит:
Далась тебе кобыла!
Да пусть себе стоит!

И я поплелся к местному
Чудному чудаку.
Ну и под «Экстру» экспортную
Все как на духу.
«А-а, говорит, мой милый,
Вы вон, говорит, о чем!
Нет никакой кобылы
Ни за каким углом.

Но знаете — не трожьте.
Не лазьте за углы.
Пускай уж лучше лошади,
Чем горные орлы!»

[1980]

КАРУСЕЛЬ

Прибежали босиком,
В огороде врыли кол,
Три-четыре — прицепили
Для вращения кругом
Двух слонов, двух лошадок,
Двух жираф и двух гусей.
Осмотрели: все, порядок.
И пустили карусель.

Заскрипели древеса
Заводного колеса
И пошли, и побежали,
Побежали без конца
Два слона, две лошадки,
Две жирафы, два гуся
Через грядки без оглядки,
Глазом во поле кося.

А хозяин с бородой:
«Ой смотри, народ честной!
Во, хреновина какая,
Чай, не видели такой:
Гуси-лебеди, лошадки,
Две жирафы, два слона —
И все прямо без оглядки,
Но при этом никуда!»

Собралось сто детей
Посмотреть на карусель.
Поглядели, погалдели
Да и сели на гусей,
На слонов, на жирафов,

На лошадок и коней,
Покатались, испугались
И домой пошли скорей.

А хозяин сукин сын:
«А я чхал на ваш алтын!
Не хотите — как хотите,
Покатаюся один
На слоне, на жирафе
Либо через одного!
Во хреновина какая!
Больше нет ни у кого».

В огород сержант пришел
И составил протокол,
И согласно протокола,
Взял и выворотил кол.
Гуси — в пруд, кони — в поле,
Две жирафы — сразу в лес,
А слоны махнули в Индию,
В город Бенарес!

1982

ЗАБУДЬ БЫЛОЕ

У вот приходит грозный муж, зубами скрипя:
— Ты где и с кем вчера была? Совсем забыла стыд?
Выкладывай всю правду, а то я тебя!
А жена ему и говорит:
— Утю-тю-тю-тю!
Зачем былое ворошить?
Тебе так легче, что ли, жить?
Вот тебе пиво и ветчина,
А что вчера было, — то было вчера!
И вот приходит педагог, очками блестя:
— Ответьте, кто такой Нерон и кем разрушен Рим?
Скажите хоть, когда и где распяли Христа?..
А мы ему и говорим:
— Утю-тю-тю-тю!
Зачем былое ворошить?
Тебе так легче, что ли, жить?
Вот тебе пиво, еда, вино,
А что когда было, — то было давно!
— Вчера, конечно, мы с Нероном — утю-тю-тю!
Весь Рим сожгли и Карфаген уделали дотла!
Там был какой-то малый — он нес галиматью,
Так мы его живьем к столбу гвоздями...
М-да...
Зачем былое ворошить?
Кому так легче будет жить?
Новое время по нашим часам!
Пойдем лучше в гости:
У наших соседей
Родился чудный мальчик!
Назвали — Чингисхан.

1982

ГАЛИЛЕЙ ПЕРЕД ПЫТОЧНОЙ КАМЕРОЙ

(Монолог сопровождающего)

—**Н**ослушай, Галилей,
Ну что ты так уперся?
Как будто в жизни сей
Ты плохо пообтерся.
Что гелио, что гео
И кто вокруг чего, —
Кормило бы да грело
И денег не брало!

Притом еще учти,
Что в массе закоснелой
Земля для всех почти
Плоска, как блин горелый.
Ведь тока-тока-тока
Сказали нам об ней,
Что тоже круглобока,
Но все же всех главней!

Ведь наш Верховный Поп
Стрижет свои проценты
С того, что мы, как пуп,
Находимся по центру,
А Солнце, как Венера, —
Такой же сателлит.
Ну чем плохая вера?
Ну что тебя свербит?

Но что смешней всего —
Хоть шеф и отрицает,
Но что вокруг чего,
Мне кажется, он знает,

Но точно так же знает,
Что будет на мели,
Как только он признает
Вращение Земли!

Ведь вот все дело в чем:
Вращается — и пес с ней.
Но лишь бы не при нем,
А, скажем, — сразу после.
Отбросьте сантименты,
Поймите, силъ ву пле,
Что ежли мы не в центре,
То он — не во главе!

А между прочим, шеф —
Не зверь, а так, слегка лишь.
Он не желает жертв,
Но ты ж его толкаешь!
Ведь все твои догадки
Изустная печать
Разносит без оглядки —
Ну что б тебе смолчать?!

Что ж, раз уж ты посмел
Так истиной увлечься,
То будь настолько смел
При всех от ней отречься, —
А там... шуруй как знаешь!
Спокойно,
Без потерь...

А?

Нет?

Тогда, товарищ,
Пройдемте в эту дверь.

1983

ИСТЕРИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЕЧНАЯ

Ну, ребята, все, ребята,
Нету хода нам назад,
Оборвалися канаты,
Тормоза не тормозят.
Вышла фига из кармана,
Тут же рухнули мосты,
А в условиях океана
Негде прятаться в кусты.

И дрожу я мелкой мышью
За себя и за семью —
Ой, что вижу! Ой, что слышу!
Ой, что сам-то говорю!
Как намерен, на собрание,
Что я брякнул — не вернешь...
Вот что значит воздержанье,
Вот что значит невтерпеж!

И я чую, как в сторонке
Востроглазые кроты
Знай фиксируют на пленке
Наши речи и черты,
Зубы точат, перья тупят,
Шьют, дела и часа ждут,
И уж если он наступит —
Они сразу к нам придут.

И прижучат, и прищучат,
И ногами застучат,
Отовсюду поискуют
И повсюду заключат.
Встанешь с видом молодецким,

Обличишь неправый суд... —
И поедешь со Жванецким
Отбывать чего дадут.

Ибо ты же не захочешь
Плохо выглядеть в глазах,
Значит, полностью схлопочешь,
Так что, братцы, дело швах.
Так что, братцы, нам обратно
Ветер ходу не дает,
Остается нам, ребята,
Только двигаться вперед.

1988

КАДРИЛЬ ДЛЯ МАТИАСА РУСТА

Здравствуй, киндер дорогой,
Гость, никем не чаемый,
В нашей склоке мировой
Голубок отчаянный!
Прилетел, настрекотал,
Крылышки расправил,
Агромадный арсенал
С ходу обесславил!

Ждать не может человек
Череду столетий:
— Надоел двадцатый век,
Хочу тридцать третий,
Где ни пушек, ни границ,
Ни плохой погоды,
Где не меньше, чем у птиц,
У людей свободы!

Генералы ПВО,
Вам навек спасибо:
Не убили вы его,
А ведь как могли бы!
Молодец Матюша Руст,
Пошутил по-русски:
И смысленый, и не трус,
И сидит в кутузке!

Партия, правительство,
Есть такое мнение:
Отпустите вы его
В виде исключения.
Это будет торжество
Нового мышленья!

1987

ПИСЬМО В СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Нозвольте, братцы, обратиться робко —
Пришла пора почистить наш народ.
А я простой советский полукровка
И попадаю в жуткий переплет.

Отчасти я вполне чистопородный,
Всесвятский, из калужских христиан.
Но по отцу — чучмек я инородный
И должен убираться в свой Пхеньян!

Куда же мне, по вашему закону?
Мой край теперь отчасти только мой:
Пойтить на Волгу, побродить по Пскову
Имею право лишь одной ногой!

Во мне кошмар национальной розни!
С утра я слышу брань своих кровей:
Одна кричит, что я кацап безмозгий,
Другая почему-то, что еврей...

Спаси меня, Личутин и Распутин!
Куда ни кину — всюду мне афронт.
Я думал, что я чистый в пятом пункте,
И вот, как Пушкин, порчу генофонд.

А мой язык? Такой родной, привычный,
Его питал полвека этот край —
Так русский он? Или русскоязычный?
Моя, Куняев, твой не понимай!

Живой душе не дайте разорваться.
Прошу правление Эресефесэр:
Таким, как я, устройте резервацию,
Там, где-нибудь... в Одессе, например.

Там будет нас немало, многокровных:
Фазиль... Булат... отец Флоренский сам!
Нам будут петь Высоцкий и Миронов!
Вертинский также будет петь не вам.

Каспаров Гарик — тоже двуединый:
Разложим доску, врубим циферблат,
И я своей корейской половиной
Его армянской врежу русский мат!

А вас прошу, ревнители России:
Ой, приглядитесь к лидерам своим!
Ваш Михалков дружил со Львом Абрамычем Кассилем,
А Бондарев по бабке — караим!

1989

ПИСЬМО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО В ЛИТВУ

Казимиру Прунскене

Казимира, Казимира,
Ты почто мне изменила,
Ты зачем так подкузьмила,
Казимира, мою власть?
Это все Ландсбергис Витька!
Вот кого бы застрелить бы...
Но ведь Польша сразу взвост,
Да и Франция не даст!..

Казимира, Казимира,
Ты мне семью разорила.
Ишь, распелась, как Жар-птица,
Растревожила гарем!
Я, конечно, дал свободу,
Но отнюдь не для разводу,
А чтоб еще тесней сплотиться.
А ты думала — зачем?

Казимира, Казимира,
Ты меня прям изумила.
Ты, наверно, возомнила,
Казимира, о себе?
Ну, конечно, возомнила:
Вон как быстро все забыла,
Чего, честно, Казимира,
Не скажу я о себе.

Я не Йоська с Риббентропкой
И не Ленечка с Андропкой:
На трех стульях одной попкой

Усиди, едрена вошь!
Очень трудное сиденье!
И скажу тебе, Прунскенья,
Что от нового мышленья
Помаленьку устаешь.

Так что завтра вам, заразам,
Нашим княжеским указом
Отключаю воду с газом,
подавляя тяжкий вздох.
Казимира, Казимира!
Ну, ты, наверно, сообразила,
Что ты сама себя казнила,
А я делал то, что мог.

А что мог, то я и делал,
По-другому не умею,
Не учился никогда...
А иного не дано.

Весна 1990

Из пьесы
«Московские кухни»

(Из недавнего прошлого)

ПРОЛОГ

Чайхана, пирожковая-блинная,
Кабинет и азартный притон,
И приемная зала гостиная,
По-старинному значит — салон,
И кабаk для заезжего ухаpя,
И бездомному барду ночлег, —
Одним словом, московская кухня:
Деcять метров на сто человек!

Стаканчики граненые,
Стеклянный разнобой,
Бутылочки зеленые,
С той самой, с ей, родной,
Ой, сколько вас раскушано
Под кильку и бычка
И в грязный угол сгружено
На многие века!

Стаканчики граненые,
А то и с коньячком!
Ой, шуточки соленые
Об чем-нибудь таком!
А трубочно-цигарочная
Аспидная мгла!
А «Семь сорок» да «Цыганочка» —
Эх! Ну-ка, хором и до дна!
Эх, раз, еще раз!
Лехаим, бояре!

Да, бывало, пивали и гуливали,
 Но не только стаканчиков для
 Забегали, сидели, покуривали,
 Вечерок до рассвету продля.
 Чай, стихов при огарке моргающем
 Перечитано-слушано всласть,
 Чай, гитара Высоцкого с Галичем
 Тоже здесь, а не где, завелась.

Чай да сахар, да пища духовная,
 Но еще с незапамятных пор
 Найпервейшее дело кухонное —
 Это русский ночной разговор,
 Где все время по нитке таинственной,
 От какого угла ни начни,
 Все съезжается к теме единственной,
 Словно к свечке, горящей в ночи:

— Россия, мать чудная!
 Куда? Откуда? Как?
 Томленье непробудное,
 Рывки из мрака в мрак...
 Труднее и извилистей
 Найдутся ли пути?
 Да как же: столько вынести
 И сизнова нести!

О «черные маруси»!
 О Потьма и Дальстрой!
 О Господи Иисусе!
 О Александр Второй!
 Который век бессонная
 Кухонная стряпня...
 И я там был,
 Мед-пиво пил,

И корм пошел в коня.

РУССКИЙ НОЧНОЙ РАЗГОВОР

«Россия, Россия, Россия» — ну прямо шизофрения!
 «Россия, Россия, Россия» — какой-то наследственный бред!

Ведь сказано было, едрена мать:

«Умом Россию не понять,

В Россию можно только верить».

Или нет.

— А я поверить рад бы, но из газеты «Правды»

Не вижу я, во что же мне верить, сэр!

Религия ликвидирована, крестьянство деградировано.

А вместо России — Эресе-Эфесе-Эр?!

Но я не могу любить аббревиатуру,

Которую я не в силах произнести!

— Отдай народу землю, отстрой ему деревню —

И завтра все воскреснет на Руси!

— Никита так и начал, да бес его подначил.

— А этому, с бровями, вообще на все начхать!

— Земля землей, а ты сперва подай мне главные права —

Вот вам «что делать» и «с чего начать»!

— Отдай народу землю — и он ее пропьет!

— Как будто раньше меньше пили, что ли!

— Сначала давайте условимся, что такое «народ».

— Ну-у, это не просечь без алкоголя!

— А раньше, между прочим, меньше пили!

— Ребята! Кончайте вы этот базар!

— Зачем Столыпина убили??!!

— Всё!

— Всё!

— Всё Достоевский предсказал.

ДЖАН-ДЖАН

*Вадим и Илья принесли гитару и пошли дурачиться.
Один изображает «Леню», другой — «Осю».*

И снился Лене дивный сон

И явственный как быль:

Что будто бы танцует он

Со Сталиным кадрили.

Спокойно так, солидно,

Хотя и не того...

Немного вроде стыдно...

Но в общем ничего.

Оба

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,
Дунем-плюнем, в рот засунем
Целый баклажан.

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан.

Леня

Очень мяса хочется
Кроме баклажан.

Ося

Дорогой Леонид,
Ты меня послушай:
Если есть аппетит,
Ты бери и кушай!

Леня

Никогда! Ни за что!
Нет, товарищ Сталин!
Мы пойдем другим путем:
Зря сажать не станем.

Ося

Ай-ай-ай, Леонид,
Что же ты мне врешь-то?
Вон же рыженький сидит
Ни за что ни про что!

Леня

Джугашвили, дорогой,
Это ж Ося Бродский:
Паразит как таковой
И еврей, как Троцкий!

Оба

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,

Кто желает в Израиль —
Мы в Биробиджан.

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,
Можно ехать в Израиль
Через Магадан!

О с я

А скажи, дорогой,
Спой под звон гитары,
Как живут у тебя
Крымские татары?

Л е н я

Хорошо они живут,
Не прошел я мимо:
От всего освободил,
В том числе от Крыма.

О с я

Молодец. Но скажи,
Объясни народу:
Говорят, ты задушил
Чешскую свободу?

Л е н я

Никого я не душил,
Я, товарищ Сталин,
Руку другу протянул
И при нем оставил.

О б а

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,
Дунем, плюнем, переплунем
Штаты и Джапан.

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,
Ждал вчера Софи Лорен —
Пришел Чойбалсан.

О с я

Дорогой Леонид,
Ты красив и светел,
Но почему я мой портрет
Нигде не заметил?

Л е н я

Генацвале, извини,
Дорогой кацо,
Но бумага вся пошла
На мое лицо,
На котором бровочки,
Что твои усы,
Но на высшем уровне
Общей красоты!

О б а

Джан, джан, джан.
Ван, ту, фри!
— Леня-джан! — Ося-джан! —
И не говори!

Джан, джан, джан,
Чок, чок, чок!
Не пойдем в баклажан —
Пойдем в кабачок!

В стороне на все это смотрят Начальник и его Помощник.

Ты наша Родина,
Россия-мать!
Свободна вроде бы,
Да как сказать.
Вон место Лобное
У красных стен
Свободно словно бы,
А вот и хрен!

Н а ч а л ь н и к.

Ну-ка, ну-ка, еще раз этот кусочек.

Илья и Вадим

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,
Ждал вчера Брижит Бардо —
Пришел Микоян.

Стаканы нолили,
Но что за бред:
Налить позволили,
А пить — так нет!
Но мы-то с вами-то,
Такая вещь:
Уж если налито —
О чем же речь?

Начальник

Ну-ка, ну-ка, еще разок.

Илья и Вадим

Джан, джан, джан,
Джан, джан, джан,
Ждал вчера Буковского —
Пришел Корвалан.

Ой, мать-владычица!
Ой, пожалей;
Уж как не хочется
Сажать людей,
Травить, преследовать,
Тюрьмой грозя!
Но как без этого?
Никак нельзя!

НАШ ЭКСПОРТ

Илья

Взял я водочки на грудь и портвею,
Огурцом заел, занюхал геранью,
И в Генеральную пошел Ассамблею
И с трибуны обратился к собранью.

«До чего ж, говорю, «Би-би-си» и «Свобода»
Разоврались, говорю, прям стыдоба:
Будто с нас, кроме газу и лесу,
Никакого больше нет интересу!

Отвечаю словоблудам поганым,
Соблюдая этикет и манеру:
Что ж вы, гады, за своим чистоганом
Позабыли про культурную сферу?
Это Сталин был зажимщик и деспот:
Никого не выпускал безвозвратно.
А мы вон какой устроили экспорт:
Высший сорт, и абсолютно бесплатно!

Как шепнут, бывало, верные люди,
Что, мол, любят Ростроповича Штаты, —
Ладно, пусть мы потеряем в валюте,
Принимай нашу Славу, ребята!
А кто играет за Париж и за Цюрих?
Боря с Витей — ленинградская школа!
А кто за всех американцев танцует? —
Бывший Мишка из ЦК комсомола!

А что касается поэзии-прозы, —
Мы же тоннами их вам поставляем!
Я вам честно говорю: это слезы,
Что себе мы на развод оставляем.
А Солженицына-то как вывозили?
«Не хочу, — грит, — никуда из России!»
И пришлось его с душевною болью
Всем конвоем волочить к Генрих Беллю!

И актеров с режиссерами — нате!
И живописцев с фигуристами — битте!
И умоляю вас — ни слова о плате!
Ну разве парочку агентов — верните.
Вот с компьютерами — да, дело плохо.
Нет на вывоз ни хрена, скажем честно.
Ну, а э т о г о добра у нас много!
И куда его девать — неизвестно.

МОНОЛОГ СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ НА СУДЕ НАД ДИССИДЕНТАМИ-ДЕМОНСТРАНТАМИ

Свидетельница (средних лет)

Я не была на площади,
Но прессу я прочла,
И что это за молодчики,
Отлично поняла.
Французским мылом моются,
Турецкий кофий пьют,
На все чужое молятся,
На все свое плюют.
С семнадцатого года
Живем в круту врага.
Пускай живем фигово —
Орать-то на фига?
Они ж там ждут и просят,
А эти — тут как тут:
Всю нашу грязь выносят,
Извольте, вери гуд!
Вот вам наш бардак отъявленный!
Вот вам сизый наш алкаш!
Вот вам наш Байкал затравленный!
Вот вам женский трикотаж!
Вот наши сотни-тысячи
В трубу ни за пятак!
Да что же вы мне тычете,
Что знаю я и так?!
Но я же не кричу же!
Молчу же я! Хотя
Я вас ничем не хуже,
Но вот молчу же я!
Аж даже неудобно:
Ведь взрослые, гляжу.
Да я в говне утопну
И слова не скажу!
А эти лбы здоровые —
Так нет, подайте им
Условия особые!
Вот щас и подадим.

Снажды Михайлов...

Шекспировские страсти в 1968 году

Однажды солнечным весенним днем в Москве у Ни-

китских ворот Михайлов был окликнут. Оглянувшись, он увидел Петра Фоменко — человека невероятного. Коротко о нем не расскажешь. Кто-то назвал его Мейерхольдом нашего времени. Так и оставим. Небось он не станет возражать.

Жизненный путь его был извилист по рисунку и прям по вектору. То есть все зигзаги стягивались в одно неуклонное русло событий: служение театру. И в начале поприща, когда Петр Наумыч именовался запросто Петей, занесло его ненадолго в Московский пединститут, куда поступил однажды и Михайлов — желторотый провинциал, взиравший на институтских мэтров с восторгом, доходившим почти до раболепия.

Привезя с собой в столицу десятка два стихов, Михайлов постучался с ними в институтское литобъединение, где царили Визбор и Ряшенцев. Настал день посвящения в члены. Мэтры и дебютанты собрались в аудитории; Михайлов трясся в своем уголку, как вдруг все оживилось и просияло: вошел Фоменко. И хотя одет он был безусловно по правилам XX века, Михайлов всю жизнь утверждал: он вошел, вдохновенный, в крылатке. Так он вошел. Здороваясь, обвел компанию синими своими глазками, вмиг угадал состояние Михайлова, подошел, приобнял за плечи и сказал, дружеским жестом обведя собравшихся:

— Ты их не бойся. Против тебя они все говно.

Мэтры заржали, а Михайлов ободрился.

Впоследствии их знакомство превратилось в пожизненную дружбу, хотя после института виделись они не часто.

Но вот весной 1968 года на углу Герцена и Тверского бульвара невероятный человек Фоменко сделал Михайлову невероятное предложение: написать для комедии Шекспира «Как вам это понравится» сколько угодно вокальных сцен и номеров.

Чтобы оценить этот луч света, надо бы взглянуть на темное царство тогдашнего михайловского положения.

Оно было странным. Попробуйте представить себе ситуацию, когда человеку позволяют и в то же время запрещают работать.

Причиной явилось участие Михайлова в том стихийном протесте нашей интеллигенции, который потом называли правозащитным, или демократическим, или либерально-оппозиционным движением. В 65—70-х гг. оно преимущественно выражалось во всякого рода протестных обращениях — к партии, правительству, к ООН, к мировой общественности и т.п., — изредка в демонстрациях, а главным образом в бурном распространении крамольного самиздата путем пишмашинок, берущих, как писал Галич, четыре копии, а если бумага папиросная, то и все десять. Стихийное издание и распространение всего запрещенного было всеобщим, были целые библиотеки самиздата с любовно переплетенными фолиантами, и чего и кого там только не было: и Высоцкий с Бродским, и Григоренко с Марченко, и Раскольников с Джиласом, и, уж конечно, великая «Хроника текущих событий», спасающая честь русской интеллигенции времен советского безгласья. Был даже анекдот.

— Бабушка, ты зачем «Анну Каренину» на машинке перепечатываешь?

— Так ведь внучок ничего, кроме самиздата, не читает.

К Михайлову претензии были вполне определенные: ему вменялась в вину всего одна (а было их немало) подпись, стоявшая в ряду десятка других под «Обращением к Совещанию коммунистических и рабочих партий в Будапеште» с протестом по поводу возрождения сталинизма через брежневизм. А в тот момент как раз был большой разброд в международном коммунизме, и, видимо, бумажка эта сработала очень некстати для Кремля, — судя по то-

му, с какой злобой власти накинулись на каждого из подписавших.

Михайлов тогда всю учительствовал в физматшколе при МГУ, куда со всей России отбирали гениев для точных наук. Благодатнейшая почва для просвещения. И Михайлов, во всеоружии новейшего самиздата, давал им историю и литературу. Кроме того, устраивал он раз в неделю литературные чтения в актовом зале, как правило, при аншлаге — знакомил публику с внешкольной программой: с Бабелем, Зощенко, Булгаковым. Вечерами, расположившись за столом с лампой под зеленым абажуром, читал он со всей возможной выразительностью:

«В белом плаще
с кровавым подбоем
шаркающей кавалерийской походкой...»

Учащиеся Михайлова любили. И охотно следовали за его затеями, которых было немало, особенно по части самодельного театра. Физико-математические гении с энтузиазмом распевали михайловские песни в мюзиклах его сочинения — и не только студенты сбегались их послушать в университетский клуб на Ленгорах.

Но вот за подпись под злокозненным письмом в Будапешт призвали его к ответу. Сначала — начальник московского образования Асеев, говоривший, как и положено начальнику, «благá» и «средствá». Предложено было публично отказаться от подписи. Чтобы свернуть тягостину душещипательной беседы, обещано было подумать.

Затем отвел Михайлова в сторонку Николай Иванович, главный словесник школы, чрезвычайно расстроенный случившимся, и убедительно объяснил ненужность и несвоевременность подобных подвигов.

— Поймите, — втолковывал он, — ежедневная кропотливая работа с детьми гораздо важнее, чем лезть на баррикады. Оно, может, не так ярко, но куда полезнее. Вы нужны здесь, а не в тюрьме, не дай бог. Ведь хороших словесников и так немного.

— Так что ж мне делать, Николай Иванович?

Тот развел руками:

— Снять подпись...

И замолк, понимая, что совет опоздал.

Следующим номером был парторг МГУ Шишкин. Он особенно не настаивал, видя упорство, а просто объявлял увольнение от народного образования в мягкой форме: «Поймите и вы нас». Однако школьная директриса пошла к шефу-учредителю академику Колмогорову, входящему в первую десятку Математиков Человечества, и тот добился: разрешили Михайлову доработать до лета — но: литературные чтения, как и внеучебное пение, прекратить.

И Михайлов теперь ездил в школу — тремя метро и одним автобусом в один конец — только давать уроки, а на вопросы своих артистов — когда репетиция? — отвечал уклончиво: не признаваться же было в своем героизме. Коллеги смотрели на него сочувственно: с одной стороны, как бы уже прощаясь, с другой — все-таки надеясь вместе с ним на чудесную перемену обстоятельств.

Ибо расцветала Чешская Весна. Дубчек, Смирковский, Свобода. Социализм с человеческим лицом. То самое, о чем мечталось. Конечно, это не по вкусу нашим троглодитами. Но не посмеют же они. И потом, все ж таки социализм же. Да и Запад не потерпит. А то опять будет Мюнхен. А допустив Чешскую Весну, допустят и Польское Лето, а там уж, возможно, придет и своя Осень. С красивым человеческим лицом. Тут-то и оставят Михайлова в школе. Ведь Россия так непредсказуема.

Однако, несмотря на общие упования, никаких признаков красивой человечности на свирепой морде старого кремлевского ящера не появлялось. И хотя под крылом Колмогорова михайловская полуработа продолжалась, но его концертную деятельность ничье крыло не осеняло, и здесь уже шла своя тихая сапа лубянского разлива.

Выступления его стали одно за другим отменяться. Были случаи, когда он, целый и невредимый, фотографировался на фоне объявления об отмене его концерта «по состоянию здоровья». И когда в марте позвали его в Свердловск на песенный фестиваль, он стал отказываться: зачем ехать, когда все равно не дадут.

— Да брось ты! — кричал в телефон Женя Горонков, главный устроитель фестиваля. — Это у вас там ничего нельзя, а у нас тут пока можно.

Еще утром, перед самолетом, он кричал то же самое,

но через три часа полета он встречал Михайлова уже не так бодро: петь на фестивале Михайлову, пока он летел, было начальством запрещено.

— Ну не в политехническом, так в медицинском споешь, там еще все чисто, — обнадеживал Женя уже скорее самого себя; но и в медицинском через час стало грязно. И Михайлов, чтоб все-таки утешить жаждущих, а заодно и плюнуть в нос начальству, пел в этот день поздно ночью на квартире у знакомых, пел сколько хотел и что угодно, но все-таки перед «Монологом пьяного Брежнева» с припевом:

Мои брови жаждут крови,
Моя сила в них одних.
Как любви от свекрови,
Ждите милостей от них, —

попросил выключить магнитофоны.

Впоследствии владельцы магнитофонов были вызваны в свердловскую Лубянку, а когда стали они темнить, будто ни про какие брови Михайлов не пел, то был им немедленно предъявлен полный текст на машинке — в жанре, стало быть, уже лубянского самиздата. И пошел гром по пеклу: хозяина квартиры, где пелось безобразие, отчислили из института, Горонкова поперли со службы, а в Москву, на главную Лубянку, поехала телега, хотя на Михайлова наехала она только осенью.

И вот теперь, весенним солнечным днем, у Никитских ворот один из лучших мастеров театра предлагает Михайлову поработать над Шекспиром.

К тому времени, возмужав и окрепнув на школьных подмостках, уже немножко посочинял Михайлов — и к фильму по Радзинскому, и к другому по Володину, и к третьему по Розовскому, — а тут сразу Шекспир. Шекспир!

Комедия «Как вам это понравится» не самое знаменитое его сочинение — но, безусловно, каждый образованный человек наизусть помнит оттуда целый стих:

Весь мир — театр, и люди в нем — актеры.

А некоторые — и следующий:

У каждого — свой выход и уход.

Остальные же стихи, лица и положения припомнит уже далеко не каждый. Но если вдруг — взбредет же такая блажь! — возьмет и прочтет, то непременно скажет, что за вычетом трагического монолога, который как раз и открывается знаменитым стихом и произносится персонажем по имени Жак Меланхолик, ничего в этой комедии нет ни смешного, ни интересного, сюжет громоздок и неуклюж, шутки архаичны, слог тяжеловесен, — а вернее всего, ничего этого не скажет, а лишь три слова:

— Ну и скучища!

Но Фоменко в этой архаике мерещились свои забавы и бездны; для их прояснения и потребовался Михайлов с его гитарой и умением сочинять песенки, и Михайлов, с безответственностью молодости, не уклонился.

Стоит ли здесь обсуждать правомерность подобного покушения на классику? Примеров тому наберется такое множество, что возникнет вопрос о закономерности этой неправомочности. Хотя закон тут один: победителей не судят. Либо покушение удалось, либо провалилось.

В начале мая оказался Михайлов со своей гитарой в одноместном номере гостиницы «Ока» на берегу одноименной реки, где проходил семинар учителей математики. Туда отправилась компания его коллег, прихватя и его для вечерних развлечений, а пока они семинарили, он приступил, помолясь, к Шекспиру. С чего начать? С начала. Пишем: Пролог.

С чего начать пролог? Да с того самого, известного каждому образованному:

Медам, месье, синьоры!
К чему играть спектакли,
Когда весь мир — театр
И все мы в нем — актеры,
Не так ли?

(Отдадим должное Михайлову: он в отличие от многих редко затруднялся с зачином, а когда дело стопорилось, беззастенчиво лез в чужой карман. Так однажды понадобилось ему сочинить монолог Генерального секретаря ООН. Час думал, два, на третий, как говорится, пришла строка: «Достиг я, прямо скажем, высшей власти».) Начав

«Пролог» столь непринужденно, он не замедлил и продолжить легко развивающуюся мысль:

Медам, месье, синьоры,
Как жаль, что в общей драме
Бездарные гримеры,
Коварные суфлеры —
Мы сами!
Мы с вами!

Так оно и пошло-поехало, это славное дело, увлекая разнообразием задач и возможностей их решения: и тебе куплеты, и романсы, и арии, и дуэты, и массовые сцены, и лирика с патетикой, и сатира с философией. И на счастливой этой волне пролетел Михайлов над своим последним в жизни школьным уроком, даже не оглянувшись, не заметив, что последний. Правда, случилась небольшая финальная сценка.

Перед летними каникулами пригласил его к себе академик Колмогоров, чьими заботами таки довел он своих девятиклассников до десятого класса, хотя и без песен уже. Шеф принял Михайлова холодно, спросил, не поднимая глаз:

— Вы, вероятно, понимаете, что в следующем семестре вы не сможете возобновлять занятия в нашей школе?

— Да, Андрей Николаевич, понимаю.

— Правда ли, что вы собираетесь судиться с нами и приглашать на процесс иностранных корреспондентов?

— Нет, Андрей Николаевич, я уже подал заявление по собственному.

Они простились. Как оказалось, навсегда.

Но надежды юношей все еще питали, Шекспир пополнялся изо дня в день, солнечная весна Москвы перелилась в безоблачное лето Крыма, куда в тот год съехалось множество замечательного народа, а чтобы не прерывать хорошего дела, Михайлов с женой и тестем поселились под бочок к Фоменко, совершенно забыв об осторожности, а зря.

Тесть у Михайлова был тоже Петя и тоже широко известный, но не по театральной части: Петр Якир, сын расстрелянного Сталиным командарма, севший в 14 и вы-

шедший в 30 с лишним лет. Начиная с ареста отца, он люто возненавидел Усатого, и со временем это чувство лишь крепло. И когда Брежнев стал помаленьку возвращать почтение к людоеду, Петр, естественно, восстал и скоро сделался активнейшим диссидентом, что тут же закрепило за ним откровенную и непрерывную «наружку», доходившую иной раз до двух машин с полным экипажем каждая.

Но в Крым семья приехала с одним-единственным хвостом в лице шустрого молодого, который ошивался поодаль и не докучал. То-то, наверно, завидовали ему сослуживцы по поводу столь роскошной командировки.

Вдруг все растворилось в сиянии черноморского июля: Чехословакия, колмогоровская школа, Лубянка и даже Шекспир. Михайлов освоил плавание с маской и трубкой и часами пропадал в море, ощущая себя ангелом над пятнистой от солнца сказочной страной морского дна с многочисленным и юрким его населением. Фоменко, казалось, также отложил Шекспира, и, вероятно, единственное, в чем прослеживалось еще влияние классика, — это привязавшаяся к ним с Михайловым манера изъясняться пятистопным ямбом без рифмы, в чем оба достигли больших успехов. То есть непринужденно без запинки могли они импровизировать без конца — ну, например, встречаясь утром на берегу:

— Куда идешь ты, Петя? Неужели

Собрался в море плавать, как и я?

— Да, я собрался в море окунуться,

Не скрою, да, Михайлов, это так.

Во всем хочу я следовать примеру,

Достойному примеру твоему.

— Что ж, Петя, следуй моему примеру,

Тебе он много пользы принесет...

(То-то небось извертелся в гробу незабвенный Васисуалий Лоханкин!)

А однажды лунной ночью оба Пети, знавшие наизусть Вертинского, всю ночь его пели, вполголоса — так проникновенно и красиво, как бывает только раз в жизни, и повторить уже не получится никогда.

Все вместе они приехали в Киев, откуда через пару дней Якиру было возвращаться в Москву, они пошли его провожать.

— Вон! Вон они! — возбудился Петя-диссидент. — Вон один. Вон второй. Вон еще...

— Да ладно, — усомнился Петя-режиссер.

— Они, они, — успокоил его Якир. — А вот мы проведем.

Быстро зашагали по улице. Указанные следопыты, почему-то все в одинаковых серых костюмах, последовали за ними. Неукоснительно. Было их человек пять. Экипаж машины боевой. Свернув за угол, Якир тут же и остановился:

— Прошу любить и жаловать.

Из-за угла вылетел серый и тут же увидел всю троицу прямо перед собой. От неожиданности он даже покачнулся, словно его крепко ударили по лбу. Лицо его дернулось, и он пошел спиной назад, пока не исчез за углом.

— Убедил, — сказал Фоменко. — Однако какая грубая работа.

— Хохляндия, — сплюнул Якир. — Учатся еще.

Он уехал, а Михайлов с Фоменко остались в Киеве чуть не на весь август, чтобы уже вплотную заняться Шекспиром, благо вся труппа приехала сюда казать «Платона Кречета» в постановке самого А. Эфроса в надежде на большой успех, в том числе и государственный, чтобы под это дело получить «добро» на постановку «Ромео и Джульетты» — давней эфросовской мечты.

Да, такое было время: Митта снимал «Москва, любовь моя», чтобы под это дело снять «Арапа» с Высоцким; Айтматов писал идиотское предисловие, чтобы пропихнуть свой «Буранный полустанок»; Захаров ставил «Автоград» под своего блистательного «Тиля». Хотя, заметим на полях, и «Автоград», и «Платон Кречет» поставлены были все равно талантливо. Все-таки лояльность не обязательно означает верноподданность.

Таким образом, в репертуаре Малой Бронной назревали одна за другой комедия и трагедия Великого Англичанина в постановке двух выдающихся мастеров. Первым по очереди шел Фоменко. Эфросу вообще было легче:

его полностью устраивал текст пьесы. Петр же Наумыч никак не мог успокоиться: даже укоротив классика на четверть, он чувствовал, что еще не достиг совершенства. Лето для них с Михайловым перенеслось с блестящей гальки Черного моря на белый песочек Днепра, где часами лежали они над страницами текста, марая и комбинируя. Рядом располагался Эфрос, снисходительно посматривающий на их нервную работу.

— А вот я, — говорил он, — из своего «Ромео» ни одной строчки вычеркнуть не могу.

После таких слов только и оставалось, что урезать комедию наполовину, просто из принципа. Втиснуть эти пять сырых расползающихся актов в стройные и подтянутые два. Прослоив дополнительными стихами и музыкой. Получилось все-таки в три. Эфрос с толку сбил. В два надо было.

А над Пражской Весной сгущалась Московская Зима. Явно и неотвратимо. А уж когда слышались задорные порывы выйти из Варшавского Пакта, нечего было и сомневаться. Но вторжение, с другой стороны, представлялось настолько невообразимым троглодитством, что, стало быть, мало оказалось пятидесяти лет усиленного режима, чтобы отбить надежду на амнистию.

Троглодиты, разумеется, — но не до такой же степени! Еще 20 августа Михайлов горячо заключал пари: не войдут!

На утро 21 августа назначен был суд над Толей Марченко: ему светил срок «за нарушение паспортного режима» — небольшой, но с угрозой продления с помощью придинок на зоне: давно применяемая подлость.

Это была уже, кажется, третья «ходка» непреклонного диссидента, не признававшего с «этими» никаких компромиссов. Даже Буковского они не так ненавидели, как его. И они убили его в конце концов.

21 августа пробуждение чехов и словаков, а также миллионов советских людей, как и многих других миллионов, было ужасным. Михайлов плелся на Толин суд совершенно раздавленный. Судьи не обманули ожиданий. Толя получил год. На зоне еще добавили.

Лихорадка охватила диссидентов. Что-то надо было

делать. Нельзя оставлять без ответа. Еще одно обращение-заявление? Вон, Евтушенко не сдержался:

Танки идут по Праге.
Танки идут по правде.

То же самое — но в прозе? Мало. Надо идти на площадь. Статья 190 (3), три года. Надо идти. Сговорились развернуть плакаты на Красной площади. Активнейшие деятели. Михайлов всплеснул руками и побежал вечером 24-го отговаривать Ларису Богораз.

— Поймите, — втолковывал он. — Кропотливая черная работа важнее, чем лезть на баррикады. А сейчас — тем более, когда многие напугаются и отойдут. Вы нужны здесь, а не в тюрьме.

Будучи воспитанным человеком, Лариса Иосифовна терпеливо слушала, а когда надоело, обещала подумать.

Утром 25-го примчался к Михайлову Вадик Делоне. «Когда? Где?» — «В 12, на Красной площади. Не ходи, я тебя прошу».

Однако нечего было и заикаться.

— Пока, стагик, — сказал Вадик. — Чегез тги года увидимся.

Широко улыбнулся — высокий, красивый, веселый, — преблагополучнейший любимец публики, — и ушел. На три года, как и обещал.

Они пришли к Лобному месту и минут пять сидели там на виду с развернутыми плакатами: «За нашу и вашу свободу»; «Руки прочь от Чехословакии!» Затем их повязали. Следствие длилось недолго. Через два месяца уже был суд.

А 1 сентября Михайлов внезапно обнаружил, что он безработный. Кругом звенели школьные звонки, но его это не касалось. Преподавать ему нельзя. Выступить тоже. Все песни для Шекспира написаны — без договора, заметьте, без единой копеечки! И теперь еще большой вопрос, захотят ли оный договор с ним заключать. Он хоть на площадь не ходил, да с ними со всеми и знаком, и подписывал, и распространял. И по вражеским «голосам» его имя звучало не однажды. Небольшая паника охватила его. Жить-то надо. Хотя повсюду повеяло холодом.

Ясно было, что Театру на Малой Бронной не следует

заключать договор с известным антисоветчиком. Решили, что с ним поделятся из своих гонораров композитор Николаев и переводчик Левин. Так. Что еще можно сделать для хорошего человека? Театр напрягся и придумал. Михайлов стал музыкальным репетитором, разучивающим с актерами его и Николаева вокальные номера (за что и положили ему 200 рублей). Так он и перезнакомился с половиной труппы, благо спектакль был хорошо населенный, потому что все-таки 30 персонажей, придуманных Шекспиром, к двум свести не удалось. Меньше 15 никак не получалось.

Среди них был Оливер, эгоист и завистник. Его репетировал Гафт. Тогда уже Михайлов понял, что из всех артистов мира это самый огромный. Просто природное изящество и классическая соразмерность частей скрадывали его истинные размеры.

Иногда в отчаянии Валя раскидывал огромные свои руки и восклицал:

— Ну что мне делать с моим талантом?!

И Михайлов видел, что перед ним Голиаф. Голиафт.

Его персонаж — Оливер — по сюжету пьесы ненавидит родного брата.

Михайлов сочинил его монолог, долго не раздумывая:

Я ненавижу брата!
Я ненавижу его!
И в этом семья виновата:
Зачем не родили когда-то
Меня одного?

С тех пор прошло много лет. Да, пожалуй, точно можно сказать: тридцать. И Гафт вспомнил! В телебеседе с ним зашла речь о Фоменко — и он вспомнил! И спел! Причем несколько раз и на все лады. Михайлов смотрел передачу, гордясь собой: его текст если и не тянул на бессмертие, то на долговечность законно претендовал.

Каневский Леня — теперь украшение тель-авивского «Гешера» — играл тирана. У него была своя ария в сцене «Погоня»:

Догнать их!
Вперед, закусив удила!
Поймать их!

Пороть за такие дела!
Измену
Сведу на корню.
Когда будет надо,
Я сам прогоню!

Леня пел правильно — но строго на четверть тона ниже, и когда для благозвучия партию рояля снижали на эту четверть, он тоже снижался. Посему благозвучия достигнуть не удалось. Тирана поручили Лева Дурову. Через 30 лет, встретив Михайлова в каком-то углу, Лева сказал: «А помнишь?» — и тоже спел, без запинки.

Трагическую роль Жака Меланхолика исполнял Александр Анатольевич Ширвиндт. Это была его первая шекспировская роль. Вторая — веронский герцог в «Ромео и Джульетте». Там ему было немного работы. У Фоменко — гораздо больше. Он бродил по Арденнскому Лесу, где все стонало от любви, и отравлял атмосферу горечью своей мудрости. У него был хороший монолог, тот самый, что начинается:

«Весь мир — театр, и люди в нем актеры...» — и далее, о Божественной комедии, а точнее, трагикомедии человеческой жизни. Читал он его под потолком. Художники Эпов с Великановым соорудили золоченое витиевато-ветвистое Древо, где можно было жить, гулять, свешиваться, перелетать с ветви на ветвь, высовываться из дупла, прятаться в листве, а самая вершина представляла собою овальную раму фамильного герба, сплетенную из фантастических листьев и увенчанную оленьими рогами, — и вот в ней-то, в этой раме, и появлялся мудрый и печальный бродяга в шелковом рубище с красивыми заплатами и произносил:

«Весь мир театр...» —

и далее, до последнего безнадежного всплеска руками вниз и в стороны — мол, что поделаешь?

Финал.

Роскошное готовили зрелище, правда, очень медленно оно варилось, так ведь шутка сказать — больше двадцати развернутых музыкальных номеров и целых три акта многопланового действия с чередованием и смешива-

нием комического и трагического, — что всегда было опорным столбом фоменковской карусели.

Все-таки надо было свести Вильяма в два акта.

О, как бы нам, синьоры,
Сыграть не фарс, а сказку
О счастье и надежде,
Сыграть, пока не скоро
Развязка!

Фарс разыгрывался не в театре — в нарсуде на Яузе, в течение трех промозглых октябрьских дней. Судили пятерых демонстрантов, героев 25 августа (шестого, Файнберга, в Питере определили в психушку, а до Наташи Горбаневской очередь дойдет позже). Действо началось, как и раньше в таких случаях: в зал проходила спецобщественность, по пропускам; друзья, иностранные корреспонденты (коры, если запросто) околачивались снаружи у выхода; из своих, таким образом, внутри оказывались только свидетели и адвокаты.

Михайлов толокся снаружи, в небольшой толпе сочувствующих, среди которой встретил и двух недавних своих учеников-физматиков. Один из них впоследствии сел на четыре года за диссидентство, второй явился в огромных черных очках, явно боялся, — но и не явиться не мог. Не зря все-таки учил его Михайлов.

Однако обнаружилась и другая оживленная группа, студенческо-пролетарского состава. Это были активисты-общественники разных московских заводов и комсомольцы оперативных отрядов МВТУ и МГУ. (Среди них Михайлов также заметил своего физматика, которого, стало быть, недовоспитал.) Их задача, как быстро стало понятно, была задираться с собравшимися друзьями подсудимых и попытаться дать этакий идеологический бой, не доводя, впрочем, до рукопашной. Именно идеологический. Разыгрывая из себя случайных любопытных, они быстро превращали разговор в дискуссию. Студенты-оперативники, правда, шибко не старались, а пролетарии моментально доводили дело до лозунгов, вроде:

— Таких давить надо!

Михайлов не выдержал, зацепил одного из молодых ав-

то заводцев за локоток и отвел в сторону. Тот, как ни странно, с живейшим любопытством стал расспрашивать, кто и за что, и даже выражать очевидное сочувствие, — как вдруг, изменившись в лице, громко крикнул:

— Давить таких надо!

Потому что мимо прошел высокий чернобородый со смеющимися злобными глазами. Политрук.

Натужность этой контракции властей была очевидна, и не то что идейной победы, но и собственно баталии не получилось. Друзья подсудимых быстро смекнули, что к чему, и на провокации не поддавались, а пролетарии тоже были не особенно привыкли, тем более что команды бить не было. Тогда бы — другое дело. Но — не было команды. Они и маялись три дня, как идиоты, помаленьку выпивая в соседнем дворе. И вся их борьба с гнилыми либералами уложилась в одну-единственную гнусность: когда все кончилось и адвокаты должны были вот-вот показаться в дверях, оказалось, что машина с цветами для них вскрыта и пуста. Но Курский вокзал был в двух шагах, с богатыми цветочными киосками на площади, и к выходу адвокатов свежие пышные букеты успели в самый раз.

Конечно, защита была бессильна перед кремлевскими троглодитами, — но зато с помощью адвокатов была восстановлена вся картина судилища, перешедшая затем в книгу Натальи Горбаневской «Полдень», — после чего троглодиты наконец добрались и до Наташи, которой досталось страшнее всех из демонстрантов: Казанская спецпсихушка с принудительным «лечением».

Впоследствии Михайлов сочинил «Адвокатский вальс»:

Конечно, усилия тщетны,
И им не вдолбить ничего.
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно.
Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор.
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор.
.....
Ой, правое русское слово,
Луч света в кромешной ночи!

И все будет вечно хреново,
И все же ты вечно звучи!

В том же октябре Михайлов предстал перед Бобковым — начальником 5-го отдела КГБ, осуществлявшего контроль над идейными диверсантами. Тон беседы был избран вежливый, Михайлова предупреждали, что обо всех его подвигах, в том числе и о свердловском, осведомлены, и просили вообще воздержаться от концертов. А взамен обещали не чинить препятствий в творческой работе. Были затронуты и общие проблемы и даже проявлено определенное понимание, и Михайлов даже удивился, как почеловечески с ним говорят, но Бобков сказал тем же серьезным и проникновенным тоном:

— А вы знаете, что если бы мы не вошли в Чехословакию, завтра там были бы немцы?

И Михайлов сразу внутренне сник и даже обиделся — за какого же лопуха держит его начальник?

Одной рукой Фоменко помаленьку двигал Шекспира к премьере — другой рукой (и ногой, и всем вообще остальным телом) он раскручивал замечательное действо в своем студенческом театре при МГУ на Ленгорах:

«ТАТЬЯНИН ДЕНЬ, ИЛИ РУСИ ЕСТЬ ВЕСЕЛИЕ ПИТИ».

Собрал он множество текстов на эту богатую тему. Устроил из них многокрасочную композицию и с наслаждением полного хозяин-барина (в отличие от Малой-то Бронной, где тебе и дирекция, и партком, и уже репетирующий свою «Джульетту» Эфрос, постоянный, блин, эталон для там и тут занятых актеров) царил, витал и священнодействовал среди обожающей его талантливой молодежи. Атмосфера была студийная, т.е. все творилось на бескорыстнейшем энтузиазме, товарищество было абсолютное, ничуть не тронутое ядом актерского самолюбия и неудовлетворенных претензий. Михайлов без труда вовлекся в их компанию и по предложению Фоменко даже малость порежиссировал в новелле о пьянстве времен Петра Великого, заставив бледного от мальвазии самодержца взбежать по трупам павших на пивную бочку и, сверкая глазами, вскричать, яростно ткнув перстом себе под ноги:

Отсели!

Грозить мы будем шведу!

Михайлову и за драматурга пришлось поработать, смонтировать разрозненные тексты для портрета еще одного любителя выпить — графа Федора Толстого — в окружении всего женского состава труппы, махавшего на румяного красавца разнообразными веерами.

И за актера случалось повыступать, было дело, сидел он задумчиво в старинном кресле, в гусарском кивере и мундире, пощипывал наклеенный ус, поигрывал на гитаре и задушевно напевал Дениса Давыдова на собственный мотив:

Где друзья минувших лет?
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники лихие?

Эта лирическая ностальгия по студенческому гусарству, молодому дружеству была присуща Фоменко, оказывается, всегда — ему, насмешнику, ему, созидателю и разрушителю масок, ему, мастеру иронического сарказма и самого брутального эпатажа, бесконечно далекому от сентиментальных соплей и размазывания манной каши по стене.

При всем своем невероятии он всегда был любитель посидеть за столом с бывшими своими студийцами или студентами, безусловно, предпочитая самое немудрящее застолье самым престижным тусовкам. Совсем не тусовочный человек. Бывало, соберутся все эти Галки, Зойки, Нинки, 60-летние пединститутки, да за бутылочкой и попросят:

— Петы! Спой «Странное дело».

Он безо всякого жеманства легко поднимется, упрется кулаками в стол, сделает зверское лицо и, оскалившись, зачистит:

— Странное дело, непонятное дело... — а дальше густопсовый виртуозный мат. Публика хохочет.

За вычетом мата весь «Татьянин день» и был озорным застольем русского студенчества — праздником. И сыг-

ран соответственно 25 января. Но уже 69-го года. В том же 69-м закончилась и вся эта шекспировская эпопея.

Довольно много музыки набралось в спектакле. Михайлова пятнадцать номеров, да Николаева десять, да чистой музыки — танцевальной, виньеточной, фоновой — минут на двадцать. Словом, Николаеву с дирижером Кремером пришла в голову естественная мысль: составить сюиту из шекспировской музыки, сочинить изящный текст, поясняющий, кто есть кто и отчего вдруг запел, да и исполнить этот музыкальный пересказ спектакля силами университетского оркестра в клубе МГУ — только не на Ленгорах, а на Моховой. А то что же зря музыке пропадать. А Кремер как раз и дирижировал — и в спектакле, и в университете, был весь в материале и поллюбил его на всю жизнь. Михайлов немедленно включился и сел сочинять связующую нить.

Естественно, поставить это дело предложили Фоменко, из расчета, что музыкальная сюита послужит спектаклю ярким анонсом. Но Петр Наумыч отнесся к замыслу холодно, ему почудилась измена общему делу, ставить отказался, только попросил, чтобы сюиту все-таки играли после премьеры — да оно так и выходило, потому что сдача спектакля ожидалась в марте, а сюита поспевала только к июню.

Однако ни в марте, ни в апреле премьеры не было, тяжело и как-то натужно тащился этот воз, окруженный к тому же какой-то пристальной враждебностью партийного начальства, влезавшего во всякую мелочь с крикливыми требованиями, например, спустить Ширвиндта с его коронным монологом с вершины золотого Древа к подножию. Нет, и этого мало. Убрать его к порталу, нехай произносит свою мрачную речь как бы самому себе и не мешает общему оптимизму. От таких советов и агнец озвереет, а Фоменко — не агнец, нет. Но был он мрачен не столько даже поэтому, сколько из-за малоподвижности воза: не выгорало дело, не складывались звуки в аккорд.

А у Кремера на Моховой, напротив, все кипело и летело к цели. Нашлись хорошие вокалисты. Из студии «Наш дом» прибежал Саша Филиппенко на роль Шута и Связую-

щей Нити. Осталось дожидаться премьеры на Малой Бронной.

Она состоялась в конце мая. Сначала, как водится, сдавали начальству. Да, была такая процедура. В пустом зале перед десятком начальников (горотдел, Минкульт, партком) игрались все три акта, полный спектакль в полной тишине, ибо начальству реагировать во время госприемки не положено.

Напомню, дело осложнялось участием Михайлова. Формально — его не было. Ни в афишах, ни в программках. В зале — тоже. Ни в одном темном углу не наблюдался соавтор Шекспира.

Но начальство, во-первых, не любило Фоменко и всегда подозревало в нем идейного врага. И, конечно, слышало, что он сотрудничал с Михайловым, антисоветчиком. И напряженно всматривалось, не проявятся ли какие-нибудь гнусные признаки этого сотрудничества.

А Михайлов тем временем сидел в кафе через улицу от театра и с нетерпением ждал сведений. В антрактах к нему забегали то Лева Дуров, то Валя Смирнитский — докладывали обстановку: сидят, молчат.

Спектакль был принят и даже с совсем немногими поправками. Гнусных следов замечено не было. Можно играть. И Шекспир благополучно поехал себе на гастроли в Одессу. И можно было выпускать на клубную сцену МГУ давно готовую сюиту.

Михайлов тогда работал в Саратове и прилетел в Москву за день до ее премьеры.

— Все готово! — кричал ему Кремер по телефону. — Все хорошо! Боимся только — народу будет мало: у студентов сессия, у людей отпуска. Давай обзванивай всех, кого сможешь. Хоть партер заполнить.

И Михайлов совершил на радостях роковую ошибку. Он посадил на телефон Петра Якира, лучшего обзвонщика в мире. И тот замечательно справился с задачей.

На следующий день в назначенный час в зале клуба на Моховой народу было битком. Публика отчетливо делилась на три неравные части. Наименьшая группа состояла из принаряженных родственников и друзей оркестра с вокалистами. Половину публики составлял цвет

московских антисоветчиков и диссидентов с Петей Якиром и Наташей Горбаневской во главе. Остальная публика представляла собою отряд лубянских следопытов и оперативных студентов МВТУ и МГУ. Судя по всему, ожидалось вооруженное восстание, не меньше.

Пошел занавес, зазвучала музыка. В зале смеялись и аплодировали. Оперативники и лубянщики расслабились. Некоторые даже подхлопывали. Саша Филиппенко блистал. Антисоветчины не было даже в подтексте. Правда, после заключительной овации просили бисировать куплеты придворного интригана:

И хотя ты хороший малый,
Чем помочь, я не знаю сам.
Что ж, пожалуй, что ж, пожалуй,
Перед казнью — яду дам.
Ядудам, ядудам, ядуда-дуда-дудам.

Горбаневская хохотала на всю Моховую. Это единственное, что могло настораживать.

Но вождь университетских коммунистов Ягодкин на следующий же день сорвался с цепи.

Дальнейшее представление сюиты было запрещено.

Директор клуба МГУ был снят с работы.

Выговоры и вызовы на ковер посыпались один за другим.

Послышались формулировки: «Антисоветское собрание»; «Идеологическая диверсия»; «Заведомая провокация»; «Сговор Якира и Фоменко».

Вот это-то было особенно ужасно. Вот где аукнулся тот шустрый молодец, что вертелся в Крыму поодаль. Вот где отозвались обиженные топтуны Киева. Вот как оправдалась мрачная неприязнь Фоменко к злосчастной сюите.

И Ягодкин прихлопнул и «Татьянин день», и вообще театр на Ленгорах.

А заодно и студию «Наш дом», откуда был завербован Филиппенко.

И шум от всего этого произошел такой, что после десятка представлений спектакль «Как вам это понравится» был снят с репертуара Малой Бронной.

И больше никогда не был восстановлен.

Лишь через десять лет Фоменко и Михайлов взяли реванш. Пользуясь служебным положением (он был главным режиссером Ленинградского театра комедии), Фоменко все-таки поставил эту историю, с теми же персонажами, с той же музыкой — но в вольной интерпретации Михайлова. Это теперь называлось: «Сказка Арденнского леса», герои, как и прежде, изъяснялись белым пятистопным ямбом, сюжет в общих чертах соблюдался — но никакой тяжеловесности, никакой архаики, юмор полон изящества, и во всем в должной мере чувствовалась та необходимая доля эротики, без которой нет театра, — как говаривал Станиславский и всю жизнь повторяет Петр Фоменко.

Меня Второв и филера

Однажды Михайлов удивился:

— Да неужели и вправду было с нами все это: запрещенная литература, листовки, подпольщина доморощенная, слежка государственная, доносы, обыски, демонстрации, аресты и суды с гордыми «последними словами» — словом, все эти из далекого прошлого атрибуты героической революционной романтики, изображенные во множестве произведений, от «Овода» до горьковской «Матери» или фадеевской «Молодой гвардии»? Неужели все это было в жизни по-настоящему? Пронзительное чувство неестественности: как это? Я — здесь, а Илья — в тюрьме? Я здесь, в Москве, сижу в театре «Современник» и вместе с залом смеюсь над абсолютным совпадением Щедрина с советской властью, а Илья — в трех шагах от меня, бритый, в камере, и этот говнюк-следователь кричит на него? Хотя образ мыслей, за который Илья и сидит, у смеющегося вместе со мной зала точно такой же! Словно встали дети в круг, посчитались: «вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана» — и, кому выпало водить, пошел из круга, только не за угол, а на Колыму, лет на семь.

Причина подобного впечатления понятна: эти слежки, погони и обыски, то есть все то, что совершенно необходимо при охоте на воров и убийц, здесь превращалось в бурную имитацию деятельности, в демонстративное махание кулаками, — потому что преступления-то не было. Никто ведь, по сути, и не прятался. Это же уму непостижимо, сколько денег было угрохано, сколько народу задействовано для слежки за нескрывающимися, для погони за неубегающими, — ради важных отчетов перед старца-

1983 г. Аля Ким (сестра), Марат Ким (племянник),
Наталья Ким (дочь)

2002 г. С женой Лидой на новой квартире

Простой...

доступный...

домашний...

Зиновий Гердт
и подпись на обороте
этой фотографии

Толк!
Мы столько
давали тебе,
друг дружку
подбуждаем,
просто всем
на Заветы.
Давай же мы
очень долго,
всем на-Заб.
З. Удз -

1987 г. В Пярну с Давидом Самойловым

1990 г. Вечер памяти Д. Самойлова с участием
С. Юрского, М. Козакова, А. Городницкого, Л. Никулина
и других

Среди двух Юриев Иосифовичей (Коваль и Визбор).
26 декабря 1983 г.

1984 г. Дилижан.
С Фазилом Искандером и Натаном Эйдельманом

1967 г. С Александром Галичем в Петушках
на семинаре авторской песни

1987 г. Первый вечер памяти Александра Галича.
Участвуют И. Грекова, Ф. Искандер, Ю. Карабчивский,
Д. Межевич, Н. Крейтнер, А. Мирзаян

*Царскосельская
художественная премия*

Решением
Совета учредителей и жюри
Царскосельская
художественная премия
2003 года присуждена

**Юлию
КИМУ**

*За продолжение лицейских традиций
в авторской песне*

Совет учредителей и жюри:

Ворис Влоцкер
Андрей Зонин
Леонид Мозговой
Сергей Некрасов
Алла Осипенко

Сергей Слободский
Александр Сокуров
Юрий Томатовский
Сергей Юрский
Сергей Чупринин

ми с мавзолея, и эти старцы важно собирались и на основании андроповских докладов решали, что мне читать, чего не читать... бред, мерзость.

Михайлов тогда трудился с режиссером Леней Вторым над сказкой в Детском театре. До сих пор они с наслаждением вспоминают эту работу, в которой, кстати, блестяще себя заявила будущая наша кинозвезда Ирина Вадимовна. Это был праздник, завершившийся тем, что Ирина вышла за Леню замуж.

Однажды Михайлов с Леней договорились встретиться в театре, чтобы подумать о дальнейших планах. А утром к Михайлову заглянул приятель с целой кучей свежей антисоветчины, включая «Технологию власти» Авторханова, за которую давали срок. Это сейчас она свободно лежит на книжных развалах, никто ее не читает. Приятель попросил приютить на время опасный багаж, словно нет надежнее места на свете, чем квартира оголтелого антисоветчика Пети Якира, у которого Михайлов тогда жил. Петю и его квартиру с обитателями круглые сутки пасли сотрудники ГБ. Отказать приятелю было невозможно, хотя бы потому, что его на выходе могли остановить дежурные пастухи и, отведав участок, обыскать, что имело бы для него предсказуемые последствия. Михайлов с досадой принял груз, но тут же решил отнести его в другое место, дабы не увеличивать и без того значительные запасы крамолы на Петиной квартире. А так как осаждающие по пяти раз на дню видели, как Михайлов входит и выходит, то имелся шанс, что опекать его они не станут, тем более что он давно уже вел себя благонамеренно.

Михайлов придумал отнести заветные папки в Детский театр, к режиссеру Второву: помещение огромное, авось найдется темный уголок для запретной литературы.

А тут еще позвонил вежливый мужской голос и напомнил, что у них через час встреча на частной квартире по поводу «Станционного смотрителя». Эту пушкинскую повесть собирались экранизировать для телевидения, а музыку к ней заказали у композитора Исаака Шварца, которого Михайлов очень уважал за его работу с Окуджавой. Справедливо полагая, что якировский телефон прослушивается, Михайлов решил, что из-за Пушкина орга-

ны тем более преследовать не станут. И, застегнув объемистый портфель, Михайлов бодро вышел на улицу.

При виде его со скамьи на бульваре с готовностью поднялся молодой человек, старательно смотрящий вбок. Объемистый портфельчик сразу потяжелел. Значит, не подействовал «Станционный смотритель». Досадно.

Михайлов, однако, продолжил автономное плавание, делать нечего. Внутреннее напряжение усиливалось еще неловкостью тащить за собой хвост к незнакомому и, судя по телефонному разговору, весьма интеллигентному человеку, известному питерскому композитору, который ни сном ни духом... Поэтому Михайлов изо всех сил старался идти непринужденно, чтобы, упаси бог, хвост ни на секунду не насторожился, не почувствовал тревогу за портфельчик. И когда, опаздывая на троллейбус, Михайлов побежал к остановке, то, вспрыгнув на подножку, он предупредительно придержал дверцу для своего запыхавшегося опекуна: мне, мол, от вас скрывать нечего, я, как видите, никуда бежать не собираюсь. Якобы.

Доехав до места, Михайлов вошел в подъезд — топтун остался на улице и проверять, на который этаж отправился объект, не стал. Объект позвонил. Дверь отворил очень красивый маленький изысканный армянин, и хотя его звали Исаак Шварц, Михайлов так и остался в этом убеждении. Положив портфельчик под стул в прихожей, он вошел в квартиру.

Дело оказалось для него необычное: его пригласили принять участие в фильме не как автора песенных текстов, что было бы понятно, а в качестве певца. Кому-то показалось, что именно этот голос способен спеть пушкинские стихи на шварцевскую музыку. И, не откладывая в долгий ящик, композитор подсел к пианино и своими изящными пальчиками тут же и наиграл эти простые мелодии. В другое время Михайлов, с его слухом, выучил бы их в секунду, но тут его томил молодой чекист, топчущийся где-то за стеной, а возможно, уже только и ждущий, когда Михайлов выйдет, чтобы подкатиться с их вечным «пройдемте». Не у Шварца же оставлять проклятые бумаги. Между тем композитор терпеливо повторял и повторял мелодию, так что Михайлов уже и поневоле ее усвоил

и, помычав-помурлыкав, наконец спел, стараясь с выражением:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом, —

даже не чувствуя, насколько текст соответствует обстоятельствам:

Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид... следопыт...

Старательное «выражение», видать, не вполне устроило Шварца, и он еще и еще раз просил Михайлова повторить, отчего «выражение» не улучшилось. Согласились на том, что надо бы встретиться еще раз, попробовать, созвонимся попозже — и Михайлов, как в прорубь головой, двинулся с портфелем на улицу.

Топтун благодушествовал невдалеке, никакой засады не предвиделось. Из-за угла показался нужный трамвай. Михайлов, не торопясь, шел к остановке, игнорируя приближающийся вагон, как не имеющий отношения. Следопыт не спеша двигался в том же ритме, сохраняя приличный интервал. Внезапно для самого себя, Михайлов резво вскочил в захлопывающиеся дверцы и на сей раз придерживать их не стал. Топтун в растерянности кинулся было, пробежал несколько шагов. Вдруг остановился, открыл свой кейс — и стал в него что-то возбужденно кричать. Михайлову еще не доводилось встречаться с таким способом связи.

Трамвай несся вдоль бульвара, незадачливый спутник остался далеко за углом, и через несколько остановок Михайлов с легкой душой выскочил на тротуар, а там уже, знакомыми задворками, добрался до служебного входа в театр, еще раз оглянулся по сторонам и шмыгнул, прижимая портфель, к двери (на вахте его знали) и — прямо к режиссеру, к Лене Второву. Тот уже освободился для встречи и был у себя один.

Михайлов показал портфель и, понизив голос, объяснил ситуацию. Леня спокойною рукою, как будто ему принесли пьесы Островского, принял опасные папки и сунул куда-то в недра письменного стола. Михайлов было за-

беспокоился, не чересчур ли легкомысленно — Леня и слушать не стал:

— Ничего с твоими папками не случится. Когда понадобится, тогда и заберешь. А вот потрепаться здесь не придется: мне надо в одно место, можешь проводить? По дороге все и обсудим.

— А ну как за мной слежка?

— Да черт с ними, даже интересно.

Михайлов положил в портфель какие-то журналы, что бы незаметно было, что портфель похудел, и они вышли. И Леня в двух словах пояснил, куда им предстояло ехать.

У него от первого брака остался любимый сын. Разрыв же был настолько решительным, что бывшая жена захлопнула перед ним все двери, и в свиданиях с сыном ему было не то что отказано — отрезано. И вот он, как Анна Каренина, крадучись, время от времени отправляется хотя бы посмотреть на своего Олежку, а если удастся, то и поиграть с ним сколько-нибудь. Михайлов очень проникся. Ехать было — автобусом и электричкой.

На улице Михайлов огляделся: никого. Леня добродушно пошутил:

— А был ли мальчик-то?

Михайлов разгорячился:

— Не веришь? Думаешь, я в игры играю? Революционер, мол, хренов!

Леня замахал руками:

— Да ради бога! Я просто подумал: а был ли мальчик-то, и все!

И тогда Михайлов злорадно и даже торжественно воскликнул:

— Вон они!

Неподалеку в самом деле обозначился его давешний преследователь и при нем миловидная девица. Оба старательно смотрели друг на друга, добросовестно разговаривая. Леня посмотрел:

— Это и есть твой мальчик?

— Он. А девочка скорей всего твоя.

— Да ладно!

— Убедишься в движении.

Плечом к плечу Леня с Михайловым зашагали по тротуару, а шагов через двадцать резко остановились и ог-

лянулись. Парочка, по-прежнему разговаривая и глядя друг на друга, шла следом. Леня хмыкнул:

— Не убедил.

Двинулись дальше. Поравнявшись с автобусом, живо впрыгнули и жадно приникли к заднему стеклу. Парочка стояла, откровенно глядя на них, при этом кавалер, как и давеча, что-то быстро говорил в открытый кейс: сообщал, наверное, номер автобуса и маршрута.

Леня сказал:

— М-да. Похоже, ты не ошибся.

Через некоторое время Михайлов сообщил:

— Вон они.

Впрочем, и без сообщения видно было, как откуда ни возьмись вывернула чуть ли не из подъезда серая «Волга» и пристроилась к автобусу. Кавалер сидел рядом с водителем, равнодушно смотря по сторонам. Леня уже не хмыкал: как это бывает с новенькими, им овладел азарт, совершенно погасивший чувство опасности, и он даже забыл о цели поездки, равно как и про обсуждение планов. «Ну-ну, — приговаривал он, вливаясь в привокзальную толчею, — ты смотри, нет, ты смотри: идут! И девка уже другая! Понимаешь? Он дежурный, а они при нем сменяются!» Леня на глазах превращался в профессионала. «Ну что? Вошли они в вагон? Ладно! Доезжаем до остановки, выходим и внезапно вскакиваем обратно».

— Да черт с ними. Всклакивали уже, в автобусе-то. А главное, зачем? Мы же чистые.

— Да все равно противно.

Доехали до места. Дачные сосны, мир и летний уют Подмосковья как-то незаметно обратили в шутку их подконвойное путешествие, и филера воспринимались уже как понятный и безобидный довесок: люди на работе. Вспомнилась цель поездки, и Леня по дороге к дачному поселку с эпической грустью стал рассказывать о своих предыдущих экспедициях к сыну, с какой дьявольской проникательностью враждебной стороне удавалось предугадать его внезапные появления и за минуту уводить ребенка в дом.

— Здесь пойдем медленнее, вон до той бузины, — сказал Леня. — В это время они обычно гуляют (и Михайлов подивился его дьявольской осведомленности).

В тени огромной бузины они остановились: два заслуженных человека — Леонид Второв, известный московский режиссер, и Михайлов, писатель земли русской, как он сам себя называл. А в полусотне шагов от них на садовой скамеечке примостились два человека, совершенно не заслуженных и, вероятно, недоумевающих по поводу этой внезапной остановки.

На той стороне улицы за штaketником весело зеленела обширная поляна с кудрявой березой посредине, а подальше виднелся домик с верандой, на которой не было никого. И на поляне никого. И так никого и не было час. Наши партизаны вздохнули и поплелись восвояси. Лет через пятнадцать дьявольски осведомленный Леня сообщил Михайлову:

— А они там были, и Олечка, и теща. Но она нас заметила и все подглядывала, когда мы уйдем. Надо было пойти, а потом вдруг вернуться.

Это говорилось уже вполне добродушно, так как подросший за это время Олечка уже сам папу разыскал и подружился.

А тогда, возвращаясь на станцию, огорченный Второв вдруг развернулся и пошел прямо на расслабившихся филеров, буравя злобным взглядом каждого поочередно, словно намереваясь от души врезать за бесполезное сидение под бузиной. Те смотрели растерянno, не успев приготовить нейтральное лицо, Михайлов в ужасе застыл — но Леня только молча прошел между откачнувшимися в стороны топтунами, резко развернулся, вновь пронизал и уже тогда, довольный, поднялся с Михайловым на платформу...

А лучше всех от слежки уходил Володя Буковский — уходил, убегал, уезжал — с его знанием московских проходных дворов и закоулков. Азартнее всех переживал преследование Петя Якир: казалось, чем больше народу за ним ехало, тем в больший восторг он приходил. Что до Михайлова, то за ним, конечно, так не следили, как за первыми двумя, но один изящный уход за ним числится.

Как было уже сказано, подъезд якировского дома находился под круглосуточным присмотром. В тот день была насущная необходимость срочно и непременно передать французскому корреспонденту пару машинописных

листочков с горячей информацией об очередной гадости режима. Открыто проделать это было опасно даже для Михайлова, но у него был запасной вариант на такой случай. Дело в том, что внешние наблюдатели, не сводившие зачоченевших глаз с подъезда, не учли: с лестничной площадки между первым и вторым этажом можно было сигануть через окно во двор — размеры окна позволяли. Михайлов и сиганул. Во дворе не было никого, кроме детского сада, галдящего в своих песочницах. Михайлов задрами прошел в метро и в назначенный срок был в условленном месте. К Якиру он вернулся снаружи и был вознагражден, увидя, с каким недоумением вскочил со своей скамьи дежурный наблюдатель. Однако на том и кончился запасной вариант: утром лестничное окно было наглухо замуровано кирпичом. И сейчас, через четверть века, так замурованным и пребывает. Желающие могут убедиться, если наведаются к дому № 5 по Автозаводской улице и, пройдя в левую арку, посмотрят на правую стенку. Московский мэр имеет все основания присобачить к кирпичам табличку с надписью:

«Одноразовое окно в Европу.

Отсюда 12 марта 1971 года направилось к мировой общественности очередное сообщение о преступлениях Кремля.

Да здравствует гласность!»

Два рассказа Виктора Некрасова

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эту свою очередную документальную новеллу из книги

«Однажды Михайлов...» автор хотел бы не столько посвятить, сколько адресовать хорошему человеку — С.Ф. Глузману. С небескорыстной целью.

Хороший человек живет в Киеве. В 60-е годы это был скромный, негромкий молодой человек, начинающий психиатр, который подобно многим медикам (Булгаков, Чехов, Арканов, Вересаев) собирался еще и в литературу, пробовал силы в прозе и стихах и первые свои опыты носил учителю, а затем и другу — Виктору Некрасову. И хотя имя юноши было Семен Фишелевич, звали его тогда почему-то Славик, так он Славиком и остался по сей день для близких людей.

Но в начале 70-х наш скромный Славик отмочил такую штуку: взял и составил собственную психиатрическую экспертизу опальному генералу Григоренко, известнейшему нашему правозащитнику, — и из этой экспертизы неуклонно вытекало, что генерал абсолютно здоров и, следовательно, поставленный ему диагноз — шизофрения — есть акт карательной медицины, с помощью которой власти преследуют диссидентов. Понятное дело, скромного Славика тут же и повязали, и получил он по полной программе 7 лет лагеря плюс 3 года ссылки. И весь этот путь наш Славик прошел на редкость мужественно и какое-то время был наряду с Буковским признанным лидером среди заключенных политлагеря под Пермью. Он отбыл свой срок от звонка до звонка, вернулся в Киев,

а тут подросли и новые времена и началась совсем другая жизнь.

Сейчас Семен Фицелевич — известный общественный деятель, член различных полезных комитетов, в том числе и международных, и нынешние киевские начальники относятся к нему с должным почтением, что, я надеюсь, и поможет в достижении моей корыстной цели.

Однажды Михайлов познакомился с Виктором Некрасовым, автором первой правдивой книги о войне. Это был общительный веселый человек, любитель выпить и побродить по окрестностям. Больше всего он любил и знал два города: Киев и Париж. Он и сам по себе был французский гранд и киевский босяк одновременно.

Он был совершенно ненавязчив и неотразимо обаятелен. Друзья называли его Вика. Михайлов не мог себе этого позволить. У него вообще к фронтовикам было трепетное почтение младшего. Давида Самойлова он тоже Дезиком называть не мог. Давид, вы. Булат, вы. К Некрасову — Платоныч, вы.

Платоныча из начальства хвалил только Сталин. Да, вот так: Фадееву за 1% правды в верноподданном романе «Молодая гвардия» — жестокий разнос, Некрасову за 100% — премию имени себя. О таких говорят: он соткан из противоречий. Хрущев не был соткан и последовательно разносил Платоныча за независимость характера и речи. А при Брежневе его достали так, что не вздохнуть. И он эмигрировал.

Между тем за Платонычем ничего такого особенного не водилось. Все-таки Галич сочинял прямую крамолу. Войнович учинил непростительную свою «Иванькиаду». Уж не будем говорить об Исаиче. Платоныч же просто позволял себе жить непозволительно свободно: читал, что хотел, говорил, что хотел, дружил, с кем хотел. В Москве бы его не тронули — Киев же никак стерпеть его не мог: провинция всегда злее казнит (и быстрее прощает).

Но два вполне диссидентских поступка Михайлов за Платонычем знал.

В 67-м году, осенью, узнав, что киевские евреи собираются на стихийный митинг по случаю 25-летия расстре-

ла в Бабьем Яру, благо официальный митинг власть не разрешила, небольшая московская компания друзей славного диссидента Пети Якира вдруг легко встала из-за стола, за которым сидела, и в одно мгновение оказалась сначала на Киевском вокзале, а наутро — и в самом Киеве. Ибо Петя Якир был человек азартный. Вместе с ними и Михайлов оказался в этой незаметной лощине, где приютился небольшой казенный камень с обещанием «на этом месте воздвигнуть памятник жертвам», — лишний раз подчеркивая своей сиротливостью органическую неспособность Софьи Власьевны (псевдоним советской власти) к благородным поступкам. За четверть века она еле снесла этот камешек. Скорей всего из желчного своего пузыря.

Собралось много народу. И огромное количество госбезопасности с милицией, готовые накинуться. Но команду все-таки не дали.

По толпе прокатывалось: «Будет Некрасов... будет Некрасов...» Показалась толпа людей, в центре медленно шел Платоныч. Вот он приготовился говорить. Ни трибун, ни микрофонов, ни хотя бы матюгальника. Михайлов пробился поближе. Все замерли, чтобы расслышать. Некрасов сказал (как запомнилось Михайлову):

— Четверть века назад на этом месте фашисты расстреляли сто сорок тысяч мирных жителей. Среди них были русские, были украинцы. Но первые сто тысяч были евреи.

Впоследствии Михайлов навестил Бабий Яр, когда там поставили-таки эту общенациональную скульптурную группу, и подивился, как это начальство умудряется даже и с помощью интернационализма выразить свой антисемитизм.

Через некоторое время за Платоныча взялись как следует: со слежкой, прослушиванием, перлюстрацией, обыском и увольнением отовсюду (когда его исключили из партии, он говорил: «Положил партбилет — и даже удивился, какое испытал облегчение, словно гора с плеч. Оказалось, сорок лет таскал на себе гору!»), но главное — полностью закрыли возможность печататься. Его книги изымались из библиотек, а имя — изо всего, где оно было. А ведь ни в какие сахаровские комитеты не входил, никаких листо-

вок не расклеивал — он просто чихал на Софью Власьевну, и в этом-то и состояло все его диссидентство, для нее нестерпимое.

И он уехал. На прощание навестил друзей, побывал и в Москве, где попрощался с Михайловым.

— Понимаешь, — сказал он, — мне моей капитанской пенсии, сто двадцать рэ, вот так бы хватило, я бы ни за что не уехал, но сознавать, что ежедневно, да просто каждую секунду могут войти и грязными своими лапами выдрать прямо из машинки то, что ты только что сочинил, — с таким сознанием жить невозможно.

А накануне отъезда в лучших традициях романтических революционных историй, уходя темной ночью от слежки на старой «Победе» друга, Платоныч увез вместе с ним куда-то во тьму свои архивы, и два седых фронтовика закопали их в надежном месте. И так и неизвестно, выкопал ли их кто-нибудь в новейшие времена...

Друг его, физик-атомщик, доктор наук Илья Владимирович Гольденфельд, тоже был человек необычный. Он все гордился: и докторскую защитил — и в партию не вступил; и ядром занимался — и без секретности обошелся, свободно выезжал за рубеж, пока не коснулась и его опала некрасовская. И тогда он — вдруг, разом, всем своим обширным гнездом — снялся и улетел в Израиль. И там ему так как-то вольно зажилося, что однажды он написал Михайлову: мне кажется, что я до сих пор и не жил. Михайлов даже обиделся.

Илья с Викой там, конечно, виделись, и не раз, и гуляли по Парижу: это было любимое занятие Платоныча — знакомить заезжих приятелей со столицей мира, он и Михайлову в открытках все обещал свою, некрасовскую, экскурсию. Он тоже воспользовался вовсю внезапной возможностью ездить куда захочется, и если, например, Илья только собирался пересечь Средиземное море на собственной яхте, то Михайлов еле успевал удивляться, из какой еще Гонолулы напишет ему Платоныч.

А теперь лежат два друга, два закоренелых киевлянина: один — под Парижем, другой — в Иерусалиме. Правда, и Софья Власьевна ненадолго их пережила. Жаль, что не они — ее.

Булат как-то сказал Михайлову:

— Знаешь, что такое счастье? Это когда в Париже лежишь в номере, а перед тобой на диване растянулся Вика и — ля-ля-ля-ля...

Году не хватило Платонычу с Михайловым вот так же полялякать...

А второй диссидентский подвиг Некрасова был чисто писательский.

Накануне его 80-летия Михайлов пришел в «Общую газету» к Егору Яковлеву и сказал:

— Хотите сенсацию? Я, Михайлов, лично слышал здесь, в Москве, в начале 70-х годов, как Некрасов читал вслух два своих крамольных рассказа. С тех пор ни там, ни здесь их никто не публиковал. Пошлите своих людей в Париж, пусть свяжутся с наследниками, у них наверняка сохранилась рукопись.

К изумлению Михайлова, Егор Владимирович повернулся в кресле, потыкал в кнопки телефона и сказал в трубку:

— Париж? Юра? Привет, это Егор. Послушай... — и изложил все сказанное выше.

Юрой оказался наш посол во Франции. Но, видно, Юра не справился. Либо у наследников ничего не нашлось. Оба рассказа Платоныча так и остались, таким образом, для Михайлова только в его памяти. Две совершенно криминальные новеллы, которые Платоныч сочинил здесь и тогда, и опубликуй он их тогда же на Западе — вполне мог поехать в сторону, Парижу противоположную. Назывались они: «Ограбление века» и «Король в Нью-Йорке».

ОГРАБЛЕНИЕ ВЕКА

Речь ведется от лица Некрасова В.П. Лауреат Сталинской премии, орденоносец-фронтовик, член КПСС и Союза писателей Украинской ССР, заявился как-то утром к не менее знаменитому орденоносцу и лауреату, драматургу и академику, да что там — к самому председателю Верховного Совета Украины Корнейчуку А.Е. Последний удивился неожиданному визиту и еще более удивился,

когда Некрасов В.П. предложил ему собрать и положить на стол все ценное, что есть в роскошной квартире мало-российского Шекспира. Попытка свести дело к шутке ни к чему не привела, так как Некрасов вытащил свой фронтовой пистолет и всем видом и тоном показал, что шутить не намерен. Корнейчук, конечно, собрал, что набралось, а набралось, хотя главные деньги лежали на книжке, все равно немало. Среди прочего — золотой портсигар.

Некрасов сложил ценности в балетный чемоданчик и двинулся было уходить, как вдруг его осенило. Он снял с полки свежую книгу Першого письменника Украины и повелел сделать дарственную надпись ему, Некрасову, причем пометить ее завтрашним числом. Засим удалился.

Через день раздался звонок из Писательской спилки от секретаря — не то Коваленко, не то Козаченко. Сму-щаясь и хихикая, Коваленко чи Козаченко сообщил, что старик Евдокимыч совсем с ума зъихав, говорит, что ты его ограбил. Надо как-то реагировать, Виктор. Заходи, будь ласка.

Некрасов зашел и посоветовал дело замять, показав книжку с дарственной надписью, сделанной вчера. Так и поступили. И дело заглохло за вопиющей нелепостью иска.

Помучив Евдокимыча некоторое время, Некрасов пригласил его на берег летнего Днепра для разговора. Там орденоносец-фронтовик лениво раскинулся в плавках на золотом приднепровском песочке и так пребывал, когда среди пляжной публики показался унылый Евдокимыч в костюме с головы до ног. Раздеться и позагорать отказался. Некрасов перешел к делу. Он обещал вернуть награбленное в обмен на две вещи: Корнейчук все эти ценности жертвует в Фонд защиты мира; а во-вторых, выступает в защиту Синявского и Даниэля. Тот согласился. Но впоследствии выполнил только первое условие. Правда, и Некрасов вернул ему не все: золотой портсигар все-таки отложил — для друга Борьки, собирателя портсигаров.

Платоныч читал оба рассказа у своих друзей Лунгиных. Когда кончил про ограбление, Михайлов не удержался:

— Платоныч, покажите портсигар.

Настолько достоверно все было описано!

КОРОЛЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

О том, как Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин проснулся в своей резиденции в Нью-Йорке, куда он прибыл на Генеральную Ассамблею ООН. Он проснулся и стал вспоминать вчерашнюю беседу с Линдоном Джонсоном, президентом США. Как они сидели друг против друга, два почтенных джентльмена, в чем-то похожие: оба стрижены бобриком, у обоих одинаковые мешки под глазами. Линдон приглашал к душевному разговору, Алексей же Николаевич, проклиная себя, натужно отвечал ему цитатами из выступления на ассамблее.

Помощник Косыгина, он же приставленный чекист лейтенант Гончаренко, принес почту. Разбирая ее, Косыгин заметил на конверте слово «Керенский» и обратный адрес. В самом деле: лично Александр Федорович, то есть бывший российский премьер, приглашал нынешнего, то есть Алексея Николаевича, на рюмку чая. Косыгин отнесся к этому с раздраженным недоумением, однако письмо засело, пустило корни и вскоре заполнило голову, и он не выдержал искушения. Гончаренко повез его по адресу. За два дома Косыгин приказал ему остановиться и пошел один, заматавая следы от Гончаренко. Открыла опрятная старушка — супруга, и Алексей Николаевич был встречен лично Александром Федоровичем, препровожден в кабинет, и, слово за слово (и по рюмочке, и по глоточку), беседа завязалась.

Они сидели друг против друга, два старика с одинаковыми седыми бобриками и дряблыми подглазьями. Однако в отличие от посиделок с Джонсоном напрягаться и цитировать речи не надо было, и вскоре оба заговорили за просто:

— А Китай-то вы просрали!

— Китай — не спорю, да, просрали, но Куба — наша.

Уходить было неохота, да куда ж денешься. Угрюмо добрел советский премьер до Гончаренко, тот, не говоря худого слова, отвез восвояси. Наутро неугомонная дочь, бурно знакомящаяся с Америкой, утащила его смотреть Ниагару. Алексей Николаевич стоял на смотровой пло-

щадке, но ни великолепие пейзажа, ни вид мощного и непрерывного низвержения огромной массы воды не трогали душу Председателя Совета Министров СССР: одна мысль томила его — до чего же ему все это смертельно надоело.

Вот все, что сохранила память Михайлова (не самая сильная его сторона). И я предлагаю эти записи в надежде (слабой), что все-таки найдутся где-нибудь, всплывут оригиналы двух прелестных новелл Платоныча. Ведь им уже без малого 30 лет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Оказавшись в Иерусалиме, познакомился я с Жанной, вдовой Ильи Гольденфельда. И что же? Оказывается, у незабвенного Вики был еще и третий рассказ — как она вспоминает, о страстях, разыгравшихся на заседании домкома в октябре 64-го года по поводу снятия Хрущева. Тоже нечто саркастическое из области советского абсурда. Где? Где же разыскать все это? И тут Жанна подала ценную мысль — навести справки в Киевском КГБ: а вдруг среди материалов, отобранных на обыске у Некрасова, и затесались эти шедевры? Вот и адресуюсь я к Семену Глузману, к дорогому нашему Славе: не постучится ли он в эту интересную дверь? Теперь ему не откажут. Вдруг раскопает он в этих потемках чистое золото некрасовской прозы?

9 то сейчас Вячеслав Иванович Бахмин важное лицо,

ответственный сотрудник МИДа, а лет 30 тому он был учеником известного колмогоровского питомника для вундеркиндов: 18-й физматшколы при МГУ, как раз когда Михайлов там работал. У Бахмина литературу вел другой педагог, но все равно Михайлов знал Вячеслава Ивановича, поскольку тот пел у него в ансамбле. Михайлов сочинял целые мюзиклы на местные темы для колмогоровских гениев, что, кажется, не очень нравилось самому Колмогорову: все-таки Андрей Николаевич, один из первых математиков мира, интеллигент европейского класса, стремился воспитывать вкусы будущих ученых на Моцарте и Стравинском. Однако воспитанники легко делили любовь к музыке между Моцартом и Михайловым, отчего их художественный вкус только развивался.

Знакомство Бахмина с Михайловым продолжилось и далее, когда их объединило уже нечто более серьезное, чем школьные спектакли, а именно: общественное политическое негодование в конце 60-х годов.

В 1969 году исполнилось 90 лет со дня рождения Сталина и 16 — со дня его смерти. За этот последний период стало ясно, что хотя с деспотом разобрались, деспотия осталась. К славной годовщине подоспели — одно за другим — процесс Синявского — Даниэля (66-й г.), крымскотатарские волнения (67-й г.) и весь 68-й: процесс Гинзбурга — Галанскова, оккупация Чехословакии, демонстрация семерых на Красной площади против оккупации, первые выпуски «Хроники текущих событий», брошюра Сахарова и т.д. Ожидалось, что наверху реакционеры и

мракобесы воспользуются 90-летием Усача для полной его реабилитации. Естественно, возникла идея превентивного удара. Михайлов услышал ее от Бахмина.

Заговорщиков было шестеро. Михайлов знаком был со всеми, кроме самого главного конспиратора — Володи. Бахмин таинственным голосом поведал, что Володя находится в надежном подмосковном месте и у него-то все и подготавливается.

Юбилей вождя собирались отметить так. Написать листовку о безобразиях сталинщины — прежней и текущей. Приготовить несколько сотен экземпляров. Наполнить ими коробки из-под обуви, зарядив на дне простенькое выбрасывающее устройство с пружинкой. Вы небрежно идете по 2-му этажу ГУМа среди толпы озабоченных граждан и как бы невзначай забываете коробку на широких перилах. Нажимаете тайную кнопку, смешиваетесь с толпой и через шагов двадцать с наигранным удивлением оборачиваетесь на шум: что такое? Да вот, лежала коробка чья-то из-под обуви, вдруг как щелкнет, и оттуда веером — представляете? — листовки против Сталина! Ах, какой ужас! — и с лицемерной досадой на лице вы пробираетесь к выходу и растворяетесь в сумерках. Приблизительно так мерещилось дело Бахмину и его команде.

Они были чрезвычайно увлечены замыслом. Некоторые из них еще в школьном возрасте расклеивали листовки по телефонным будкам. Тогда обошлось. Но теперь они все были студентами, и это уже была не игра, а то, за чем могла последовать настоящая тюрьма, без дураков. От сего сознания душа сладко замирала и неслась все быстрее дальше: будь что будет. У таинственного Володи уже хранился первый тираж. Обсуждался еще один текст. Главным автором была Ира Каплун, девушка своевольная, черноглазая и азартная. Команда знала, что Михайлов от революционного дела отошел ради своего сочинительства, но по старой памяти и из уважения к заслугам они приносили ему свои тексты на редакцию, и он, морщась, правил пунктуацию и стиль. Морщился же он главным образом не от грамматических ошибок, а от собственного позора: дети идут на риск, жертвуют собой для высшей цели, а он, со своим сочинительством, наскоро расставляет запятые в их не очень складной листовке —

лишь бы отделаться, лишь бы уж совсем не опускаться до откровенного отказа. Поэтому Михайлов почти обрадовался, когда Ира, блестя глазами, сообщила:

— А за мной — хвост! — и поспешно добавила: — Нет, нет, не беспокойтесь, я от него удрала. Я его отправила малой скоростью.

На революционном языке это означало: заметив за собой следопыта, не подавать виду, что тот замечен, спокойно войти в вагон метро (в салон автобуса, троллейбуса, трамвая), дождаться, когда хвост втянется следом внутрь, и в последний миг, прежде чем двери захлопнутся, выскочить наружу, провожая ликующим взором бледного от злобы хвоста.

Михайлов сказал:

— Схожу-ка я за сигаретами, погляжу заодно.

На углу дома стояла телефонная будка. Молодой человек в штатском что-то горячо кричал в трубку. Михайлов, проходя, придержал шаг, и до него донеслось:

— Это ужас что такое, Виктор Иванович! Ведь она что делает! То в вагон — то обратно, то в вагон — то обратно, не знаю, как успели!

Успели все-таки. Хотя и малой скоростью, но груз прибыл. Вернувшись с сигаретами, Михайлов вынужден был революционерку огорчить. А вскоре известно стало, что и Бахмин, и остальные тоже засветились. Кроме таинственного подмосковного Володи. За него Слава по-прежнему ручался, что там все чисто. Однако Михайлову ясно было, что госбезопасность компанию засекла и добраться до конспиративного Володи ей теперь плюнуть раз. Можно было со спокойной совестью отказываться от замысла, и Михайлову надлежало лишь навалиться на конспираторов всем своим авторитетом и отговорить.

До славной годовщины оставалось недели три, когда он собрал всю команду, кроме подмосковного Володи, у себя дома и стал рисовать перед ними мрачную картину их ближайшего будущего, напирая на практическую бессмысленность затеи: и взять возьмут, и до подвига не допустят. И так уже сколько народу пересажено — так хоть за совершенные «злодеяния». А тут — ни деяния, ни свободы. И вообще кадров все меньше, а дела все больше, и эдак расходовать иссякающие силы просто бездарно. Крас-

норечив был Михайлов в этот вечер и очень просил компанию проникнуться его вескими доводами и непременно довести их до Володи из Подмоскovie, которому в силу его столь вызывающей конспиративности достанется, может быть, больше, чем остальным.

Заговорщики приуныли, однако доводами прониклись и даже не то чтобы обещали подумать, а прямо тут же согласились подвига не совершать и 21 декабря на головы посетителей ГУМа ничего со второго этажа не обрушивать. На том и разошлись.

Славу тут же взяли в метро. Иру и Олю — днем позже. А к Михайлову наутро явились с обыском.

Это был первый шмон в жизни Михайлова. Потом он пережил еще один — у себя, и три на стороне. Однако, наслушавшись опытных людей, он был психологически готов. Но организационно — нет. Не предвидел и загодя не почистился, так что крамольной литературы накрыли у него немало.

Галину Борисовну представлял майор Бардин. Он был сух, официален, неприязнен и противен. Поэтому Михайлов, не ожидая от майора ничего хорошего, испугался и спас его портфель от сраму. За это его долго презирали родные и близкие.

У Михайлова был кот Паша. Будучи котенком, он как-то прыгнул за пролетающей птичкой с пятого этажа. Внизу его принял сугроб, но что-то такое в нем навсегда отшибло. В итоге он стал мочиться мимо надлежащей ванночки по произвольно выбранной цели. Больше всего его устраивало постельное белье, только что принесенное из прачечной. Михайловскую кухню он навек лишил пары импортных сапог, нассав в один из них неизгладимо. Никакие ванночки с отборным, только что не золотым, песком его не соблазняли. И еще он до страсти обожал открытые портфели. Таким образом немало было погублено бумаги у Михайлова, включая школьные сочинения и тетрадь с либретто двух мюзиклов. Поэтому, заметив, как Паша устроился в полураскрытом портфеле майора Бардина, Михайлов злобно вздрогнул. В одно мгновение представилась ему вся красота предстоящего: майор, изгнав Пашку из портфеля, вдруг замирает, поводя носом. Чутье профессионала неизбежно приводит его к ядовитым сле-

дам пребывания кота среди документов. Майор наливался яростью — и тем не менее он бессилен: не обвинять же кота в злонамеренности мочеиспускания. Не орать же на молча ликующего хозяина: «Я знаю, чьих это рук дело!» — размахивая влажным портфелем. Нет, майор не станет орать. Промолчит в холодном бешенстве. Зато в финале обыска отрывисто бросит: «Собирайтесь, поедете с нами», — да и засунет в камеру дня на три как задержанного, имеет право. Вот что, к сожалению, вытекало из Пашиного недержания. И Михайлов молча вытянул кота за шкурку из майорова портфеля, так и не дав мечте осуществиться.

Меж тем бойцы невидимого фронта готовили найденные материалы к занесению в протокол, т.е. собирали в стопочку на столе все, что постепенно находили: книги, тетради, записки, письма. Бардин был на сортировке: все подозрительное описывал и складывал в бумажный мешок, а все благонамеренное отодвигал в сторону. Иногда возникали мелкие дискуссии.

Михайлов: А это зачем? Это же стихи Ахматовой.

Бардин: Да, но американское издание.

Михайлов: Ну и что, что американское? Джинсы вы же не изымаете?

Бардин: Вы предисловие читали?

Михайлов: Да вырвите его, мне не жалко.

Бардин: Ну, зачем же книгу портить.

В очередь к майору один за другим выстроились на полу четыре ящика из книжного шкафа, полные бумаг. Пока майор описывал первый, Михайлов окинул взглядом остальные три и вдруг похолодел: в последнем ящике, с самого верху, во всем своем наивном бесстыдстве, лежал черновик юбилейной листовки, написанный рукой Иры Каплун четким ученическим почерком, — вопиющая улика, совершенно непростительная для конспираторов: рукописные материалы прямо вели к уголовной статье, поэтому их во что бы то ни стало надлежало по получении немедленно перекачивать на машинку и предавать огню

или унитазу. И вот на тебе: лежит, как ни в чем не бывало, прямо сверху в четвертом ящике, и очередь неумолимо приближает улику к майору.

Михайлов подошел к столу, указал на уже проверенные папки, спросил: «Можно убирать?» — «Да, пожалуйста». Он взял папки и, пронося над четвертым ящиком, уронил нижнюю на него. «Пардон», — сказал Михайлов, и когда поднял папку, листовки сверху уже не было. С бьющимся сердцем Михайлов стал ждать разоблачения. Его не последовало. Подвиг был благополучно совершен.

Следующий обыск Михайлов пережил в начале 70-го года. Процедурой руководил симпатичный капитан с многозначительной фамилией Губинский. Видна была явная неохота, с какой он перебирал михайловские архивы, и половину бы, точно, оставил, если бы не мордатый ветеран щита и меча, злой и въедливый его помощник. Увидев в руках Губинского Евангелие своего прадеда, угода-ско-заводского священника Василия Павловича Всесвятского, крестившего самого Жукова, Михайлов занервничал и попросил не трогать. Губинский листнул и отдал. Но сволочь мордатая перехватил и указал на изнанку обложки, где рукой предка аккуратно было начертано: «Евангелие свящ. Всесвятского Василия Павловича». Губинский вздохнул и опечатал. Собственноручные надписи на книгах рассматривались жандармами как самостоятельные тексты и подлежали проверке. Мало ли какой такой «свящ.».

Славу и Иру продержали в Лефортовском следственном изоляторе КГБ несколько месяцев. Убедившись, что они отказались от замысла еще до ареста, их отпустили. Оле досталось хуже всего: ее отправили в Казанскую спецпсихушку (психиатрическая больница-тюрьма). После освобождения она эмигрировала во Францию. А Ира и Слава через некоторое время организовали комитет, разоблачавший советскую карательную психиатрию. На сей раз Вячеслав Иванович загремел в лагерь, честь по чести, на 4 года. Взяли бы и Иру, но она погибла в автомобильной катастрофе в 80-м году.

Что касается подмосковного Володи, то по ходу след-

ствия выяснилось: за месяц до ареста компании главный конспиратор явился в КГБ и сдал их со всеми потрохами. Так Михайлов ни разу его и не увидел.

* * *

Здесь описываются события 69-го года. Михайлов предстает на их фоне бывалым и мудрым подпольщиком. А всего за два года до этого он и сам печатал листовки. Глухой ночью, на подмосковной даче, в небольшой компании, одушевленной присутствием необыкновенно красивой Таты — печатал листовки фотоспособом наперебой с Володи Лебедевым, которого тогда звали так же, как теперь Чубайса, — Рыжий. Но тогда в слово вкладывалась только нежность.

Для фотоспособа было заготовлено все, кроме красного фонаря. Красавица Тата пожертвовала свою комбинацию. Чего только люди не кладут на алтарь. Карточки были 10х15, текст был сочинен и исполнен Михайловым левой рукой печатными буквами.

Наутро следы преступления сгнули в пламени. Участники расходились по очереди. Михайлов с Лебедевым, поминутно озираясь, приехали электричкой в Москву, где все утро разносили по почтовым ящикам конверты с печатными буквами: «Литературная газета»; «Новый мир»; «ЦК ВЛКСМ»; «Morning Star» и т.д... Штук 100, наверно, было конвертов этих.

О чем листовки? О тогдашних мерзостях режима, о чем же еще. Хоть какой-то резонанс? Ни малейшего. Только это вот воспоминание: ночь; зима; черные тени; азарт и страх одновременно...

Если к этому добавить август 1991 г., то Михайлов почти выходит в ветераны Великой Демократической Революции: и тебе листовки, и баррикады. Вот только каторги не было. Галина Борисовна (такая была придумана кликуха для госбезопасности) так и не тронула его. Хотя и подумывала. Но не стала.

Однажды Михайлова вызвал следователь КГБ Алек-

сандровский. Имя-отчество его было легко запомнить: Павел Иванович, как у Чичикова. Однако на Чичикова наш Павел Иванович никак не походил: у него было совершенно мужицкое, с грубыми чертами лицо — то есть скорее Собакевич, уж если на то пошло. Но от Собакевича наш Павел Иванович категорически отличался в сторону разнообразной и широкой образованности. Михайлов даже как-то раскланялся с ним — не где-нибудь, а в Театре на Таганке, куда Павел Иванович пришел совсем не по службе, а по культурной потребности (впрочем, не исключено, что и по службе). Видели его люди и в Консерватории, в Большом зале, и в Ленкоме у Захарова. Говорят, за успешное доведение известного диссидента Вити Красина до кондиции (то есть до полного раскаяния в содеянном) он был произведен в майоры и написал будто бы диссертацию «Методика допроса по 70-й статье». Не то сначала диссертацию, а после уж в майоры.

70-я статья Уголовного кодекса в Советской России полагалась за хранение, изготовление и распространение крамольной литературы, например, сочинений Солженицына. Наказание было до 7 лет лагерей плюс 5 ссылки. Приложив статью к интеллигенции, можно было всю ее немедленно отправлять на каторгу: кто же тогда не читал крамолу и не передавал товарищу? Однако начальство статью прикладывало лишь к чересчур деятельным. Поэтому в новейшие времена бывший шеф госбезопасности, прямо глядя публике в глаза, с легкой душой отчеканил:

— Мы исполняли закон. Какой был закон, такой мы и исполняли.

За этим угадывалось продолжение:

— И скажите спасибо, что прикладывали выборочно.

Наш Павел Иванович как раз и был талантливым прикладывателем 70-й статьи к диссидентам. Ему мало было справлять должность, ему нужно еще было чувство справедливости и превосходства, а то иначе он выглядел бы держимордой и душителем всего живого. Ну, какой же Павел Иванович душитель? Да боже упаси. Да он и сам, несомненно, был не чужд критической мысли, но право ее выражать оставлял всецело и исключительно за начальством.

Размышляя дальше, Михайлов усматривал, что в этом пункте следователь КГБ и рядовой свободомыслящий гражданин полностью совпадали. Оба они как бы с гневом обращались к диссиденту:

— Я не глупее тебя: я не хуже тебя вижу гадости и недостатки, но я молчу, ибо заявлять себя противу начальства бесполезно. А ты заявляешь, думая, что тем самым ты храбрее меня. Но от такой храбрости нет никакой пользы, кроме вреда. Следовательно, я разумнее тебя. И твоя смелость, если покопаться, идет не от ума или совести, а от истерики, тщеславия или психопатии. Так что, как выражался штабс-капитан в «Записках Печорина»: «Дурак ты, братец, пошлый дурак. Ну и пропадай, как дурак».

Михайлов был не дурак, но не сказать чтобы этим очень гордился. Хотя, по правде говоря, в разгар уникального следствия по делу № 24 ему не раз мерещилось и даже в какой-то (небольшой) степени желалось собственное попадание в каталажку. При этом больше всего его смущали не допросы следователей с их криками и угрозами, не суд и приговор, а уголовники, с которыми его вдруг да посадят. Он совершенно не представлял, сумеет ли с ними обойтись. А следователей — нет, их он не боялся и к Павлу Ивановичу шел хотя и уныло, но бестрепетно.

Оказалось, что его позвали на очную ставку с Красным Витей. Цель была — объяснить Михайлову, а через него многочисленным московским диссидентам, какое это особенное дело — № 24.

Формально оно касалось только «Хроники текущих со-

бытий». Это Наталья Горбаневская и Илья Габай придумали в 68-м году выпускать регулярный бюллетень о текущих преступлениях Софьи Власьевны (так любовно именовали в обществе советскую власть) и Галины Борисовны (госбезопасность). Идея витала в воздухе и сразу стала плодотворной. «Хронику» — два-три десятка страничек на пишущей машинке — собирали по всему Союзу самые разнообразные граждане — крымские татары, питерские студенты, московские учителя, прибалтийские священники: кого когда взяли, кого обыскали, кого сослали, арестовали, засудили, выдворили — за чтение Авторханова, за пение Галича, за письмо в газету, за анекдот о Брежневе, за баптизм, сионизм, национализм, антисоветизм... «Хроника» повела этот счет, и вела его 16 лет. Сначала ее выпускала Наташа Горбаневская, пока не арестовали; затем Тоша Якобсон, пока его не выперли в Израиль; потом Шиханович, Ковалев и другие, пока не пересажали всех. Все-таки последний ее номер вышел в 84-м году. А тогда, в 72-м, на 26-м выпуске, решено было капитально покончить и с «Хроникой», и с диссидентством. Завели дело № 24, взяли двух видных бунтарей — Якира и Красина (матерые сидельцы, еще сталинского призыва) и дали понять всему их обширному окружению: прекращайте и «Хронику», и вообще все — тогда, кроме этих двух, никого не тронем, даже если у вас руки по локоть в самиздатовских чернилах. Не делайте из нас кровавых жандармов. Побаловались — и хватит. Но, конечно, если не перестанете, то и мы не прекратим. Получите кровавых жандармов, раз вам так хочется. Конкретно: если выйдет 27-я «Хроника», возьмем Ирину Белогородскую. Так вот прямо и передали.

Матерых сидельцев удалось расколоть и сломать. И, сидя с Михайловым на очной ставке, Красин, с несчастными глазами, внятно излагал эту жандармскую установку, упирая на то, что хватит бессмысленных жертв, что, надо сказать, было Михайлову близко. Александровский сидел в стороне, укрывшись за «Литературной газетой». Михайлов сказал:

— Витя, а что ты меня агитируешь? Ты же знаешь: я уже давно этим не занимаюсь. Ну, а раз тут у вас такое необычное следствие, все так прямо, откровенно, возьми

да изложи все это на бумаге — кому надо, пусть сами прочтут.

Здесь Александровский встрепенулся и сказал, что мысль интересная, что надо подумать. Впоследствии она была осуществлена. Витя такое обращение написал. Кому надо, собрались, прочли и заклеили Витю презрением.

После очной ставки Павел Иванович попросил Михайлова задержаться. Он уселся на край стола и сказал:

— Есть такая притча. Попали на тот свет убийца и писатель, автор крутых детективов. Предстали они перед господом. Он ознакомился с прегрешениями каждого, разбойника простил, а писателю назначил геенну огненную. Тот взмолился: «За что, Господи? Убийцу Ты прощаешь, а я ведь пальцем никого не тронул. Почему же мне геенна?» А бог ему отвечает: «Твой грех тяжелее. Тот — однажды убил и покаялся, а твои книги до сих пор ходят по земле и сеют кровь и зло». Как говорится: *habent sua fata libelli*.

«Книги имеют свою судьбу» — до такой степени латынь Михайлов, слава богу, еще помнил. Но каков Павел Иванович! Между тем он продолжал:

— Всю эту вашу «Хронику» можно представить себе в виде большой машины. На поверхности мелькают, шумят какие-то детали, блестят шестеренки, вроде Белогородской, они первые и бросаются в глаза. Но мы-то с вами понимаем, что там, внутри, вдали от посторонних глаз, работает главный двигатель, незаметно и бесшумно, но именно он вращает эти детали и крутит шестерни, а значит, он и должен отвечать за всю машину, вы понимаете меня?

«Так-с, — подумал Михайлов. — Бочка явно катится на Тошу Якобсона. Ваши тонкие намеки ясны и слепому. Вы уже давно на Тошу глаз положили. Могли бы и без этих обиняков». Вслух же он сказал:

— А что, Павел Иванович, следствие у вас такое необычное, откровенное, прямое, — может, вы так прямо и скажете, кого вы имеете в виду, а я ему передам?

Павел Иванович поколебался, помедлил, да и махнул рукой:

— А! Ладно. Так и поступим. Передайте этому человеку: нас интересует — когда, как и при каких обстоятельствах были изготовлены 11-й, 15-й и 18-й выпуски «Хро-

ники», а фамилия человека вам хорошо известна: Михайлов.

Михайлов уставился на Александровского в полнейшем изумлении: вот так номер! Ведь это же прямо сцена из Достоевского: «А ведь убили-то вы, Родион Романыч». И в развитие этого шока, почти непроизвольно, Михайлов спросил:

— Но почему 15-й?

Александровский рассмеялся, мигом вышел и вернулся с бледной ксерокопией 15-го номера из эмигрантского журнала «Посев». Михайлов полистал и вздохнул:

— Понятно.

И, вставая уходить, пообещал передать Михайлову вопросы Павла Ивановича.

Александровский сказал:

— Да, пожалуйста. И просьба долго не задерживать с ответом. Скажем, недели две Михайлову хватит?

Все две недели Михайлов пытался придумать какой-нибудь убедительный небанальный ответ, лишь бы не общепринятый:

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, так как считаю следствие неправосудным.

Ничего более жалкого нельзя было придумать, тем более для Павла Ивановича. Он тут же насмешливо спросит:

— Ну-с, и почему же оно вам кажется неправосудным?

— А потому что я не вижу криминала.

— Так вот и помогите следствию в этом убедиться.

— Нет, я знаю, что это бесполезно.

— Если вы невиновны, никто вас судить не станет. Слава богу, не 37-й год.

Еще и обидится. Нет, надо что-нибудь посолиднее, вроде: «Эта презумпция не в моей компетенции».

Через две недели Михайлов пришел в Лефортово (следственный изолятор КГБ) и сказал Александровскому:

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, так как считаю следствие неправосудным.

Александровский поморщился:

— Да я особенно и не рассчитывал. Пока свободны.

Михайлов не был героем. И 11-й и 18-й он делал потому, что больше некому было, и он делал их, внутренне

чертыхаясь и досадуя на друзей, заставивших его рисковать службой, которой он дорожил. А 15-й номер «Хроники» он делал на паях, кажется, с Якобсоном, поэтому сразу и не признал.

Через некоторое время все-таки вышел 27-й выпуск. На квартиру, куда вечером принесли первые четыре экземпляра, утром нагрянули с обыском. Вошедшие прямоком направились к шкафу и выдвинули именно тот ящик, где лежал свежий оттиск. Их машина работала не в пример лучше. Вскоре, как и было обещано, взяли Иру Белгородскую.

Уже в горбачевские времена Михайлов, как-то проходя коридором Верховного Совета, столкнулся с Павлом Ивановичем нос к носу.

— Здравствуйте, Павел Иванович! — почему-то радостно сказал Михайлов.

Однако Александровский ответного энтузиазма не проявил:

— По-моему, мы незнакомы.

— Но я же Михайлов. Помните?

— Ну, кто же не знает знаменитого Михайлова.

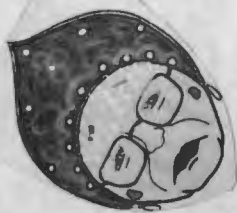
— Да вы же меня еще по 24-му делу вызывали.

— Нет, — сказал Павел Иванович, — по-моему, вы что-то путаете.

Повернулся и ушел!

Русалка на ветвях

ПУШКИНСКАЯ СКАЗКА 2002

Действующие лица

Сашка

Жора

Ученый Кот

Леший

Баба Яга

Карла Черномор

Черномор, Владыка Морей

Русалочка, *его дочь*

Королевич

Царь-Девница, *его невеста*

Бурый Волк

Грозный Царь

Малюта

Царь Кощей

АКТ ПЕРВЫЙ

ПОКА АПОЛЛОН НЕ ТРЕБУЕТ

С а ш к а

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.

Кто не понял, объясняю. Аполлон — это бог поэзии. Время от времени ему требуются жертвы: стихи, поэмы, басни Крылова, песни западных славян. А между жертвоприношениями поэт может свободно погружаться в заботы суетного света, то есть: посещать театры, художественные салоны, появляться на презентациях, тусоваться на банкетах, короче: заботы суетного света — это пьянство, шопинг и азартные игры. А что? Пока Аполлон не требует... (поет) «Что наша жизнь? Игра!» Тройка! Семерка! Туз! Мимо! Тройка! Семерка! Дама! Пиковая! Вот она! Не подвела, старая карга. Я выиграл!

Посыпались деньги.

Гуляем, братцы!

Откуда ни возьмись — цыгане.

Эх, когда мне было лет семнадцать-двадцать-тридцать,
Не раз я в Болдине гулял.
Пока кругом была холера без предела,
Стихотворенья сочинял!

Хор

Вот вино, а вот и чаша,
Наливай ее полней.
Гуляй, Саша, радость наша,
Сердцу будет веселей!
Песню грянем и — по коням,
Куда хочешь полетим:
Домового похороним,
Ведьму замуж отдадим!

С а ш к а

Эх, пока не требует поэта, эксель-моксель,
К священной жертве Аполлон,
То это даже и представить невозможно,
Во что он, бедный, погружен!

Хор

Дай-ка, барин, поцелую,
Ручку мне позолоти,
И тебе я наколдую
Только счастье впереди!
Вот вино, а вот и чаша,
Наливай ее полней!
Гуляй, Саша, радость наша,
Сердцу будет веселей!

С а ш к а

Стойте! Кто это?.. Кто это там?.. Кто там, в малиновом
берете?.. Боже, как она прекрасна!.. Сударыня! Она
смотрит... Она улыбнулась!.. Она зовет! Это принцесса,
никаких сомнений.

Ваше высочество! Я вас люблю... Что? Что такое?

На него набежала толпа.

Г о л о с а

— Александр! Пожалуйста! Это ваша книга — подпи-
шите! Вот тут: «Васе, Тусе и Пупсику!» Пупсик — это я!
— Александр! Программа «Культура». Скажите, что вы
чувствуете, когда вы что-то ощущаете? Вы же ощущае-

те что-нибудь?

— Александр! «Всеобщая газета». Скажите, а когда к вам приходят строки: утром или вечером? Утром или вечером? А когда уходят?

— Александр! «Нью-Йорк-Ньюз». Два слова о вашем правительстве! Два хороших смачных слова!

С а ш к а

Я ненавижу политику! Я ничего не ощущаю! Ко мне никто не приходит! Пустите меня! Где она? Где принцесса? Куда вы дели ее от меня?

Г о л о с а

— Тише! Что вы кричите? Она спит.

С а ш к а

Как спит?

Г о л о с а

— А вы не знаете. Вы не слышали.

— Она спит, спит...

— И проснется только тогда...

С а ш к а

Когда ее поцелует принц?

Г о л о с а

— Когда ее поцелует поэт. Поэт!

— Которого она отличила в толпе...

С а ш к а

Но это же я! Я — поэт, которого она отличила в толпе!

Г о л о с а

— Ну, какой же вы поэт...

— Вы — поэт? Не морочьте нам голову.

— Вы, милостивый государь, болтун, бездельник, пьяница, в лучшем случае — клоун, но уж никак не поэт.

С а ш к а

Я не поэт?! А кто же, по-вашему, сочинил вот это: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...»?

Г о л о с а

— Обманщик! Самозванец!

— Вы, сударь, лжец: это не ваши стихи!

С а ш к а

А вы почему знаете? Вы что, бывали на Лукоморье? Разговаривали с ученым котом? А я — был! И разговаривал!

Г о л о с а

— Какая наглость!

— Да что мы его слушаем? Его надо вызвать на дуэли!

— Ну вот еще! Подумаешь, Пушкин нашелся. Да застрелить его к чертовой матери и дело с концом.

С а ш к а

Ну что же. Это у нас в обычае — убивать родную литературу. Стреляйте! Пушкин не Пушкин — а я поэт!..

Зал. Мрак. Постепенно освещается Сашина каморка с Сашей посередине.

Я поэт... просто — Аполлон меня пока не требует... Ффу!.. Как это меня разобрало, однако. Шампанское, шампанское — что оно делает с человеком! Так и лезет в глаза черт знает что... Нет, все: с этой минуты — только пиво, пиво, ничего кроме пива. Но боже! Как она прекрасна... Где я видел это лицо? Неужели это одно воображение?.. Но тогда как же мне вновь ее увидеть?.. Как вернуть этот сон? Нет, без шампанского тут не обойтись. *(Лихорадочно шарит по карманам, отшвыривая бумажки.)* Все просвистел... все профукал... за газ... за свет... за уборку территории... Это все обязанности! А где права? Где мои ассигнации, облигации, кредитные карточки? Где мое шампанское, черт побери!

Входит Жора.

У вас есть шампанское?

Ж о р а

А много надо?

С а ш к а

Бокал!

Ж о р а

Ноу проблем *(достает из-за пазухи полный бокал)*.

С а ш к а *(взял бокал)*.

Сейчас... сейчас я ее увижу. *(Выпивает единым духом. Медленно открывает глаза, перед ним Жора.)* Нет, это не принцесса... Ты, наверно, Аполлон?

Ж о р а

Я Жора.

С а ш к а

Чего тебе надобно, старче?

Ж о р а

Русалку мне надобно.

С а ш к а

Понимаю. Композитор Даргомыжский, слова Пушкина *(поет)*. «Мне все здесь на память приходит бывшее...» Нет у меня этой оперы.

Ж о р а

А мне не опера, мне русалка нужна.

С а ш к а

Живая русалка?

Ж о р а

Желательно.

С а ш к а

С ума сойти. А какая живая? Русалки бывают: речные, морские, озерные, болотные...

Ж о р а

Мне древесная нужна.

С а ш к а

Древесная? Русалка? Слушай, может, ты обезьяну ищешь? Русалки по деревьям не лазают.

Ж о р а

Объясняю. «У Лукоморья дуб зеленый. Златая цепь на дубе том». Вспомнил? Так вот: «Лукоморье» — это фирма моя. Ну, в смысле, я в ней работаю. Ну, «Лукоморье», ты что? Реклама же на каждом углу. Фирма «Лукоморье» — гулянки, свадьбы, массовый досуг. Ну и вот. Нам для аттракционов русалка нужна. Проект такой. Вроде Диснейленда. Только по-русски. Как бы.

С а ш к а.

Ну, а я тут при чем?

Ж о р а

Мне сказали: ты знаешь. Ну, где русалку эту достать.

С а ш к а

Древесную русалку?

Ж о р а

Ну да! Забыл, что ли? «Там чудеса, там леший бродит...»

С а ш к а

«...русалка на ветвях сидит». Ха! Действительно! Сидит! На ветвях! Да как же она туда залезла? Никогда раньше не задумывался.

Ж о р а

Ну вот. Теперь узнаешь, как. Вставай, поехали.

С а ш к а

Да ты, видать, и правда, Аполлон. Требуешь меня к священной жертве.

Ж о р а

Слушай, хорошие бабки заработаем.

С а ш к а

Жора, а как ты себе представляешь русалку?

Ж о р а

Ну, как. Досюда баба, а отсюда рыба.

С а ш к а

Ты хоть когда-нибудь видел эту баборыбу? Да еще на дереве? А котов, поющих направо и говорящих налево? Нет, Жора, ты не Аполлон, ты Иван-дурак. Стряхни лапшу с ушей! Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что — а ты и потащился. Накололи тебя, Жора! Обули — одели, обманули — обидели, как последнего лоха, но меня-то зачем?

Я человек образованный, Вольтера в подлиннике читал, так что объясняю, кто не понял: сказки все это, Жора, нету их — ни котов, ни дубов, Микки-Маус есть, вот и пускай берут его для своих аттракционов, но чтоб русалка на дереве? Все, свободен.

Ж о р а

Саня! Моя фирма веников не вяжет. И командировку — просто так, чтобы Жору разыграть, она выписывать не будет. И если она говорит, что ты специалист, значит, так оно и есть. Короче, скажи прямо: сколько?

С а ш к а

Подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас?

Ж о р а

Что, тыща баксов тебя не устроит?

С а ш к а

Кудесник! Ты лживый безумный старик!

Ж о р а

Да ничего не лживый! Вон, в контракте вообще строчка пустая, сколько хочешь, столько и вписывай.

С а ш к а *(вскочил, приобнял Жору и повел на выход).*

Да, твой пример другим наука, но, боже мой, какая скука с тобой сидеть и день и ночь, не отходя ни шагу прочь, вздыхать и думать про себя, когда же черт возьмет тебя! *(Выставил за дверь.)* Русалку ему... для аттракционов... Скоро вообще ничего живого не останется.

Жора вновь на пороге.

Ж о р а

Саня! Фирма «Лукоморье»...

С а ш к а

Пшел вон!..

Ж о р а

...фирма «Лукоморье», Саня, скупил все твои векселя и долговые обязательства и завтра же предъявляет их ко взысканию, что повлечет за собою арест, конфискацию имущества и длительный срок заключения под стражей. Одно письмо в месяц, одно свидание в полгода. Или подписывай контракт.

Сашка выслушивает все это с обреченным видом.

С а ш к а *(после паузы).*

Пробили часы урочные. Поэт роняет молча пистолет, на грудь кладет тихонько руку и падает. *(Падает.)*

Ж о р а.

Сань... да ладно тебе. Ну чего ты? Поедем, заберем эту дуру с хвостом, заодно кота говорящего прихватим —

ты что? Это же бабки сумасшедшие! Расплатишься сразу. И на погулять останется.

С а ш к а

Про цепь золотую забыл...

Ж о р а

Тоже вещь. На дороге не валяется.

С а ш к а

«Там чудеса... там леший бродит...» Дальше!

Ж о р а (пожал плечами).

Русалка на ветке сидит.

С а ш к а

На ветвях. На ветвях, а не на ветке! Дальше! Дальше!

Ж о р а

Дальше фирма не заказывала. Русалка, все.

С а ш к а

«Там на неведомых дорожках...» — ну? Не знаешь?

Ж о р а

Да больно надо.

С а ш к а

Ну так узнаешь. Все узнаешь, как миленький. Аполлон люберецкий... Ну, поехали, раз такое дело.

Ж о р а

Просю. Карета подана. 600 лошадей, последняя модель.

С а ш к а

В Лукоморье, брат Жора, ездят не на «Мерседесах», а исключительно при помощи высокого напряжения полюсов воображения. А так как твоя фантазия, кроме баксов, бабок и башлей, произвести ничего не в состоя-

нии, то закрой глаза и доверься Саше. Воображение — это его единственное богатство, больше нету ничего.

Накрывает Жору плащом.

Поехали!

Хор

Вот вино, а вот и чаша,
Как ведется на Руси,
Друг сердешный Алексаша,
Мимо рта не пронеси!
Ну-ка выпьем на дорожку,
Грянем кружку в черепки
И поедем понемножку,
Глядя вдаль из-под руки.
Что-то слышится такое
Непонятное пока:
То ль разгулье удалое,
То ль сердечная тоска...

ПОД ДУБОМ

У Лукоморья дуб зеленый. Под ним озираются Сашка и Жора.

Сашка

Давно, давно меня здесь не было... Что-то здесь изменилось.

Жора

Дуб вижу. А где же «золотая цепь на дубе том»?

Сашка

И в самом деле.

Жора

Видать, кот чересчур ученый оказался. Сбежал вместе с цепью. Хищение в особо крупных размерах. Десять лет строгого режима. Если, конечно, поймают.

С а ш к а

Жора, очнись. Здесь другой кодекс. И потом, никто никуда не сбежал.

Слышится пение К о т а. А вот и он. На нем золотая цепь, как наградная лента.

С а ш к а *(церемонно).*

Мое почтение, милостивый государь. Примите наши искренние уверения.

(Раскланиваются.) Георгий, мой... ээ... спутник. Мещанин. Жора! Ты что: изумленный или невоспитанный?

Ж о р а

Класс! Ну что ты! Супер! *(Представляется.)* Георгий, очень приятно.

К о т

Право, не знаю, как и рекомендоваться. Дон Базилио... Маркиз Карабас... Баюн Чеширский... Бегемот, представьте себе!

Ж о р а.

А цепь — почему не на месте?

С а ш к а

Жора!

К о т

Отчего же? Вопрос резонный. Золотая цепь на дубе том... Идет направо... затем налево... Для своего времени это было естественно. Но теперь — держать на цепи образованных котов, согласитесь, неинтеллигентно. Я ношу ее как заслуженную награду.

Ж о р а

Сума сойти на этом месте! Да нет, ну маска же это, маска!

Идет к Коту, Сашка перехватывает его.

С а ш к а

Жора! Ну, попробуй все-таки уложить это в свои извилины: это не маскарад. Натуральный кот, как ты и я. Только говорящий.

К о т

Да и зачем меня держать на цепи, когда я и так привязан к Лукоморью душой и телом, всей биографией, наконец! Быть привратником Лукоморья — это, судари мои, дорогого стоит. Это вам не преисподнюю сторожить, как какой-нибудь Цербер. Бедная псина! Мрак, духота, поневоле озвереешь. Вы к нам надолго?

С а ш к а

Да как получится. Молодой человек интересуется древесными русалками.

К о т

Какими?

С а ш к а

Древесными. Помните? Тарам-тарам... «Русалка на ветвях сидит»...

К о т

А-а... да-да-да. В самом деле, есть такая.

Ж о р а

Где она?

К о т

Есть, есть, я слышал, мне говорили.

Ж о р а

Ну так где она? В смысле, как к ней пройти?

К о т

Потрясающе! Вы хотите к ней пройти?

Жо р а

Ну хорошо, хорошо — идти-то к ней куда?

Ко т

Послушайте, молодые люди... *(К Сашке.)* Ведь с вами мы знакомы, не так ли?

Са ш ка

Как же, как же, сиживали, было дело.

Ко т

Это может быть интереснейшая история для моего репертуара. Обещайте мне полный отчет о вашем путешествии. Иначе я вас просто не пушу никуда!

Са ш ка

Сударь! О чем речь? Всегда к вашим услугам. Как поэт поэту...

Ко т

Жду. С нетерпением. Итак... *(Выводит на путь.)* Там — чудеса.

Жо р а

Ну?

Ко т

Там — леший бродит.

Жо р а

Ну?

Ко т

Это все.

Жо р а

При чем тут леший, когда русалка?

С а ш к а

Жора! Это Лукоморье, а не справочное бюро. Другой информации не будет. Сказано: идите к лешему. Вот и пошли.

Ж о р а

А почему прямо-то нельзя?

С а ш к а

А это и есть прямо. Чтобы выдернуть репку, Жора, нужна вся цепочка: дедка, бабка... Жучка, внучка... А иначе ходи голодный.

Ж о р а

И здесь, значит, свои инстанции.

С а ш к а

Ну, допустим. Если так тебе понятнее. Двинули?

Ж о р а

А что остается.

С а ш к а (Коту).

До встречи, сударь.

К о т

Оревуар.

Ж о р а

Да нет, не может быть. (Подошел к Коту, схватил за ухо. Яростное шипение, свирепое «мяу!», молниеносный удар.) Ой! Ты что? Я же погладить!

К о т

Ну почему, почему говорящий кот вызывает такой нездоровый интерес? Не все ли равно, вообще, кто говорит — кот, человек, попугай? Важно — что они говорят. А с этой стороны, коты, по-моему, гораздо любопытнее, чем, скажем, собаки. (Пошел направо, запел.) «Уж вечер, облаков померкнули края» — и т. д.

ДОРОГА

Тьма, туман. Скользят тени, раздаются звуки. С а ш к а с Ж о р о й то и дело вздрагивают и озираются. Чьи-то шаги. Внезапный волчий вой.

Ж о р а

Обстановочка... Не понимаю... ты раньше здесь бывал или нет?

С а ш к а

Бывал, бывал.

Ж о р а

Бывал, а дороги не знаешь.

С а ш к а

Здесь каждый раз дороги разные.

Сверху крики.

П е р в ы й

Отпусти! Отпусти бороду, тебе говорят!

В т о р о й

Отнесешь к царевне, отпущу.

П е р в ы й

Я тебя отнесу к царевне! Я тебя к ней так отнесу — костей не соберешь!

Ж о р а

Это кто?

С а ш к а

Черномор. Злой карлик с бородой. Борода волшебная, вся его сила в ней. Однако не всегда помогает. Кто ж его гоняет, не разберу? Это уже второй раз с ним.

Ж о р а

А раньше кто гонял?

С а ш к а

Руслан, кто. Князь Руслан. Вот не читаешь классиков, а потом удивляешься.

Ж о р а

Да в школе, вроде, проходили.

С а ш к а

Вот-вот. Прошли и не заметили.

Показался Бурый Волк.

Ж о р а

Ого!

С а ш к а

Спокойно, Жора. Это свои.

Ж о р а

Вот это волчище. Небось тоже говорящий?

С а ш к а

Ага. Привыкаешь помаленьку?

Ж о р а

Это, значит, как? «Здравствуй, братец, серый волк» — так, что ли?

С а ш к а

Он не серый — он бурый.

Ж о р а.

Бурый — это медведь, Саня.

С а ш к а

Здесьний волк — бурый.

Ж о р а

Да хоть серо-буро-малиновый, лишь бы не кусался.

С а ш к а.

Бурый, Жора, бурый. Смотри, не перепутай: обидится.

В о л к

Ой вы гой еси, добры молодцы! Королевич тут не пролетал?

Ж о р а

Ну, пролетал, не пролетал — это мы потом разберемся, а ты, Серый, сначала нас к Лешему проводи.

В о л к

Что-что?

Ж о р а

Ну, хорошо, бурый, бурый — какая разница?

В о л к *(крепко ухватил Жору)*.

Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, кикимора болотная, имя мое запомнить не можешь, да еще и торговаться вздумал?!

Ж о р а

Да ладно тебе, ты че? Отпусти, тебе говорят! Ну пролетали они, пролетали!

В о л к

Куда пролетали?

Ж о р а

Туда пролетали *(показывает)*.

В о л к *(отпустив Жору, к Сане)*.

Кого ты сюда водишь, Саша?

С а ш к а

Молодой еще, необученный.

Ж о р а

Ладно, «необученный». Знал бы, автомат бы захватил. А то слова не скажи, сразу лапы распускают.

Волк

К нам всякие ходили. Да не все ворочались. Ну, добро. Побежали дале. А к Лешему — по дорожке, и дойдете.

Жора

По какой дорожке? Не видно же ничего.

Волк

След ищи. Где след, там и дорожка. (Исчез.)

Жора

След... след... Ну, вот след. Вот еще один. Саня! Здесь че — страусы водятся?

Сашка

При чем страусы? Это след куриный.

Жора

Тогда в этой курице метров десять.

Сашка

Поменьше. Эта курица одноэтажная.

Жора

У тебя, я вижу, тоже крыша поехала. У кур этажей не бывает!

Сашка

Ты все еще не понял?

Жора

Чего я не понял?

Сашка

Что на Лукоморье бывает все. Цыпа, цыпа, цыпа!

Показалась изба на куриных ногах.

Жо р а

Да... Такого зверя и в дурдоме не придумаешь. Так это он и есть?

С а ш к а

Ты о ком?

Жо р а

Ну Леший-то?

С а ш к а

Жора! В воде — водяной. В дому — домовый. В лесу — леший. А это изба. Хата. Жилплощадь. Но, правда, на курьих ножках. Ножки, конечно, побольше обыкновенных, но ведь и избушка тебе не пеструшка.

Жо р а

Хороша жилплощадь: ни окон, ни дверей.

С а ш к а

А для входа и выхода здесь печная труба. Очень удобно. Особенно верхом на помеле. Заодно и дымоход почистить.

Жо р а

Так она что, тоже говорящая?

С а ш к а

Кто?

Жо р а

Избушка.

С а ш к а

С чего ты взял?

Жо р а

Ну, раз она на «цыпа-цыпа» откликается.

С а ш к а

Куры тоже откликаются, но говорящих среди них я что-то не припомню. А! Была одна, была. Чернушка. По совместительству — министр небольшого подземного царства. Но это все в другое время в другом месте...

Ж о р а

Саня! Я хочу к Лешему.

С а ш к а

Кто ж тебе запрещает.

Ж о р а

Так это избушка, а Леший где?

С а ш к а

В ней.

Ж о р а

Ффу!.. Ну что ж ты мне тут голову морочишь? Эй! Хозяин!

С а ш к а

Жора... какой же ты все-таки... Сказано же было: молодой, необученный — ну так стой и учись!

И с каких это пор в заповедном лесу

От гостей хозяева прячутся?

Выходи, Лешак, покажись, Лесовик:

Не со злом к тебе люди добрые.

Из избушки появился Леший.

Л е ш и й

Я гостей не звал, я гостей не ждал.

У меня и печка не топлена.

У меня и воды не наношено.

И хозяйка моя неизвестно где

Неизвестно чем занимается.

Жо р а

Батя! Да нам не надо ничего, ты только скажи...

Са ш ка

Цыц! *(Лешему.)*

А нам печку растопить — это плюнуть раз.

А водицы принести — и плевать не нать.

Что хочишь, мы тебе то и сделаем.

И ничего за это не требуем.

Жо р а

Ты только скажи, где русалку найти, все.

Ле ш и й

Что ж ты, гой еси, али жил не на Руси?

Говорить не умеешь по-нашему?

Жо р а

А че, я непонятно говорю? *(Громко, как глухому.)* Русалку! Где есть можно находить айн русалка? *(Сашке.)* Переведи ему.

Са ш ка

Очумел совсем добрый молодец:

Вынь подай ему живую русалочку.

Ле ш и й

А зачем ему живая русалочка?

Са ш ка

А на ярмарке за деньги показывать.

Ле ш и й

Ну а ежели это ей не понравится?

Жо р а

Да она за такие бабки удавится!

Л е ш и й

Смотри-ка, научился.

Ой ты гой еси добрый молодец!

Вот дождись — придет моя хозяйюшка,

Ты ее и расспроси о русалочке.

Уж она-то в русалках разбирается,

Так тебе на ладонь все и выложит,

Где искать, как ловить и выслеживать.

Ж о р а

Ну и сколько ждать твою хозяйюшку?

Л е ш и й

Это, брат, даже богу неведомо.

С а ш к а

Все торопишься, Жора, все торопишься.

Ж о р а

А мне ждать не нать, когда можно взять!

Вот мать-перемать, с вами совсем язык поломаешь.

Все, Саня. Необходимую информацию я получу без те-

бя: кажись, я понял, как это здесь делается. Цыпа-цы-

па-цыпа! А ну, избушка, повернись ко мне передом, а

задом — ко всем остальным! *(Избушка повинуется.)* А?

Соображает. Трейлер лукоморский. *(Забирается на крышу.)*

С а ш к а

Ну и леший с тобой.

Ж о р а

Леший — с тобой, Саня. А мне к лешахихе пора.

Нукося, избушечка убогая,

Дорогая ты моя, куроногая,

Отвези меня к своей хозяйюшке:

Мне охота с ней потолковать!

Двинулись. Жора запел на мотив «В нашу гавань».

Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты,
Кабудто мимолетное виденье,
Кабудто гений чистой красоты! (Уехал.)

Л е ш и й
Что-то друг твой чересчур разбежался.

С а ш к а
А на избушках никогда не катался.

Л е ш и й
Не свихнул бы себе шею с наскоку.

С а ш к а
А не мешало бы ему для урока.

Л е ш и й
Ну, прям два сапога с моей бабой!
Тоже, дура, помешалась на русалке.
Тут одна мне запуталась в сети.
«Отпусти, говорит, меня, Леший,
Я, мол, дочка самого Черномора,
Он тебе любой выкуп заплатит».
Ну а я что — последняя сволочь,
Торговаться за живую душу?
Говорю: мол, ступай себе с миром.
А моя как узнала, так взвыла:
«Как же ты обо мне не подумал?
Попросил бы хоть новое корыто!»
И пошла она, безумная, к морю
И все невод кидает и кидает.

С а ш к а
Так избушка-то куриная эта
К ней направилась?

Л е ш и й
Вестимое дело.
Не завидую я твоему другу.

С а ш к а
Отчего же?

Л е ш и й
Ведьма есть ведьма.
Погубить она его не погубит,
Но погонять его она погоняет.

С а ш к а
А вот на это я охотно погляжу!

И они направились к морю.

С а ш к а и Л е ш и й (на мотив «Варяга»)
Как ныне собирается вещий Олег
В поход за русалкой прекрасной.
Разумным советом дурак пренебрег,
И это он сделал напрасно.
Напрасно старушка ждет сына домой,
Ведь в чем самый главный вопрос-то:
С русалкой управится каждый любой,
Но с ведьмою это непросто!

У МОРЯ

На морском берегу Баба Яга который раз закидывает невод.

Я г а
Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня,
Не боюсь я тебя,
Не люблю я тебя!
Я свободу люблю!
Я богатство люблю!
Я в куриной избе
Больше жить не хочу!
(Тянет невод.)
Хочу быть владычицей морскою!

(Вытянула.)

Тьфу! Опять пусто. Проклятый невод! Не любит он меня. Не хочет работать. Леший закинет — ладно, не русалку, так хоть рыбы кила два-три, а вытянет! А я тащу — сплошного пустыря. Вот бы попросить — может, у кого рука легкая? О! Смотри-ка, как по заказу.

Те же и Жора на избе.

Жора

И вот оно, чудесное мгновенье:
И вот передо мной явилась ты,
Кабудто мимолетное виденье,
Кабудто гений чистой красоты!

Здорово, хозяйюшка! Ну, блин, твой домик — это супер!
Вездеход! Жмет по пересеченке, как по маслу.

Яга

Здравствуй, здравствуй, сокол ясный...

Жора

Нет, ты не думай, все о'кей: я — по доверенности, хозяин разрешил.

Яга

Милости просим, милости просим... э-э-э...

Жора

Георгий.

Яга

Георгий! Победоносец?

Жора

Ну... не все сразу.

Яга

Да чего уж там. Победоносец и есть. Вон какой... внушительный.

Жора

Ты мне, хозяйюшка, вот что скажи...

Яга

Погоди. Ну нельзя же так. Все-таки еще не старая женщина. С утра на тяжелой работе. Ты видишь? Видишь? *(Подносит к его носу ладони.)* Этими руками бисером по шелку вышивать, а не сети раскидывать!

Жора

Ну хорошо, хорошо, ты мне только вот что...

Яга

Что я тебе? Кто я тебе? А ведь ты Георгий. Победоносец! Защитник страждущих, опора жаждущих, а я? Разве я не страдаю? Не жажду? А ему хоть бы что!

Жора

Ой ты гой еси красна девица!

Яга

Наконец! Наконец заговорил по-человечески! Помоги мне, Георгий-батюшко: Кинь мой невод как можно далее, Может, он хоть за что-то зацепится! А то вишь, я кидаю, а все попусту.

Жора

Ты сперва мне скажи...

Яга

Сперва невод закинь.

Жора

А ты скажешь потом?

Яга

Я что хочешь скажу!
Все скажу! Коли невод зацепится.

Жо р а *(раскачивает невод перед броском).*

Ходил Я-ша

Эх, да на рыбалку!

Ловил ерша,

Выловил русалку! Оп! Оп!

Я г а

Сто-оп! *(Остановила Жору.)* Какую русалку? Зачем русалку? Почему русалку? Вы что себе позволяете, молодой человек? Неведомо кто, неведомо откуда, да еще частушки поет! Неприличные!

Жо р а

Ты, блин, совсем мне мозги задурила. Я же тебе битый час толкую: я русалку ищу!

Я г а

Первый раз слышу.

Жо р а

Так ты слова сказать не даешь!

Я г а

Милый... прости. Говори.

Жо р а

Ля-ля, ля-ля, кидай невод, не кидай невод, я страждаю, я жажду — ушей никаких не хватит! А теперь: говори... А че говорить-то? Ну... в общем, у нас, в «Лукоморье»...

Я г а

У вас в Лукоморье?

Жо р а

Ну да. Холдинг такой.

Я г а

Так.

Жо р а

Ну вот. И есть потрясающий проект. Такое шоу со всякими прибабасами.

Я г а

Так.

Жо р а

Дизайн такой прикольный, звук, свет — полный супер, ну, что ты: бабки сумасшедшие!

Я г а

Какие бабки?

Жо р а

Зеленые. Само собой. Не деревянные же.

Я г а

Зеленые бабки сумасшедшие. И это все у вас в Лукоморье?

Жо р а

Ес, ес.

Я г а

А у нас в Лукоморье что?

Жо р а

Ничего. обойдетесь и без русалочки. У вас вон и лешие, и водяные, карлы летают, избушки бегают, волки хамят — не обедняете небось.

Я г а

А у вас в Лукоморье...

Жо р а

А у нас ваша русалочка будет — аттракцион.

Я г а

И бабки сумасшедшие.

Жо р а

Не то слово. Бабки — туши свет и падай.

Я г а

Интересное дело: все слова понимаю — но только по отдельности. Георгий! Как хорошо...

Жо р а

Что хорошо?

Я г а

Как хорошо, что ты попал именно ко мне. Это Леший тебя надоумил, да? Все-таки он у меня не совсем идиот. Георгий! Тебе не сюда надобно. Ты же русалку ищешь?

Жо р а

О чем я тебе и толкую!

Я г а

Ну, слушай.

Сообщаю по секрету:

Здесь твоей русалки нету.

Для русалки здесь не та

Атмосфера и среда.

А вот там, за косогором,

За густым сосновым бором

В царстве Грозного, царя —

Есть русалочка твоя.

Вся собою величава,

Выступает словно пава,

Речь как реченька журчит,

А во лбу звезда горит...

Жо р а

И на дереве сидит?

Я г а

И на дереве сидит!

Кто бы снял ее оттуда?

Что ж ты медлишь, чудо-юдо?

Запрягай мою избу!
Попытай свою судьбу!
Грозный царь — он с виду грозный,
Он соперник несерьезный,
На покой ему пора.
Ну! Ни пуха, ни пера!

Жо р а
К черту! Эй, куроногая! Трогай!

Тронулись. Жора запел.

Я помню это чудное мгновенье,
Когда передо мной явилась ты... (*Уехал.*)

Я г а
Давай-давай, русалочник! Сейчас тебе будет звезда во лбу. Здоровая, лиловая. А русалочку я и без тебя выловлю. Мне бы теперь рыбака какого-нибудь попутным бы ветром занесло бы. О! О! Легок на помине. (*Машет рукой вверх.*) Эй! Эй! Давай сюда!

Голос к о р о л е в и ч а
Не могу! Он сопротивляется!

Я г а
А ты ему бороду! Бороду ему отщипывай помаленьку! Он и снизится.

Голос К а р л ы
Не надо! Не надо отщипывать! Ай! Ай!

Сверху спланировали Карла с Королевичем на бороде.

К о р о л е в и ч
Вот, сударыня, спасибо!
А то этак авось-либо
И до Страшного суда
Не спустился б я сюда.

Я г а

А чего с ним церемониться? Это ж Черномор. Его вся сила в бороде. Дерни как следует, он и посыплется. Дай-ка сюда.

Кар ла

Не дергай! Не дергай меня!

Яга дернула, оторвала бороду.

Оууу!

Я г а

Молчи, Карла дурацкая.

Кар ла

Оууу!

Я г а

Я что сказала? *(На бороду.)* А то сожгу и пепел развею.

Кар ла

Повыть я могу?

Я г а

Выть — вой. От этого большого вреда не будет. Ну-ка!

Кар ла

Оууу!

Я г а

И кроме этого — ни звука!

К о р о л е в и ч

Нет ли здесь какой ошибки

Иль заведомой фальшивки?

Я-то слышал: Черномор

Сторожит морской простор.

Тридцать витязей дозором

Ходят вместе с Черномором...

Он, я слышал, великан,

А не то что этот... ммм... таракан.

Я г а

Да нет, все правильно. Тезки они. И этот — Черномор, и тот — Черномор. Ну, небось знаешь — как у людей: Александр Первый, Александр Второй, Александр Македонский, а то и просто Александр, без номера: Александр — ну, Сергеич, например. Был такой. Без номера, а всех обставил. Мне бы так. Ладно. Карлу я при себе оставлю, а ты чего ищешь?

К о р о л е в и ч

Где-то здесь моя невеста,
Верх ума и совершенства:
Речь как реченька журчит,
А во лбу звезда горит.
Вот уж год, как мы с ней вместе.
Наш союз, сказать по чести,
Только крепнет с каждым днем.
Нам так весело вдвоем!
Мы гуляем, мы читаем...

Я г а

Ну, хорошо, хорошо. Что случилось-то?

К о р о л е в и ч

Этот вот пигмей проклятый,
С бородой своей крылатой,
У меня ее украл
И куда-то подевал.
А когда ко мне попался,
Даже слушать отказался!
Даже прямо не глядит —
То бранится, то молчит.
Уж три дня мы с ним порхаем...

Я г а

Так. Ну, слушай. Что мы знаем:
Красну девицу твою
В нашем видели краю.

(Таинственно.)

Здесь она, у Черномора,
Не у этого, чумного,
А совсем наоборот:
У владыки здешних вод.

Карла
Оууу!

Яга
Ишь! Подтверждает, мальчонка.

(Королевицу.)

Невод мой рукою бодрой
Кинь, обшарь дворец подводный:
В нем томится, слезы лья,
Раскрасавица твоя.
Здесь угодия большие.
Размахнись-ка, друг, пошире:
Вдруг да с первого раза
Твоя девица — краса
В наши сети попадетсЯ?
А сорветсЯ...

Королевич
Не сорветсЯ.
Океан переверну,
Но невесту я верну.

(Хочет закинуть невод.)

Карла
Оууу!

Яга
Не кричи под руку!

Карла
Оууу! Оууу!

Я г а

Ну, соловей! Ты с какой это радости распелся?

Кар ла

Оууу!

*Издали раздался голос Бурого Волка: Оууу! Оууу!
Я здесь! Я идууу! Оууу!*

К о р о л е в и ч

Это он! Мой Волк! Мой Бурый!

Я г а

Так. А я-то дура дурой.

Распустила соловья.

Обхитрил, подлец, меня.

Воег, стонет, завывает —

А он волка зазывает!

(О Королевиче.)

Ишь, нашел себе дружка.

Те же и Бурый Волк.

Ну, пойдет теперь тоска!..

К о р о л е в и ч

Здравствуй, Бурый! Здравствуй, друг!

Без тебя я как без рук.

В о л к

Слава богу! Наконец-то!

Заждалась тебя невеста

Там, у Грозного царя...

К о р о л е в и ч

Как у Грозного царя?!

Волк

Так. Вон там, за косогором,
За глухим сосновым бором,
Там красавица твоя,
За замками, за тремя.
Я их грыз — да мало толку.
Одному, хотя и волку,
Там не сладить без тебя.

Королевич

(Яге).

Ну какая ж ты змея!
Вот бессовестная баба!
Покраснела бы хотя бы.
Так обманывать людей
Ради выгоды своей!
Да ведь я бы сколько рыбы
За одно твое спасибо
Просто так бы натаскал!

Яга

Ну морока!.. Ну тоска!..

Волк

Поехали!

Королевич *(саясь верхом на Волка).*

Ну, скажи, какая радость
Человеку делать гадость?
Неужель не тяжело
Причинять другому зло?
Как ты можешь? Я не знаю,
Я тебя не понимаю... *(Удаляется, качая головой.)*

Яга *(Карле).*

Ну скажи мне, моя радость:
Зы зачем мне сделал гадость?

Карла

Отдай бороду, бороду отдай!

Я г а

Он мне будет гадости делать, а я ему бороду отдавать.
Зачем Волка Бурого накликал?

Кар ла

Я не кликал — я плакал! Отдай бороду!

Я г а

Плакал он! Он плакал, а красавец этот всю меня обругал с ног до головы, хорошо до смерти не убил. Кто мне теперь русалочку поймает?

Кар ла

Оууу! Да ты, что ль, русалочку ловишь?

Я г а

А кого же еще, рыбу, что ли? Я на нее и так смотреть не могу, мне ее мой дурак каждый день ведрами таскает. Давеча в кои-то веки повезло: русалочку выловил, Черномора дочь. И отпустил! Представляешь? Сжалился! Она говорит: проси чего хочешь, а он — сжалился! И не попросил! Ну не дурак ли?

Кар ла

И ты теперь, стало быть...

Я г а

Не получается у меня! Кидаю, кидаю — а она не цепляет!

Кар ла

И ни разу? Ничего?

Я г а

Два краба, три медузы. Все.

Кар ла

Кидать надо уметь.

Я г а

А ты можешь?

Карла
Бороду!

Яга
Сначала зацепи!

Карла
Зацеплю, зацеплю. Бороду!

Яга
Сначала зацепи!

Карла кинул невод.

Карла
Тащи.

Яга
Зацепило! Зацепило!

Карла
Бороду!

Яга (*швырнула ему бороду, Карла в нее завернулся и исчез*).

Тянем-потянем... тянем-потянем... Ой, сорвется!.. Ой, не вытяну! Леша! Лешенька! Где ты там? Помоги!

Вбежали Леший и Сашка, помогают.

Втроем
Эй, ухнем! Эй, ухнем! Еще разик, еще раз! Подернем, подернем, да ууу...

Яга
Ой! Это не русалка! Какая же это русалка? Ой! Опять Карла проклятый надул! Ой, я боюсь! Лешенька!

Леший
Все! Уходим! Бросай невод, Сашка! Пропадешь!

С а ш к а

Да ты что? «Бросай»! Ты смотри, кто нам попался! Эй, ухнем! Еще разик!

Л е ш и й

Сейчас будет тебе разик! А то и два! (Яге.) Бежим!

Я г а

Бежим, Лешенька! Только недалеко...

Прячутся в кустах.

С а ш к а

Сама пойдет, сама пойдет... сама пошла. Ничего себе русалочка...

Из моря, отцепляясь от невода, выходит Черномор. Смотрит на Сашку сверху вниз.

Ч е р н о м о р

Зачем, пришлец, ты позвал нас?

У ГРОЗНОГО ЦАРЯ

Ц а р ь

Я державой русской правил,
Пол-Сибири к ней прибавил,
Бил литовцев и татар,
Не щадил своих бояр.
Сколько я извел народу,
Сосчитать не хватит году.
Стоит бровью мне повесть,
Дрогнет каждый кто ни есть.

(Показывает на темницу.)

Лишь она дрожать не хочет,
Нос воротит, слез не точит,
Чем я только ни грожу,
Сколько бровью ни вожу!

Ну да ничего. Оно и чести больше — такую девицу покорить. Малюта!

Входит Малюта.

Взгляни на дорогу, не едет кто? Должен ехать, должен. Королевич, жених ее. Малый, говорят, упорный, — люблю с такими повозиться!

Малюта

Едет! Едет, батюшка-царь!

Царь

Вот молодец! Добрался. И как едет — на коне аль в карете?

Малюта

На избе едет.

Царь

Как на избе? На какой такой избе?

Малюта

Да на плохонькой, даже окошек нет.

Царь

А изба-то на чем?

Малюта

Своим ходом чешет.

Царь

Непохоже на Королевича.

Те же и Жора верхом на избе.

Жора (*поет*).

Прибежали в избу дети,

Второпях зовут отца:

«Тя-тя тя-тя тя-тя тя-тя

Ламца-дрица ум-ца-ца!»

Ой вы гой еси, добры молодцы, и кто же из вас будет Грозный Царь?

Царь (злобно).

Он еще спрашивает! Нет, это не королевич. (Притворно.) Милоч! Откуда царь в такой глуши? Это вот Малюта, живодер, каких свет не видывал, а я — чернец недостойный Ивашка. Живем, росой умываемся, малиной питаемся, помалу грешим, понемногу каемся. А царь тебе зачем?

Жора

Есть бизнес небольшой.

Царь

Кто небольшой?

Жора

Бизнес. Ну, проект. Как же это по-русски, Господи? Дело.

Царь

Дело у него к царю. Ты из каких же будешь, боярин? Из Шуйских? Или Воротынских?

Жора

Я вообще из мытищинских.

Царь

Смерд презренный, вот ты кто. Дело у него.

Жора

Батя, не понял. Кто я?

Царь

Прости, боярин, прости Ивашку недостойного, не вели казнить, вели слово молвить — царя-то, Грозного, по имени не помнишь ли как звать?

Жора

Иваном, вроде бы.

Ц а р ь

Иванов много, я вон тоже Иван — а по отчеству?

Ж о р а

По отчеству?

Ц а р ь

Не знает, как Ивана Грозного по отчеству. А по номеру, может, помнишь? Ну, который Иван Грозный-то был? Первый, второй, десятый? А? Нет, Малюта, ты видел? Ничем их не проймешь. Мало я их гноил, забыли, на-помнить надо бы.

Ж о р а

Батя! Ты чего прицепился-то ко мне? Мне же не ты нужен, а Царь.

Ц а р ь

А вот я его тебе сейчас и представлю. Малюта!

Малюта обхватил Жору, прикрыл ему глаза, затем открыл — перед ним стоит Царь в полном облачении.

Ну!?

Малюта ставит Жору на колени.

Ну?!

Малюта бьет Жору по заду.

Ж о р а

Это... значит... Ваше благородие... Гой еси на небеси...

М а л ю т а

Не так! Не так! Повторяй за мной, смерд!

Ж о р а (повторяет).

Благодарствуй, царь Иван Васильич!

Всея Руси самодержец!

Князь Тверской, Астраханский, Казанский,

И прочая, и прочая, и прочая!

Ц а р ь (грозно).

Я, Иван Васильич Грозный,

Царь решительный и грозный,

Объявляю: оный пес

Есть лазутчик и прохвост,

Басурманский соглядатай,

Еретик, колдун треклятый,

Ибо лишь под колдуном

Избы ходят ходуном.

Посему об этом смерде

Приговор: повинен смерти.

В кипятке сварить его!

Но сначала — сверх того:

Всыпать ему десять горячих! Ан нет — калеными щип-

цами его за уши! Ан нет — батоков ему по голым пяткам!

Ан нет — скорпионов ему полные штаны!

Вдали раздается серенада: «Я здесь, Инезилья!»

Так. Все запомнил? Завтра пропишешь ему всю программу полностью, а пока — в яму его!

Малюта сбрасывает Жору в яму.

Ну, вот и Королевич. Вот и жених. Дождался я. Я с ним такое сделаю, такое! Она мне сразу покорится. Ну-ну. Заходи, милоч, заходи, не бойся.

Стремительно входит Королевич.

К о р о л е в и ч

Царь Иван Васильич Грозный!

Ваш характер одиозный

Прогремел на целый свет.

Вас терпеть — терпенья нет!

Заточили царь-девицу

В свою грязную темницу!

Некрасиво, государь:

Вы же царь, а не дикарь!

Ц а р ь (хрипит от злобы).
Ма-лю-та!..

Малюта было двинулся — но его перехватил Волк и полностью обезвредил.

К о р о л е в и ч (наступая на Царя и даже похлопывая его по щекам).

Да, хоть монарх вы безусловный,
Вы — преступник уголовный:
И вините без суда,
И казните без труда.
Из-за черной вашей злобы
Вы весь мир сгноить готовы,
И в темницу-то как раз
Нужно вас, вас, вас!

Ц а р ь
Малюта!..

М а л ю т а (хрипит).
Что — «Малюта»?! Что Малюта?! Ведь это же не зверь, а
какой-то монстр!

К о р о л е в и ч
Ключи!

Малюта подает.

Да, злодей вы легендарный,
Нрав и вид у вас кошмарный,
Но для сказочных людей
Слишком злобный вы злодей.
Ну-ка, марш в темницу оба!
За железными дверьми
Либо вас задушит злоба,
Либо станете людьми.

Отпирает темницу. Волк запикивает в нее злодеев. А из темницы на свободу появляется Ц а р ь - Д е в и ц а.

ДУЭТ

Царь-Девница и Королевич
— Друг сердечный, здравствуй, здравствуй!
Королевич мой прекрасный!
Здесь, в тюрьме моей томясь,
Как тебя я заждалась!

— Друг сердечный, ангел милый!
Образ твой, навек любимый,
Разгоняя ночи мрак,
Был всегда надежды знак!

Оба

Ни в лесу, ни в бурном море
Нет преграды для любви.
Буря, хищник и злодей,
Все отступят перед ней!
Ибо нет сильнее власти,
Чем огонь сердечной страсти,
Ибо только в ней одной
Тайна радости земной!

Сели на Волка и унеслись вдаль.

Жора (из ямы).

Эй! Эй! (Слышно, как кряхтя пытается выбраться наружу.) Куда... куда... куда вы удалились... (Высунулся.)
Никого. А меня-то и забыли... Эй!

(Падает.)

Пауза.

Появился Карла с бородой. Огляделся.

Карла

Так. Ясное дело. Упустили Царь-Девницу. Прошляпили красавицу. Ну и с чем же мне к Кощею лететь? А с ними и полечу. Пускай сами объясняются. (Отмыкает темницу.) По одному пять шагов вперед — марш!

Злодеи вышли.

Друг друга обнять! Глаза закрыть! Разговорчики — отставить! Шаг влево, шаг вправо — бросаю без предупреждения. *(Обвивает бородой.)*

Три... два... один... музыка!

Звучит «Полет шмеля». Карла со злодеями взвизгивает в воздух.

Ц а р ь

Погоди! *(Завис над ямой, где томится Жора.)* Тьфу! Хе-хе-хе!

Улетели.

АКТ ВТОРОЙ

У МОРЯ

Черномор

Зачем, пришлец, ты позвал нас?
Отвлек от нашей думы грустной?
Ответствуй нам и свой рассказ
Не порти ложью неискусной.

Сашка

Я ищу русалку... Она... это... которая на ветвях сидит.

Черномор

Как? Ты не говоришь по-лукоморски?

Сашка

У Лукоморья, слышал я,
Среди ветвей живет русалка,
Ну, как ворона или галка.

Черномор

Молчи. Противна речь твоя.
Из уст в уста перелетая,
Все исказит молва людская.
Русалка эта — дочь моя.
Нас разлучил недавно с нею
Проклятый Карла, тезка мой.
Обвив волшебной бородой,
Унес ее к царю Кощею.
Там, в чудный сон погружена,
В подводном гроте спит она

На ложе из ветвей коралла.
Вот на каких она ветвях!

С а ш к а
Вот на каких ветвях она!..
А велика ли глубина?

Черномор
Попасть туда надежды мало:
Все подступы закрыты к ней,
И знает их один Кощей.

С а ш к а
Да... видно, дочка хороша,
Коль так судьба ее несчастна.

Черномор
Она не хороша — прекрасна!
В ней все — и облик и душа
Венец творенья, перл природы!

С а ш к а
Так чем же горю-то помочь?
Что ж, так и будем день и ночь
Сидеть у моря ждать погоды?

Черномор
К Кощею дороги нет.

С а ш к а
Но ведь дочь твоя — там.

Черномор
Проклятый карла, тезка мой...

С а ш к а
Ну?..

Черномор
Чтобы я, Черномор, попросил у этого негодяя...

С а ш к а

Негодяя просить бесполезно. Но с ним можно торговаться.

Ч е р н о м о р

И что же ты ему хочешь предложить?

С а ш к а

Я?! Гм... разве что собрание сочинений. Хотя вряд ли это его заинтересует. А что, ваше величество, у вас — неужели ничего не найдется? Все-таки ваши владения значительно обширнее моих.

Ч е р н о м о р

Чтобы я, Черномор, этому ничтожеству, этому самозванцу...

С а ш к а

Почему самозванцу? Нет, тут не самозванцу — тут самому Кощею надо что-то такое показать, чтобы у него дух захватило и не отпускало. Пока Русалочку не вернет. Что-нибудь особенное.

Ч е р н о м о р

Есть, есть сокровище такое...

С а ш к а

Ладно, ладно, говорите нормально.

Ч е р н о м о р

В моем узорчатом дворце
Хранится небывалый жемчуг:
Мечта царей и греза женщин,
В резном двустворчатом ларце.
Тот жемчуг рос из года в год,
Питаюсь зимой и летом
То солнечным, то лунным светом
Сквозь толщу изумрудных вод.
И вот за несколько веков
Он стал морей звездою влажной,

И я нашел его однажды.
И драгоценный мой улов —
На мраморно-лазурном ложе,
Создание Солнца и Луны,
Сияет за стеклом волны
В ларце двустворчатом. И все же,
Хотя и нет ему цены,
Мне доченька моя дороже.
Возьми его.

Во время речи Черномора вносят ларец. Сашка бережно его принимает.

С а ш к а

Да будет так.

Пусть этот жемчуг благородный
Звездой мне станет путевой
И навсегда рассеет мрак!
Во, братцы, выражаюсь как!..

Ч е р н о м о р

Когда бы я в честном бою
Решал свой спор с царем Кощеем,
Я на него всю мощь свою
Обрушил бы — и прах развеял.
Но честный бой — не для злодея.
А хитрый торг не для меня,
И здесь, увы, бессилен я.
Прощай. Не выразить словами,
Как буду ждать я встречи с вами!

(Удаляется.)

С а ш к а

Так. Честный бой невозможен, а хитрый торг — это как раз для меня. Всю жизнь мечтал. Жемчугами торговать. *(Смотрит в ларец.)* Господи, красота-то какая!.. Русалочка — да ты того стоишь ли?..

Подходят Леший и Яга.

Яга

Да... во всем мире таких денег нет, этот камушек купить. А вещь-то, между прочим, наша.

Леший

Женщина! Опомнись!

Яга

А что? Невод наш, тащили вместе...

Леший

Вот ты бы и сказала Черномору: дескать, извини, промахнулся, мы не тебя — мы твою дочку ловили.

Яга

Да уж лучше бы я ее выловила, чем эта Карла борода-тая. Все-таки поближе к отцу. Денек-другой подержала бы ее да и отпустила бы. За небольшую сумму. Ему это раз чихнуть, а мне год жизни.

(Отходит, складывает невод.)

Сашка *(Лешему)*.

Слушай, а где Жора? Русалку у Кощея торговать — это скорее его дело, чем мое.

Леший

Спросить у нее? Он ведь к ней поскакал, на курьих-то ножках.

Сашка

Да нет, не стоит. Мое это дело, мое. А не Жорино. А вот лучше я ее спрошу... как звать-то ее?

Леший

Известно как: Баба Яга. Ну еще можно: Ягуша... Ягодка.

Сашка

Хозяйка! Ты не знаешь, как мне Карлу-то этого найти, с бородой-то?

Я г а

А чего его искать.
Куды хошь поди да встань,
Старый гривенник достань,
Ну и каркни раза два:
«Карла! Карла! Подь сюда!»
И сейчас же, сей минут
Карла будет тут как тут.

С а ш к а

Ну, была не была. Значит, говоришь: поди да встань.
Пошел. Встал.

Я г а

Ты, что ль, правда, к Кощею за Русалочкой собрался?

С а ш к а

Риск большой, понимаю. Эх! Хоть бы она и правда красавицей оказалась! Чтоб рисковать легче было.

Л е ш и й

Красавица, красавица. Кощей некрасивых не крадет.

С а ш к а

Все. Тишина. Вызываю извозчика. (Поднял *пирец*.)
Карла! Карла! Подь сюда! Карла, Кар...

Торжественный выход Карлы с бородой.

К а р л а

Зачем, пришелец, позвал ты меня сюда сейчас?

С а ш к а

Послушай, Карла...

К а р л а

Я Черномор!

С а ш к а

Ну хорошо, Черномор. Так сказать, Черномор Второй.

Карла

Почему второй? Первый! Это тот, водяной Черномор, второй, а первый — я! Черномор Долгобородый! А тот — второй, водяной, обыкновенный Черноморишко.

Сашка

Тот — хозяин самостоятельный.

Карла

Я тоже хозяин! Я тоже самостоятельный!

Сашка

Ну, какой ты хозяин. Ты у Кощея на побегушках.

Карла

Кто на побегушках? Я — на побегушках? У кого на побегушках? У Кощея? Ну и что? Мне нравится.

Сашка

Людей тащить к Кощею без спросу?

Карла

Ты зачем меня звал, добрый молодец? Ругаться я и сам умею.

Сашка

Зачем звал... да затем и звал: тащи меня. К Кощею своему.

Карла

С пустыми руками?

Сашка

С полными, с полными. *(Показывает ларец.)* Этого хватит?

Пауза.

Карла в обмлении.

Карла

Этого — хватит. Ну, парень, держись.

Обвивает Сашку бородой, и они исчезают.

Леший

Ну, все. Хоть наконец ты утомонишься.

Яга

Думаешь, вернется?

Леший

Это как повезет.

Яга

Вряд ли. Кошей есть Кошей. Бррр... Как подумаешь, и то дрожь берет. Надо же! Из-за чьей-то дочки собственной головой так рисковать.

Леший

Ну что ж... Королевич, вон, тоже ради своей красавицы три дня на бороде у Карлы мотался.

Яга

А ты бы ради меня к Кошею небось не поехал?..

Леший

К Кошею? Ради тебя? Да уж поехал бы.

Ой, Яга моя, Яга, Яжевичка!

Ой, бедова голова, бестолкова!

Что ты носишься повсюду как птичка?

Отдохнула бы чуток, право слово.

Ну-ка сядем в твою быструю ступу,

Да забудем про царя про Кошея,

Да поедem к лукоморскому дубу,

Да послушаем Кота-Котофея.

Вдвоем

Мой миленький дружок,

Мой нежный голубок,

О ком я вздыхаю...

Я г а

А может, вернется. Привезет мою Русалочку, выпустит в синее море, и возьму я опять свой невод...

Л е ш и й

Может, выпустит, а может, и упустит. Ежели дружок его постарается...

Я г а

Какой еще дружок?

Л е ш и й

Ну, тот! Которому Русалка для цирка нужна.

Я г а

Так этот русалочник... как его? Победоносец этот, Георгий — его друг?

Л е ш и й

Ну? Он же к тебе давеча направился, на курьих ножках — неуж не доехал?

Я г а

Так он, стало быть, его друг... Где моя ступа? (Свистит, ступа тут как тут.) И ты молчал!

Л е ш и й

Да куда же ты, Яженька?

Я г а

Лешенька! Я знаю куда!

(Помчалась.)

Мчатся тучи, вьются тучи,
Ветер, поле, огоньки,
А я мчуся еще лучше
С ветром наперегонки!

Кому золото для счастья,
Кому терем-теремок —
А мне лишь бы мчаться, мчаться,
Обгоняя ветерок!

У ГРОЗНОГО ЦАРЯ

Яга

Мчатся тучи, выются тучи, ветер, поле, огоньки.
А я мчуся еще лучше с ветром наперегонки!
Кому золото для счастья, кому каменный дворец,
А мне лишь бы мчаться, мчаться,
И примчаться наконец!

(Примчалась к разоренному хозяйству Грозного Царя. Осматривает местность.)

Фу... фу... здесь русский дух... здесь Русью пахнет...
фу... фу.. так-так... Это у нас Грозный Царь. Это Малюта. Это Королевич. Тут они малость поцапались. Ай, молодец королевич! А дальше? Дальше след теряется... как сквозь землю провалились... может, и в самом деле? Теперь вынырнут где-нибудь в Австралии. Ну, эти, ясное дело — на своем волке убрались, свадьбу небось играют. Ну, а русалочник мой где же? Так... так. . вот он! *(Над ямой.)* Эй, парены! Живой, нет? Живой, смотри-ка. Ну? И надолго ты сюда? Ага, соскучился. *(Бросает веревку.)* Ну, давай, давай, красotka, не бойсь, на свет божий объявись!

Вытащила Жору, и он немедленно пошел в злобе на нее, размахивая кулаками. Яга отскакивает.

Эй! Эй! Ты что? Я же Баба Яга! Я ж тебя сейчас в комара превращу и пальцем раздавлю!

Жора остановился.

Жора
Ведьма!..

Яга
Не отрицаю.

Жора
Гадюка болотная!..

Яга

Это неточно, хотя и близко.

Жора

Карга старая!

Яга

А вот это злостная клевета. *(Схватила Жору за грудки.)*
Извиняйся! Извиняйся, а то в комара!

Жора

Извиняюсь...

Яга

То-то! Я его из ямы вытащила, а он оскорбляет!

Жора

А кто меня в яму втащил? Кто Ивану Грозному подставил?

Яга

Ладно, ладно. Я подставила, я и отставила. А тебе наука! А то доверчивый чересчур. А если б я тебя к Кощею отправила? От него так просто не выберешься. У него знаешь какие ямки? Дна не видать. Да перед каждой дракон трехголовый. Да на каждой голове — пасть метр на метр. Да в каждой пасти зубов сто штук.

Жора

А на кой мне вся эта арифметика?

Яга

А на той! Русалочка-то твоя — у Кощея.

Жора

Опять лапшу вешаешь?

Яга

Егорий! Пора уж тебе различать, когда я лапшу вешаю, а когда — чистую правду. Когда уши отряхать, а когда и

растопыривать. Так вот сейчас растопырь их, пожалуйста, пошире.

Там, на острове Буяне,
У Кощея, но не в яме,
А на дне морских зыбей,
Меж коралловых ветвей,
В гроте сказочном укрывшись
И волшебным сном забывшись,
За замками четырьмя
Спит Русалочка твоя.
Для обычного народа
К ней ни доступа ни входа,
Я — и то не доберусь,
Хоть вороной обернусь.

Ж о р а

Ну и что же остается?

Я г а

Может, друг твой доберется.

Ж о р а

Кто — Сашка?

Я г а

Хоть, правда, он не богатырь...
Поближе ухо растопырь.

(Шепчет Жоре на ухо.)

У КОЩЕЯ

К о щ е й

Эй, Ванька! Эй, Малютка! Где вы там?
Не дозовешься вас, собачьи дети.

Вбежали Грозный и Малюта, хлопчут около.

Подай мне посох. Кресло пододвинь.
Ты хорошо гонял своих холопей —

Я тоже их гоняю хорошо.
Однако чую: к нам сегодня гости.
С подарками. А это я люблю.
Малютка! Ванька! Приглашайте, кто там.

Ввели Карлу и Сашку.

Карла
Здравствуй, здравствуй, царь могучий!
Я опять к тебе с добычей.
Вот, к сокровищам твоим
Принимай еще одно.

Кощей
Ладно, Карла, помолчи, не позорься. Складно говорить
ты не умеешь. (Сашке.) А ты?

Сашка
Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь.
Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман блеснит кремнистый путь.

Кощей
Умеешь. Добро. С чем пожаловал, добрый молодец?

Сашка
У тебя есть младая Русалка... У тебя в плену томится...
В твоём плену Русалка молодая,
Родная дочь хозяина морского.
Я с выкупом за ней.

Кощей
И это все? Каков же выкуп?

Сашка
Вот он.

Кощей
Погоди.
Я говорю: каков быть может выкуп,

Когда купец товара не видал?
Что у тебя? Быть может, чудо света,
Но у меня-то, может, тоже чудо,
Причем дороже втрое, чем твое?
Пойдем, купец, посмотришь на нее.

Музыка. Кощей приводит Сашку в подводный грот, где на ветвях коралла спит Русалка.

С а ш к а (*смотрит на нее*).

«Русалка на ветвях сидит»... Русалка на ветвях коралла... покоится в объятьях сна... волшебного... Вот надо было как!

В подводном гроте... на ветвях коралла
Русалочка... Ай, Сашка, молодец!
Все угадал. И Лешего с Кошеем,
И Волка с Черномором! А детали
На то и есть, чтоб их перевирать.
Но главное — все точно. Одного лишь
Не угадал: что я ее увижу
И до смерти влюблюсь. Точнее, насмерть.
Точнее: полюблю себе на гибель.
На гибель, точно... Как она прекрасна!

Ее разбудит поцелуй любви.
И я — я, Сашка! — медлю с поцелуем?
А потому и медлю, что я — Сашка,
А не какой-то ярмарочник Жора...
Спи, милая... Сейчас пойдут торги,
А в них тебе участвовать не надо.
Кощей! Она прекрасна.

К о щ е й
Ты считаешь,
Что выкуп твой товару равноценен?

С а ш к а
Как посмотреть. Что нужно ювелиру?
Все это можно взвесить и измерить
И до копейки точно оценить.

Но чем измерить красоту живую?
Полет бровей? Сияние улыбки?

Ко щ е й
И ты считаешь?..

Са ш ка
Каждому свое.
Возьми мой выкуп. Ты не прогадаешь.
Жемчужина морей! Название это
Для них обеих равно справедливо:
Возьми свою жемчужину — а той
Верни скорей свободу — ведь иначе
В неволе красота ее поблекнет
И, значит, вдвое прогадаешь ты. Возьми!

*Музыка «Не счесть алмазов...». Сашка протягивает Ко-
щею открытый ларец.*

Ко щ е й
Да, это камень добрый. Так пойдем
Приищем ему должное местечко.
Среди моих сокровищ. Вот они.

*Кощей вводит Сашку в подземелье. Вспыхивают бесчис-
ленные богатства.*

Смотри, смотри. Здесь серебро и золото
От всех племен народов всех времен.
Да, да: мне много лет, и я бессмертен.
Всегда есть время выждать случай свой
И что-нибудь еще сюда прибавить.
И есть такое, чему нет цены.
Вот, например: меч короля Артура;
Праща Давида; лук Вильгельма Телля;
Вот скатерть-самобранка от Лукулла
(Ты, может, помнишь — был такой гурман).
Вот шапка-невидимка: это вещь
Гаруна-аль-Рашида. Вот ковер
Летающий... а может быть, и нет.
Не знаю, я не пробовал. Нет нужды.

Мне незачем летать. Все эти вещи
Нужны мне лишь затем, чтоб сознавать,
Что это все мое, мое, мое!
С меня довольно этого сознания.
Бессмертен я, всевластен и богат.
Сам Ванька Грозный у меня в холопах!
И ничего нет злее для меня,
Как мысль о том, что есть еще богаче.
Как твое имя?

С а ш к а

Сашка. Александр.

К о щ е й

Так вот что, Александр. Ты этот жемчуг
Вернешь отцу. И объяснишь при этом,
Что он меня ужасно оскорбил.
Он повелитель всех морей, а значит,
Хозяин дна морского. Обладатель
Всех трюмов всех погибших кораблей,
Галер, фрегатов, шлюпов, галионов,
Битком набитых всяческим добром,
И в том числе и жемчугом отборным,
Где этот камень — лишь один из многих!
И он — мне — из такого урожая
Шлет зернышко? Одно? За дочь свою?
От пирога отщипывает крошку?
От пиршества — обглоданную кость?
Нет, я ученый. Знаю хорошо:
Есть на земле четыре океана.
Так пусть же он обшарит все четыре
И весь улов к ногам моим снесет!
Тогда я, может, дочь ему верну. Ступай!

Грозный и Малюта выкидывают Сашку вместе с ларцом. Сашка лежит ничком. К нему боком подходит Карла. Пытается вытащить ларец. Сашка хватается за руку.

К а р л а

Отдай, отдай.

С а ш к а

Что, нравится камушек?

К а р л а

Отдай, отдай!

С а ш к а

С какой стати?

К а р л а

Кощею он не нужен, а без меня ты отсюда не выберешься. Отдай.

С а ш к а

Отдам. *(Вскочил.)* Карла! Жемчуг твой. Окажи мне только одну малюсенькую услугу.

К а р л а

Ой, ненавижу я этот базар! Ты мне — я тебе, ты мне — я тебе. Никто даром работать не желает. Ну что, что тебе от меня надобно?

С а ш к а

У Кощея в подземелье понравилась мне одна шапочка. Кощею она не нужна, он сам сказал. А мне бы пригодилась. А? И жемчужина твоя.

Карла одну за другой выкладывает перед Сашкой разные шалки.

К а р л а

Эта? Эта? Эта? Эта?

С а ш к а

Она!

К а р л а

Зачем она тебе?

С а ш к а

Тебе какая разница?

Карла

Скажи, скажи. За такую жемчужину — и такую шапку?
Она волшебная, да?

Сашка

Волшебная.

Карла

Ну, я так и знал. Лучше я сам ее надену.

Сашка

Кто ее наденет, тот пропадет.

Карла

Как?!

Сашка

Так. Был человек — нет человека.

Карла *(швыряет шапку)*.

Предупреждать надо. Жемчуг давай! Ну! *(Хватает ларец.)* И кому же ты эту шапочку приготовил?

Сашка

Далеко ходить не надо. *(Надел шапку и исчез.)*

Карла

А? Что? Где? Обманул! Обманул! Отдай! Отдай! Забери свою жемчужину, жулик! На кой она мне?! С такой шапкой у меня сколько хочешь будет чего хочешь! Не хочу меняться! Отдай! У-у-у!

На крик прибежали Грозный с Малютой.

Царь

Почто ревешь, Карла неразумная?

Карла

Ванька ты, Ванька и есть. Как же мне не плакать? Гость ваш Сашенька — вор оказался! Обокрал дочиста!

Царь

Тебя, что ли?

Карла

Меня? У меня красть нечего. А вот у Кощея волшебную шапочку он увел! Ищи его теперь.

Малюта

Найдем, куда он денется.

Карла

А куда захочет, туда и денется! Шапка-то — невидимая!

Те же и Кощей.

Кощей

Наш гость — похитил шапку-невидимку?

И вы — стоите? А Русалка — там?

Марш к ней! Иначе он тут все похитит!

Царь с Малютой кинулись наверх. Карлу Кощей придержал.

А ты постой. Я вижу по глазам.

Что дело тут нечисто. Похититель

Один бы не управился. Я знаю.

Ты меня предал. Ты ему помог.

Вынул из-за пазухи у Карлы жемчуг.

Ах, Карла, Карла. Чистая душа.

Ну что бы потерпеть? Я полный короб

Таких камней насыпал бы тебе.

Но кажется — мечтать об этом поздно.

Музыка. Кощей смотрит на небо. Появились с виноватым видом Малюта с Царем. Тоже смотрят.

Летят... А мой летающий ковер

Еще летает. Еще как летает!

Эх, Карла, Карла, глупенький ты мой...

Отрывает Карле бороду.

Предателя в темницу заточить.
И ежедневно подбородок брить
С утра и на ночь самой ржавой бритвой!

Царь и Малюта уводят Карлу.

Не думай, друг, что ты такой уж хитрый.
Я, царь Кошей, не зря над золотом чахну:
Ведь что ни год, его все больше, больше,
И, стало быть, когда-то свой черед
Дойдет и до сокровищ Черномора.
Все будут здесь! А я не тороплюсь.
Я подожду. Ведь я Кошей — Бессмертный...

У МОРЯ

На берегу рядом со спящей Русалкой сидит Сашка.

С а ш к а

Вот мы и дома. Скоро твой отец
Появится из моря нам навстречу.
Со всей своей дружиной. Час настал
Будить тебя. Но как же мне решиться?
Ведь ты, едва очнувшись ото сна,
Себя увидев дома, на свободе,
Потянешься, вздохнешь, и засмеешься,
И навсегда исчезнешь с глаз моих!
И я тебя уж больше не увижу!
Мне эта мысль уже невыносима...
Но если ты, очнувшись ото сна,
Почувствуешь, как я тебя люблю,
И загорись пламенем ответным —
Мне эта мысль гораздо тяжелей...
Ты для своей стихии рождена.
Я — для своей. Нам вместе не бывать.
Ты задохнешься на моих просторах,
Как я в твоих пучинах задохнусь.
Нет, лучше уж тебе меня не знать,
Чем тосковать, как я, о невозможном.

Глядеть как я: гляжу не нагляжусь.
И так боюсь, что ты вот-вот проснешься!

Появляется Жора.

Ж о р а
А зачем? Не надо. Потом разбудим.

С а ш к а
Ярмарочник. Жора. Только тебя здесь и не хватало.

Ж о р а
Саш, а какие проблемы? Ты не хочешь с ней расставаться? Ну и не расставайся. У ней же будут все условия. Морской аквариум десять на десять. Вода проточная с подогревом. Питание, прислуга. Работы никакой. Ну, если захочет — споет что-нибудь или стишок расскажет. Ты же его и сочинишь.

С а ш к а
В неволе она погибнет, Жора.

Ж о р а
От таких условий никто еще не умирал. Ты что? Десять на десять, с подогревом!

С а ш к а
Ее отец не отпустит.

Ж о р а
А ему знать необязательно. Пускай все останется как было: дочь у Кощея, доступ практически невозможен, все. Поехали, Саня, поехали.

С а ш к а
Да ты хотя бы взгляни на нее.

Жора подошел, взглянул. Помолчал. Отвел Сашку в сторону.

Жо р а

Да-а... Ты прав... Слушай... Ведь отец за нее большие бабки даст!

Са ш ка

Жора!.. Жора... Она останется здесь, Жора. А ты, Жора, вали отсюда, Жора. Твое присутствие оскорбительно для Лукоморья.

Жо р а

Саня... Ты, наверно, не понимаешь. Мне плевать на Лукоморье. У меня командировка. У меня задание. И я его выполняю.

Са ш ка

Только через мой труп, Жора.

Жо р а

Ну, если другого выхода нет...

Са ш ка

Значит, будем стреляться.

Жо р а

Что-о-о?! Стреляться?! Ну, блин, ты поэт.

Оглянувшись, вынул нож и одним ударом убил Сашку. Нож выкинул. Постоял над Сашкой. Пошел за Русалкой. А там — Яга.

Я г а (всхлипывает).

Ну надо же! А? Ну надо же!..

Жо р а

Что такое?

Я г а

Хорошенькая какая!.. Ведь это прелесть одна да и только!.. Егорий! А? Ты понял теперь, почему ее Леший отпустил? Нет, ты понял?

Жора

Ты меня на «понял» не возьмешь.

Яга

Балда ты, Егорий. Или ты ее не видел?

Жора

Почему? Видел.

Яга

Ну?..

Жора

Что «ну»? Что — «ну»?!

Яга

А то, что красоту такую красть невозможно, вот что «ну»! Ну была бы она дура злая или жаба ядовитая — другое дело. А такую прелесть — в клетку сажать... Я, конечно, ведьма, но все же не Кощей, нет, не Кощей. Где он, друг-то твой?

Жора

При чем тут Кощей?

Яга

Я говорю, где твой друг? Сашка где? Ты его встретил? Отвлек? Уболтал? Усыпил? Ну как мы договаривались.

Жора

Ну!

Яга

Что «ну»? Что — «ну»? Буди его.

Жора

Сама буди! Что за базар, блин горелый! Обо всем же договорились! Сама буди! «Красота, красота...» Конечно, красота! А как же! Жабу ядовитую никто покупать не станет! В чем проблема, я не понимаю! Ну, будет она

здесь со своей красотой пропадать, ни она никого не видит, ни ее никто. А там? Десять тыщ человек народу каждый день, одного шоколаду накидают вагон, портреты во всех газетах, кино, телевидение — ты что?! И всего делов — немного поныряла, маленько поплавала, ручонкой махнула раза два — всё! Так нет же: «только через мой труп, только через мой труп!..»

Я г а

Да ты, что ли, его до смерти убил? (*Смотрит на Сашку.*)
Батюшки-светы! Да он его до смерти убил. Леша!.. Лешенька! Он Сашку, друга своего, до смерти убил!..

Те же и Л е ш и й.

Л е ш и й

Что?.. Ты Сашку убил? Эй! Люди! Он Сашку нашего убил!

Э х о

«Сашку убили... убили Сашку».

Те же и Королевич, Царь-Девница и Бурый Волк.

К о р о л е в и ч

Что такое? Быть не может!

Д е в и ц а

Даже стыд его не гложет?

В о л к

Прям как подвиг совершил!

В т р о е м

Сашку нашего убил!

Те же и Черномор с дружиной.

Ч е р н о м о р

Нам день и ночь все нет покоя:
Опять злодей убил героя,

Опять корыстный злобный дух
Нам отравляет все вокруг.

(Заметил дочь.)

Постойте!.. Я глазам не верю:
Вернули мне мою потерю!
Русалка, дочь моя! Жива!
В волшебный сон погружена...
Так! Добыл он ее из плена,
Освободил от царства зла,
И тут коварная измена
Его с ножом подстерегла.

(Жоре.)

Прочь! Прочь от нас, убийца подлый!
Твой жалок жребий безысходный:
Ты будешь жить — но путь сюда
Ты позабудешь навсегда.
Прочь!

Жора исчезает.

Эй, ведьма! Полезай же в ступу,
Спеши на Лукоморье к дубу:
Там, у Ученого Кота
Хранится чудная вода,
Живая...

Те же и Кот с флягой.

Кот
Никуда спешить не надо. Я уже здесь. Слухи по Лукомо-
рью разносятся быстро. Не будем же и мы терять вре-
мени.

Все обступили Сашку.

Хор
Вставай, поэт! И виждь, и внимли!
И обходи моря и земли

Не для корысти, не для битв —
Для звуков сладких и молитв
И вдохновения!

Черномор
И к нам
Захаживай по временам.

Сашка очнулся. Огляделся.

Сашка
Она здесь еще. Она еще здесь!

Черномор
Спаситель дочери моей!
Пришла пора проснуться ей.
Согласно вековым обычаям,
Поди и на челе девичьем
Свой поцелуй запечатлей.

Сашка подошел к Русалке, наклонился. Долго-долго поглядел. И не поцеловал.

Сашка (с тоской).
Нет, Черномор. Не обессудь.
Сам разбуди родное чадо.
А мне пора в обратный путь.
В обратный путь идти мне надо!
Прощайте все! Благодарю!
Вы мне вернули край родимый
И лиру верную мою,
И боль от раны нестерпимой! Прощайте!
Дон Базилио! Баюн Чеширский! Где ваша золотая цепь?
Закуйте меня, изо всех сил, не отпускайте ни на шаг!
Мне ведь только взглянуть последний раз. Последний,
понимаешь?

Черномор наклонился к Русалке и поцеловал ее.

Музыка

Русалка проснулась.

Русалка

Отец!.. Отец! Как долго я спала! (Заливается счастливым смехом.)

Черномор

О дочь моя!..

Черномор с дружиной и дочерью скрылись в родных пучинах. Их проводили и разошлись Леший с Ягой, Волк с Королевичем и Царь-Девницей. Остались только Кот с Сашкой.

Сашка (сквозь слезы).

Я помню чудное мгновенье...

Передо мной явилась ты...

Ты — гений чистой красоты.

Как мимолетное виденье!..

АТТРАКЦИОН

Кипит и гремит на все лады развлекательный аттракцион «Лукоморье». Игрушечный Кощей пляшет с игрушечной Бабой Ягой, а игрушечный Кот подыгрывает им на балалайке. Из дупла фанерного дуба выглядывает Русалка с хвостом: это Жора. Вследствие безуспешной командировки ему теперь приходится отдуваться самому.

Русалка Жора

Я красавица-русалка, я сижу на ветвях,

Как ворона или галка, а точнее, петух,

Если вам рубля не жалко, то идите сюда:

Я спою вам песню, господа!

Судьба моя русалочья

Так хороша, как мало чья:

Все есть — и дом, и деньги, и здоровье!

Весь день сижу на дереве

И ем сельдей на первое

И черную икорку на второе!

А на цукат и шоколад
Уже и глазки не глядят,
Вот так вот я живу и поживаю!
Одна мечта во мне жива:
Чтоб я вот так всегда жила,
И ничего другого не желаю!

ЭПИЛОГ

Через годы. Кот с Сашкой сидят под дубом.

Кот

Сколько лет, дорогой Александр, сколько зим. А ваша история — словно вчера. Впрочем, как и та, предыдущая, с Русланом и Людмилой. Но с вами хотя бы кончилась эта путаница с Черноморами: а то и злодей Черномор, и благородный отец Черномор...

Сашка

Теперь уж, наверное, и благородный дед?

Кот

Да, ее высочество Морская принцесса, которую вы тогда спасли из Кощеева плена, вскоре отыскала Атлантиду и вышла замуж за тамошнего принца.

Сашка

По-прежнему хороша?

Кот

Пополнела.

Сашка

Я иногда так жалею!..

Кот

Ваш случай из тех, когда жгучее сожаление гарантировано при любом исходе... Расскажите лучше о вашем тогдашнем спутнике. Как его — Георгий?

С а ш к а

И думать о нем забыл.

К о т

А я его здесь нередко вижу. Его сюда как магнитом тянет. Смотрите-ка! Вот он, опять! Притащился! Хотите поговорить?

С а ш к а

Нет уж, увольте. Но как же вам удастся не пускать его на Лукоморье?

К о т

А с вашей помощью, дорогой Александр. Прошлый раз вы забыли здесь свою волшебную шапочку. И когда вашубий... ммм... бывший компаньон приближается, я беру эту чалму и...

...и Лукоморье скрывается из виду. А на авансцену выходит усталый Ж о р а.

Ж о р а (бормочет).

Это же где-то здесь... здесь... я же помню. Сначала — прямо-прямо-прямо. Потом — налево по долине. Потом — наверх по плоскогорью. И так выходишь к Лукоморью.

По мере припоминания за его спиной обозначается все, что он припоминает.

У Лукоморья — дуб зеленый.

Златая цепь на дубе том.

И днем и ночью — кот ученый

Все ходит по цепи кругом.

Идет направо — песнь заводит,

Налево — сказку говорит.

Там — чудеса... Там Леший бродит.

(Усмехнувшись.)

Русалка на ветвях сидит.

Там на неведомых дорожках

Следы невиданных зверей:

Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там лес и дол видений полны:
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных
И с ними дядька их морской.
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя.
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря.
В темнице там царевна тужит,
А Бурый Волк ей верно служит.
Там ступа с Бабою Ягой
Идет-бредет сама собой.
Там царь Кощей над златом чахнет...
Там русский дух!
Там Русью пахнет!
И я — там — был! Был!..

С а ш к а

И я там был. И мед я пил.
У моря видел дуб зеленый.
Под ним сидел. И кот ученый
Свои мне сказки говорил...

БИБЛИОГРАФИЯ

Дается в сокращении. Фильмы и спектакли датированы по времени выхода на экраны и первой премьере. Внутри года фильмы и спектакля расположены в алфавитном порядке. Приводятся сведения только о первых постановках спектаклей.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Библиогр., 158 назв. / Сост. Р. Шипов // Совет, библиогр. — 1989. — № 5. — С. 45 — 50. — Содерж.: Стихи; Песни; Статьи, интервью, воспоминания; Литература о творчестве Ю. Кима; Фильмография; Сценография.

2. Библиогр., 147 назв. / Сост. Р. Шипов // Творческий вечер: Произведения разных лет. — М.: Кн. палата, 1990. — С. 279—286. — Содерж.: Стихи; Песни; Статьи, интервью, воспоминания; Литература о творчестве Ю. Кима; Фильмография; Сценография.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Я — клоун: [Песни]. — Дания, 1989. — 36 с. — Рус. и дат.

2. Песни: Репертуар. Сб. в помощь клубам самодеят. песни / Сост. А. Гагиев, Т. Лебедева, В. Пастухов. — Горький: Виразж, 1989. — 48 с.

3. Признание в любви: (Песни) / Сост. И. Грызлов. — М., 1989. — 64 с.

4. Творческий вечер: Произведения разн. лет: [Поэзия, драматургия, проза] / Послесл. Т. Бек. — М.: Кн. палата, 1990. — 288 с. — (Попул. б-ка). — Из содерж.: Бесмертный фламандец: Поэма-либретто; Сказка Арденнского леса: (по сюжету Шекспира); Московские кухни: (Из недавнего прошлого).

5. Летучий ковер: Песни для театра и кино. — М.: ВТПО Киноцентр, 1990. — 176 с.

6. Московские кухни: Пьеса в стихах. — М.: ВААЛ, 1990. — 54 с.

7. Волшебный сон: Фантазии для театра. — М.: Совет. писатель, 1990. — 304 с. — Из содерж.: Волшебный сон: Музыкальная сказка для взрослых; Ной и его сыновья: Фантастическая притча; Иван-царевич: Сказка в двух действиях; Баня во весь голос: Репетиция сатиры В. Маяковского; Профессор Фауст. Пьеса.

8. Своим путем: [Песни, стихи, пьеса, мемуары]. — Иерусалим: Изд-во М. Блюмина, 1995. — 136 с. — Из содерж.: Московские кухни: (Из недавнего прошлого); Воспоминания о Давиде: [Очерк].

9. Еврей Апелла: Пьесы и песни. — М.: Метод. центр поддержки евр. культуры, 1997. — 106 с. — Из содерж.: Еврей Апелла: Притча в одном действии по сюжету Л.

Фейхтвангера; Самолет Вани Чонкина: Либретто музыкальной комедии по сюжету В. Войновича.

10. На собственный мотив: [Песни с нотами]. — М.: Аргус, 1998. — 256 с., ил., ноты.

11. Собрание пестрых глав: Рассказы, очерки, стихи, песни. — М.: Вагант-Москва, 1998. — Кн. 1. — 288 с. — (Б-ка «Ваганта». Вып. 249—257). — Из содерж.: Сударь дорогой; Дело Петра Якира; Воспоминание о Давиде: Очерки.

12. Собрание пестрых глав: Очерки, пьесы. — М.: Вагант-Москва, 1998. — Кн. 2. — 256 с. — (Б-ка «Ваганта». Вып. 289—296). — Из содерж.: Сказка Арденнского леса: Музыкальная комедия; Патруль: Поэма-либретто; Сказка об Иване-солдате: Пьеса; Кто Царевну поцелует: Сказка для детей.

13. Мозаика жизни: Стихи, проза / Сост. Л. Мезинов. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 384 с. — (Сер. «Домашняя б-ка поэзии»); То же: Стихи, повесть / Сост. Л. Мезинов. — М.: ЭКСМО-Пресс; ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. — 384 с. — Из содерж.: Песня о Бумбараше: (Мюзикл по мотивам произведений А. Гайдара); Самолет Вани Чонкина: (Музыкальная комедия по сюжету В. Войновича); Воспоминание о Давиде: [Очерк].

14. Путешествие к маяку: [Стихи, песни, повесть, очерк, пьесы]. — Иерусалим: Б-ка Иерусалимского ж-ла, 2000. — 240 с. — Из содерж.: Путешествие к маяку: (Повесть); Шекспировские страсти в 1968 г.: (Очерк); Песня о Бумбараше: (Драматическая поэма); Еврей Апелла: (Музыкальная притча).

**Самое яркое событие
в литературной жизни
России 2005 года!**

**АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА
РОССИИ XX ВЕКА
В 50 ТОМАХ**

**В ближайшее время увидят свет книги
Антологии**

**МИХАИЛ ЗОЩЕНКО
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ЭПИГРАММА
АРКАДИЙ ВУХОВ
АЛЕКСАНДР ИВАНОВ**

Литературно-художественное издание

Юлий Ким

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том тридцать восьмой

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Мусин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Подписано в печать 24.11.2004. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Букмэн».
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 22,68 + вкл.
Тираж 6 000 экз. Заказ № 6569.

Отпечатано с готовых диалозитивов заказчика.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Одним #3

С М.-а! Свещеет. Крайнеи ильней.

М. Ужасеа все еще теми в пленю?

С. Тем в пленю велахуи, тем в сплелел.

М. Нет, Св., в убо не саводе,
Всех саводей - невед, пороги лесней.

С. Я, сам плариса конкратней,
Всех ильней алобавих морей,
Ильнейшом саводе ильнейней.

М. Так срой ^{св} ильнейшом саводе.

С. Срой, ^{св} хоть оры кунис с.

Как ^{св} Бжнотной Небесной пусоте
Ворго рет мотей алобавих,
Так с начала времен ильнейней
Харь ^{бжнот} по мотей Вейнот Мотрос
Дел ^{бжнот} срой, конкратней. До ^{бжнот} ильней
В ретней саводе, ретней саводе.
Ретнейшом, ретней ^{бжнот} Не о ^{множестве} алобавих,
А о саводе, ^{бжнот} конкратней кунис.

~~не конкратней - не конкратней конкратней
не конкратней - не конкратней конкратней
не конкратней - не конкратней конкратней
не конкратней - не конкратней конкратней~~

Не конкратней конкратней.

А по конкратней.

С М.а! Свещес. Кудавеси илтиф.

д. ~~Ужас~~ то еще там в плену?

С. Тем в пелен. Волгуши, или в сандеж.

Н. Кня, сь, въ зръ не сьмьей,
Всѣ сьмьей - певецъ природы лесной.

С. Я. как плоская конкретная,
Весь мир глубоко море,
Удивительный судорог мимолетный.

М. Тан ~~свой~~ ^{свои} не ~~свои~~ ^{свои} свои

Свое, ~~хотел~~ ^{хотел} хоть один купил еш.

Кан. ^{Св. С.} Фролов Алексей

гого нест нече алтунго,

Там с начала времен и поныне
Хорошо живут Великие Матросы

See ^{above} ~~the~~ ~~pages~~, ~~the~~ ~~22.05.70~~ ~~on~~ ~~the~~ ~~land~~

В родине сынах духа и тайнах.

Разумеется, речь не о ^{личности} автоматизме, а о том, что ^{наиб.} ~~каждый~~ имеет свои механизмы →

~~$$= 11.4522 - 16.20 \times 10^{-3} \times 1000 \times 1000 \times 1000$$~~

~~Her red eye - her eye is yellow~~
~~her eye is yellow~~

~~Какие люди в семье. Еще несколько и в семье.~~

~~Needs to meet Jano.~~

$\pi \approx 3.14$.

Молитба.

Ты,

где нудя была нас и вывел

на ^{бессмертия} ~~таинственный~~ путь Св. Висер-

Вамли нам, Юри Осн Кован!

И с вершиной Олимпа бессмертного
Посреда океана неслетного
Помог, поручи, помогурвал!

~~Дай ^{надежда} доброту до фрикаса заветного
И с ~~Вамли~~ и, Вамли царя ~~кресельного~~
Или ~~таинственный~~ ^{голова} ~~свое~~ похивай!
Дорога Юри Осн Кован...~~

~~Дорога от нам Юри Бессмертия ~~тот~~
молитвы Кован~~

ис мель ~~таинство~~

④ ~~Нас на ^{надежда} ~~путь~~ ~~песня~~ ~~сказочный~~ -
Крылев духа, ~~восторг~~ ~~бессмертия~~
Испомни от нам, Юри Кован!~~

Дай ^{девятка} доброту до ~~путь~~ 3.20
И с ~~Вамли~~ и, Вамли ~~царя~~ ~~кресельного~~
Или ~~от~~ ~~голова~~ ~~похивай~~,
Дорога от нам Юри ~~Бессмертия~~ - ~~Кован~~

~~Моя ^{душа} ~~нам~~ ~~свое~~ ~~надежда~~
Сила духа ~~восторг~~ ~~бессмертия~~~~

← ~~заглав~~

К. 16 ...

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Юлий Ким

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Пусть бесится ветер жестокий
В тумане житейских морей —
Белеет мой парус,
Такой одинокий
На фоне стальных кораблей!

Юлий Ким

ISBN 5-699-09099-1

9 785699 090990 >

Антология Сатиры и Юмора России XX века